

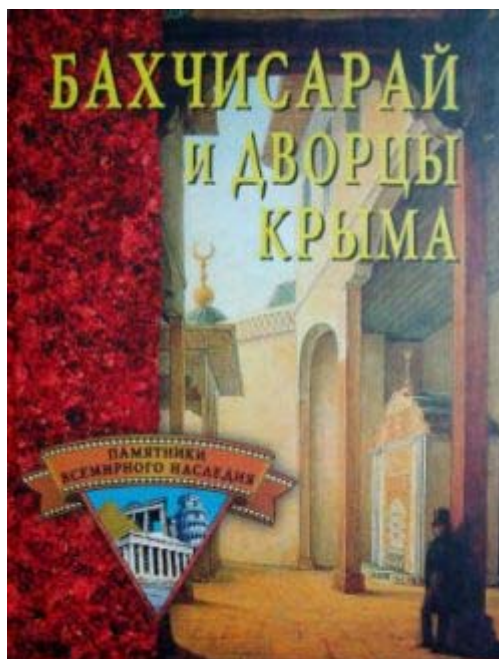
БАХЧИСАРАЙ И ДВОРЦЫ КРЫМА

ПАМЯТНИК
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Елена Николаевна Грицак Бахчисарай и дворцы Крыма

Памятники всемирного наследия

«Е.Грицак Бахчисарай и дворцы Крыма»: Вече; Москва; 2004
ISBN 5-94538-392-9

Аннотация

Новая книга из серии «Памятники всемирной истории» знакомит читателя с историей Крыма от античных времен до поры расцвета Таврической губернии. Вступив на полуостров с оружием в руках, россияне увидели в нем вторую родину. Завоеватели первыми отнесли к Тавриде как к уникальному историческому памятнику. Усилиями российских переселенцев дикий край превратился в цивилизованное место отдыха русской знати. На морском побережье поднимались из руин города, устраивались парки, возводились дворцы, о которых ведется повествование в этой книге.

Елена Николаевна Грицак Бахчисарай и дворцы Крыма

Введение

...В пределах России нет другой страны, которая бы жила такой долгой и такой интенсивной исторической жизнью, причастная эллинской средиземноморской культуре во все века своего существования.

М. А. Волошин

С незапамятных времен Таврида являлась причиной многовековой вражды племен и народов. Завоевателей манили плодородные земли побережья, неприступные скалы на юго-западе и степные просторы центральных районов. А наиболее притягательным было удобное

местоположение полуострова, располагавшегося на перекрестке торговых путей между Западом и Востоком.

Историческое развитие края тесно связано с природно-климатическими условиями различных зон. Омываемые теплыми водами берега в Античности привлекали греков, находивших в Крыму большие возможности для земледелия, торговли и занятий ремеслами. Пригодные лишь для скотоводства степные районы прельщали скифов – кочевников Северного Причерноморья. Спустя тысячелетие, уже в Средние века, войны не прекратились, но прежних хозяев успели сменить генуэзцы и потомки Чингисхана.

В обстановке вечного страха перед врагом исконным жителям Крыма защитой служили горы. Впрочем, они сумели устроиться в неприступных скалах настолько удобно, что решились спуститься в долины только в середине XIX века. К тому времени некогда дикий полуостров превратился в удобное и вполне цивилизованное место отдыха русской аристократии.

И. К. Айвазовский. «Штиль у крымских берегов», 1899

Россияне никогда не считали себя завоевателями. Вступив на полуостров с оружием в руках, они смотрели на новые края как на вторую родину. Оставаясь жить на древней земле тавров, русские вкладывали в нее свой труд и немалые средства: устраивали парки, возводили дворцы, поднимали из руин города. Благодаря усилиям состоятельных российских переселенцев были организованы первые археологические изыскания. Именно «завоеватели» первыми отнесли к Тавриде как к уникальному историческому заповеднику.

Каждый регион современного Крыма обладает неповторимым национальным колоритом. Выросшие на месте греческих колоний прибрежные города Феодосия, Керчь, Евпатория напоминают античные полисы светлыми зданиями и беззаботной морской атмосферой. Бывшая столица татарских ханов Бахчисарай сохранила яркий восточный облик. В старых районах Симферополя, построенного на развалинах Неаполя Скифского, витает дух первого хозяина города – предводителя кочевников Скилура.

По словам русского писателя А. С. Грибоедова, «Таврида являет собой естественный музей, хранящий тайны тысячелетий». Немногие регионы мира смогли собрать такие редкостные коллекции археологических находок, памятников истории и архитектуры, какие имеются в Крыму. Большая часть собраний размещена в бывших дворцах и храмах, которые сами по себе являются культурным достоянием.

Древняя Таврика

...Тавры жили разбоем и войной, принося в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море.

Геродот

В силу природных и географических особенностей Крым стал своеобразным местом встречи различных культур. В разные времена его населяли эллины, иранцы, иудеи, скифы, гетуэцы, армяне, татары, русские. Античные авторы называли «большой и весьма замечательный» полуостров Таврикой по общему наименованию племен, обитавших в Крыму до прихода кочевников из среднеазиатских степей.

Карта древнего Крыма

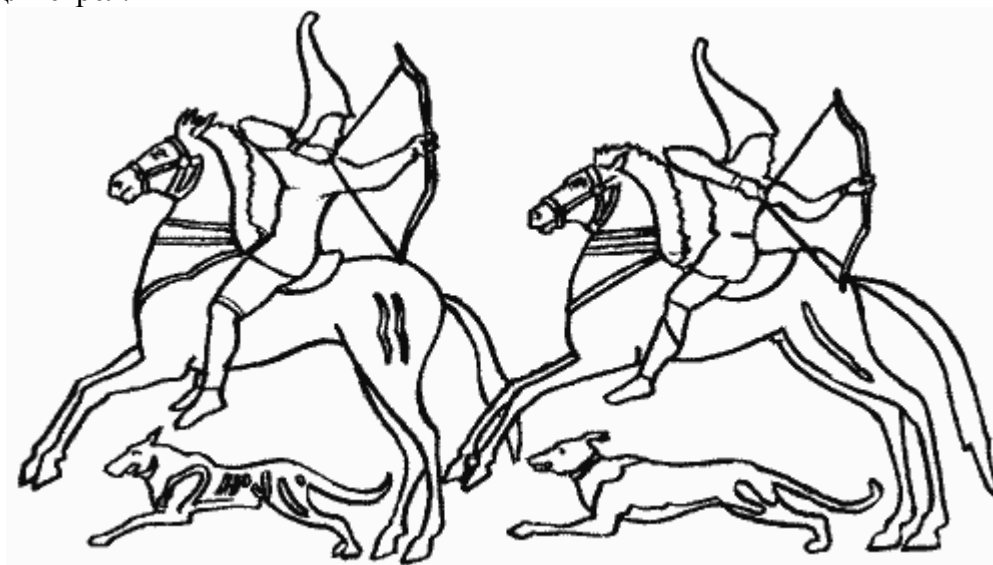
Историк Стефан Византийский приписал появление тавров заботам египетского бога Осириса, который вспахал землю на двух быках и затем обозначил местных жителей так же, как животных. Реальная история Крыма началась с киммерийцев, заселявших причерноморские степи в конце бронзового века. Их потомки – тавры – были вытеснены скифами, обратившими первобытный край в сильную военную державу, способную отражать нашествия персов. До того как ступить на благодатную землю Крыма, древние греки боялись этого края, расположенного за Понтом Аксеиносом – «негостеприимным морем». Первые эллины пришли сюда в VII–VI веках до н. э. На востоке полуострова осели греки из Милета, основав города Пантикапея, Феодосия, Мирмикион, Нимфион, объединившиеся под эгидой мощного Боспорского царства. Западное побережье Крыма заняли ираклийцы, образовав вначале колонию, а затем греческую республику с центром в Херсонесе. Практически не встречая сопротивления, греки заняли в Таврике все земли, наиболее удобные для жизни и коммерции. В античную пору их поселения служили посредниками в торговле между Элладой и северными странами. Быстро освоив новые территории, эллины переименовали спокойные воды Понта Аксеиноса в Понт Эвксинский – «море гостеприимное». Они остались на его берегах после покорения Греции Римом и не покинули Крым во времена величия Византии, когда полуостров входил в состав Восточной Римской империи.

Тавроскифия

Древнейшее население Крыма составляли полуоседлые кочевники-киммерийцы, обитавшие в Причерноморье и степных районах полуострова на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Память о них сохранилась в местных названиях, часто упоминавшихся в греческих

источниках. Именем исконных обитателей названы Киммерийские стены, пролив Боспор Киммерийский (ныне Керченский), город Киммерик и область Киммерия.

Одно из немногих киммерийских захоронений обнаружено на берегах «гнилого моря» Сиваш. Так издревле называлась система мелких заливов в западной части Азовского моря. Покойник лежал в скорченном положении на боку головой к востоку. Рядом с ним нашли спиральные подвески из бронзовых гвоздей, отделанных золотым листом, кусок железного кинжала, сосуд грушевидной формы с горлышком с отогнутыми краями. В древней Таврике место погребения воина отмечали возведением кургана или каменной стелой в виде столба со слегка расширенным основанием. Памятник схематично изображал погибшего, но вполне реально передавал детали обмундирования: портупейный пояс с кинжалом, луком и футляром для стрел.

Киммерийские воины

Похожие захоронения найдены близ Симферополя и Керчи. Однако умершие лежали головой на юго-запад в вытянутом положении. Отнесенные к более позднему времени, эти могильники содержали всевозможные предметы бытового и военного назначения. Киммерийскому воину, отправлявшемуся в последний путь, полагались глиняный сосуд, железный меч, бронзовые, железные и костяные наконечники стрел. Заупокойное снаряжение коня украшалось инкрустацией и резным орнаментом.

В «Илиаде» Гомера упоминается «земля дивных воителей, кобылиц, млекоедов, бедняков, справедливейших людей». Греческий историк Геродот, посетивший Причерноморье в V веке до н. э., передавал сведения о киммерийцах, руководствуясь топонимикой и устными преданиями. Подобно всем степным народам, они были хорошо вооруженными всадниками, выполняя приказы военной аристократии как в жизни, так и в бою. Приближение скифов придало решимости вождям, но «испугало народ, пожелавший бросить свою землю». Предводители погубили своих воинов в непрерывных боях, далее перебравшись из Крыма в Малую Азию.

Современные исследователи не решаются проводить прямую связь между таврами и киммерийцами. Прямыми потомками последних считаются народы, населявшие предгорье Крыма в III–II веках до н. э. Явные следы их проживания найдены в районе под названием Кизил-Коба. Наиболее вероятными предками тавров называют носителей кемиобинской культуры, получившей наименование от кургана Кеми-Оба близ Симферополя. Именно к ним относятся необычные погребальные сооружения, найденные в таврических степях и предгорьях. Обнесенные каменными оградами курганы увенчаны антропоморфными (уподобленными человеку) стелами в виде больших каменных плит. В отличие от киммерийских памятников у них четко выделены элементы человеческой фигуры – голова, плечи, пояс. Происхождение таких монументов связано с распространением мегалитических

сооружений: каменных оград, каменных ящиков или столбообразных менгиров – вертикально врытых в землю камней высотой до 5 метров. Истинным шедевром древнего искусства является полутораметровая стела из диорита, обнаруженная под Бахчисараем.

Грандиозные изваяния кемиобинской культуры, возможно, представляли собой первую попытку создания образа человека в монументальном искусстве. Являясь наследниками мегалитических традиций, тавры также возводили массивные сооружения, но в несколько уменьшенном масштабе.

Будучи представителями североиранского этноса, киммерийцы, тавры, кизилкобинцы и скифы являлись родственными народами. Оттого греческие авторы не случайно путали или отождествляли их друг с другом. Однако по существенным отличиям в культуре можно проследить пройденный ими исторический путь. Например, кизилкобинская керамика украшена геометрическим орнаментом, в то время как у тавров узоры отсутствуют. Первые укладывали покойников в небольшие курганы в вытянутом положении на спине, головой на запад. Вторые хоронили усопших в каменных ящиках, присыпанных землей, в скорченном положении на боку, ориентируя их головой на восток. Сегодня кизилкобинцы и тавры рассматриваются как два разных народа, населявшие горный Крым в последнее тысячелетие прошлой эры.

Даже скудные сведения представляют тавров многочисленным народом с самобытной культурой. Многие стороны жизни крымских племен остались неразгаданной тайной. Чужеземные мореплаватели знали полуостров издали, порой не решаясь причалить к суровым берегам. Плиний Старший при описании крымского побережья ограничился беглым перечислением: «...город тавров Плакия, порт Символов, мыс Криуметопон... далее много бухт и портов тавров...». Древнегреческий географ и историк Страбон увидел бухту Символов (ныне Балаклавская) «заливом с узким входом, где устраивали свои разбойничьи притоны тавры и скифское племя, нападавшее на тех, кто спасался от непогоды».

Цивилизованных греков ошеломлял местный обычай человеческих жертвоприношений. На алтарь чаще всего возлагались пленники, захваченные во время пиратских кампаний. По Геродоту, «разбойники-тавры умерщвляли врагов дубиной; голову жертвы прибавляли к столбу, а туловище закапывали в землю или сбрасывали в море с утеса, где стояло святилище. Головы врагов, взятых в плен, на длинных шестах выставляли над домом в качестве стражей».

Возможно, тавры стали так называться от места обитания. В древности горный Крым именовался Таврикой по аналогии с горными хребтами Малой Азии, обозначавшимися понятием «тавр». Неменьший интерес представляет мифологическая основа названия, то есть от священного быка тавроса, одинаково почитаемого как в Египте, так и в Греции. Переправа легендарного животного с востока на запад отмечена в названии пролива Босфор («бычья переправа»).

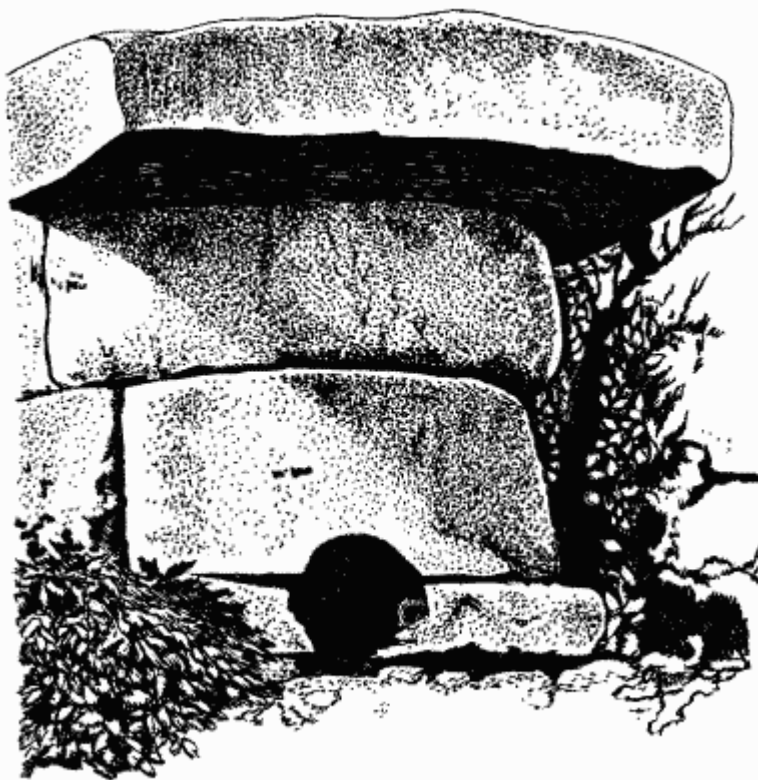
Геродот заметил, что тавры занимали «гористую страну» в полосе от греческого города Керкинитиды (нынешняя Евпатория) до скалистого Керченского полуострова. Поселения располагались преимущественно по берегам рек. Однокомнатные жилища прямоугольной или овальной формы разделялись на три типа. В предгорных долинах Кизил-Коба строились землянки с глинобитным настилом. В редких случаях полы жилищ выкладывались сланцевыми плитами. Слегка или полностью углубленные в землю наземные постройки с плетеными стенами, обмазанными глиной, характерны для плоскогорий (Ашлама, Тау-Кипчак, Уч-Баш). Пристроенные к скалам монументальные каменные дома возводились в неприступных горных районах. Горные обиталища дополнялись укреплением в виде двух стен из необработанного камня, промежутки между которыми были заполнены бутовой кладкой. Широко использовались скальные навесы и гроты. Построенные на века, такие дома недолго служили своим хозяевам, о чем свидетельствуют малая величина селений и небольшое количество археологических находок.

Кизилкобинцы начали освоение глубоких пещер, продолженное таврами в оборонном качестве. Подземные полости оборудовались как жилища и святилища, где идолами служили

череп животных, в частности насаженные на сталагмиты останки горного козла. Религиозные ритуалы исполнялись с помощью сосудов для жертвенной пищи, примитивных деревянных фигурок и костей домашних животных, видимо принесенных в жертву подземному божеству. Однако большинство пещер той эпохи, например сама Кизил-Коба, а также Змеиная и Лисья, темны, сыры и неудобны для проживания. По всей вероятности, они создавались как временные убежища от врагов.

Таврские укрепления отличались от предшествующих построек характерной отделкой. Сложенные насухо стены из необработанного камня оборудовались башенными выступами без внутренних камер. Плотнo примыкая к скалам, они составляли единое целое с горой. Архаичная культура тавров не оставляла места открытости и нововведениям. Инвентарь их поселений и святилищ составлен примитивными каменными, костяными, глиняными и металлическими предметами. Из кремня изготавливались скребки и вкладыши серпов. Мягкие породы употреблялись для создания боевых топоров и наверший палиц. Из кости делались наконечники стрел.

Погребальные, мегалитические памятники тавров – дольмены – походили на ящики с отверстием, сложенные из каменных плит и накрытые плоской плитой. В Крыму такие сооружения часто огораживались прямоугольным частоколом из вкопанных камней. В каждом из ящиков последовательно подвергались захоронению десятки умерших из одной семейной общины. На покойников надевали всевозможные украшения из бронзы: гривны, серьги, подвески, браслеты, перстни, бусы.

Крымский дольмен

Начиная с VII века до н. э. состав крымского этноса существенно изменился. На полуостров проникли скифы-кочевники из среднеазиатских степей. Спустя 300 лет в Крым прибыли греки, основавшие собственную столицу в Херсонесе Таврическом. По изображениям на керамике можно предположить, что был этап мирных контактов тавров с эллинами, хотя впоследствии они вступили в непримиримую борьбу. В Керкинитиде часть жителей составляли исконные обитатели полуострова. Кизилкобинцы находились под

влиянием скифов, заимствовав у них лощеную керамику с резным орнаментом, затертым белой пастой. Античное население Таврики в греческих источниках обозначалось как «скифотавры» или «тавроскифы», что говорит о дружелюбном характере отношений между родственными народами.

Эллины и амазонки

Взаимосвязи цивилизованных греков с варварами оказались не совсем простыми и однозначными. Существуют свидетельства о жестоких сражениях с чужеземцами, в которых местные народы проявляли немалую изобретательность. Римский историк Полиен упоминал о том, что отступление эллинских воинов часто становилось невозможным из-за перекопанных дорог. В то же время мирные греки-колонисты перенимали у тавров приемы земледелия и даже подверглись влиянию в духовной жизни, заимствовав культ местной богини Девы. Она не только вошла в греческий пантеон, но и заняла в нем ведущее место. В III веке до н. э. скифов вытеснили сарматы, заставив уйти в горы некогда главенствовавший на полуострове союз племен. Горные массивы юго-западного Крыма, стоявшие непреодолимой преградой на пути кочевников, сыграли особую роль в истории края. По словам историка Г. В. Ковалевского, «в противоположность низинам, горы сохранили в своих обособленных гнездах древнейшие и своеобразные реликты прошлого – осколки человеческих рас, наречий, старинные хозяйственные формы, обычаи, нравы, остатки растений и животных».

Скифский Неаполь

Захватив практически весь полуостров, скифские вожди обосновались к юго-востоку от нынешнего Симферополя, переместив резиденцию из Приднепровья в таврический Неаполис. Столица позднего Скифского государства процветала во II веке до н. э., когда в степях Крыма господствовал царь Скилур. Описание Неаполиса (Неаполя Скифского) встречается в стихотворном гимне, сочиненном херсонесцами в честь полководца Диофанта, захватившего несколько вражеских крепостей. Невероятное понятие «город кочевников» упоминается в «Географии» Страбона.

Скифские владыки стремились расположиться как можно ближе к Херсонесу и городам Боспорского царства. Богатые греческие колонии приобретали у степняков хлеб, предлагая в обмен вино, оливковое масло, драгоценную утварь и золотые украшения. Длительное и тесное общение с эллинами привело к слиянию двух культур, в частности к исчезновению у крымских скифов оригинального «звериного» стиля. Одновременно происходила «варваризация» средиземноморских традиций.

В настоящее время на городище Неаполиса почти не осталось цельных сооружений. Древняя земля изрыта учеными и жителями Симферополя, разобравшими старую кладку на постройку нового города. Литературные записи о Неаполе Скифском весьма скудны, но сведения о нем все же можно почерпнуть из небольшого археологического материала. Могущество местных царей заверяют архитектурные фрагменты с надписями: «Царь

Скилур, великий царь, 30-й год царствования...», «Зевсу Атавирскому приношение Посидея, сына Посидеева», «О приношении того же Посидея Афине Линдосской».

Лапидарные памятники свидетельствуют о том, что иранец Скилур смог построить мощное государство. Он ощущал себя сильным правителем, если отважился именоваться великим царем тавроскифов. Хорошо сохранившийся фрагмент барельефа, найденного на территории городища, представляет портрет Скилура, изображенного старцем с длинными волосами, окладистой бородой, в знаменитом фригийском колпаке, отороченном «лучистой короной». Рядом с царем показан юноша, предположительно сын Скилура, царевич Палак. Эта же пара неоднократно появлялась на монетах античного города Ольвии, расположенного недалеко от современного Николаева.

Скифская амфора

Рассказ о давно забытом городе составляет основу неизданных дневников русского ботаника Христиана Стевена, посетившего городище в 1827 году. Тридцать лет спустя здесь производил раскопки граф А. С. Уваров. В 1890 году задание Императорской археологической комиссии выполнял археолог и востоковед, профессор Николай Иванович Веселовский.

По наблюдениям русских исследователей, Неаполис представлял собой построенный на возвышенности равнобедренный треугольник длиной почти в километр. Древняя крепость защищалась с двух сторон обрывом естественных, горизонтально наложенных скал, а с третьей стороны отделялась от окружающего пространства стенкой длиной в 600 шагов. Городище граничило с долиной реки Салгир и глубоким оврагом Собачья балка. Крепостные постройки возводились из местного известняка. В скалах устраивались сводчатые подземные помещения – крипты, служившие для коллективных погребений. Сейчас все каменные могильники разграблены, но сохранилось большое кладбище на склоне Собачьей балки. Его захоронения устроены не в скалах, а в земле, и расположены ярусами. По найденным

предметам римского характера можно установить, что погребения относятся к первым векам нашей эры.

В III веке Таврида испытала нашествие готских племен, причинивших непоправимый вред древней тавроскифской культуре. Прибывшие с Балтики германцы словно смерч пронесли по Крыму, оставляя за собой пожарища и руины. Неаполис недолго служил готам, в свою очередь сражавшимся со скифами и гуннами. Разрушенная крепость была частично восстановлена в начале IV века по приказу византийского императора Юстиниана Великого. Во времена владычества ханов Золотой Орды оскудевший и запущенный Неаполис превратился в татарский форт Керменчик («маленькая крепость»). Название понималось буквально с XV столетия, когда от цветущей столицы осталось действительно небольшое поселение Ак-Мечеть.

Базилики Херсонеса

В переводе с древнегреческого языка слово «херсонес» означает «полуостров». Прибывшие из Гераклеи Понтийской основатели города плохо знали географию местности и называли Таврикой не весь полуостров, а только его южное побережье. Поселение Херсонес возникло в конце VI века до н. э. и в пору расцвета являло собой типичный греческий полис – независимый город-государство с демократической формой правления. Собрание свободных граждан решало вопросы войны и мира, одобряло или отвергало законы, утверждало архитектурные планы, регулируя соотношение дворцов и оборонительных сооружений.

Херсонес был единственным городом Северного Причерноморья, имевшим регулярную планировку. Оригинальный принцип городской застройки сформулировал зодчий Гипподам из Милета. Гипподамова система предусматривала деление города на приблизительно равные кварталы, образованные продольными и поперечными улицами, которые пересекались под прямым углом. Изначальная планировка Херсонеса была настолько удачной, что ее основы не нарушались полторы тысячи лет, а переустройства ограничивались внутриквартальным пространством. На улицах сохранились плиты древнейшего мощения. На пересечении улиц некогда стояли изваяния. По остаткам жилых построек можно судить о размахе строительства в пору расцвета города. Высокие просторные дома граждан Херсонеса оборудовались подвалами и непременно дополнялись внутренними дворами.

Раскопки жилого квартала в Херсонесе

В первые века существования пятитысячное население Херсонеса укрывалось за мощными оборонительными стенами, ограждавшими город со всех сторон. Намеренно созданная на скалистой возвышенности система оборонительных сооружений возводилась с учетом постоянной опасности со стороны сильного врага. Толщина крепостных стен достигала 4 метров. Нижние ряды кладки из крупных, хорошо отесанных известняковых блоков были выполнены в характерной для древнего Крыма технике. Строители укладывали тщательно подогнанные блоки без связующего раствора. Промежуток между двумя стенами высотой до 12 метров заполнялся камнем и глиной. Сторожевые башни поднимались еще на 3 метра, обеспечивая превосходный обзор местности.

Перед основной оборонительной стеной располагалась передовая – протейхизма, не позволявшая противнику в полную силу использовать осадные башни или тараны. Пространство между главной стеной и протейхизмой греки называли периболом; чужеземцы именовали его коридором смерти. Противника, оказавшегося в тесном каменном мешке, ожидали тяжелые потери. Массивные столбы – пилоны – укрепляли крепостные ворота, запиравшиеся тяжелым деревянным брусом. Нежданный гость не мог пройти незаметно, оттого что вход в город преграждала подъемная металлическая решетка – катаракта. После нашествия русских над античными воротами появилась «вылазная калитка», а нижележащие сооружения стали использоваться в качестве фундамента новых городских стен.

Начало борьбы со скифами (III век до н. э.) ознаменовалось утратой Керкинитиды и разрушением Калоса Лимена. Опасаясь захвата, жители Херсонеса обратились за помощью к Митридату. Возглавляемые Диафантом понтийские войска устранили скифскую угрозу, но за мир пришлось расплачиваться свободой. Ослабевший Херсонес оказался в зависимости от союзников и недружественного Боспорского царства.

В Средневековье закабаленный Византией город стал называться Херсоном и еще долгое время сохранял зависимость от военных планов враждовавших держав: Хазарского каганата, Киевской Руси, печенегов и половцев. Внутренние проблемы решал уже не народ, а святые отцы. По свидетельству автора «Повести временных лет», длительная осада и сожжение города произошли в 988 году. Уничтожив эллинский центр, князь Владимир Красное Солнышко переименовал руины в Корсунь. Перипетии политической истории не помешали Херсону сохранить значение крупного торгово-ремесленного центра. Горожане, как прежде, занимались ремеслами и торговлей, пользуясь преимуществом города, стоявшего на знаменитом пути «из варяг в греки».

К русскому периоду относится возведение величественных христианских храмов, самым известным из которых является собор Святого Владимира. Его строительство началось в середине XIX века, вслед за основанием мужского православного монастыря. По окончании Крымской войны монахи вели довольно беспорядочную застройку. Разбив на заповедной территории сад и виноградник, они причинили непоправимый вред древним памятникам. Кафедральный собор Святого Владимира был заложен в 1861 году. Строительство велось под наблюдением автора проекта архитектора Д. И. Грима. Росписи выполняли художники Е. А. Майков, А. И. Корзухин, Т. А. Нэфф под руководством академика Н. М. Чагина. После освящения внутреннее оформление собора считается одной из лучших работ в русской религиозной живописи.

В крестово-купольной форме двухъярусного храма прослеживается влияние византийского зодчества. На первом ярусе покоились руины базилики и церковь Святой Богородицы. На втором уровне размещались церкви Владимира Великого и Александра Невского. Нижнюю церковь освятили к 900-летию Крещения Руси, а в 1891 и 1892 годах прихожан приняли церкви второго яруса. В годы Второй мировой войны уникальный собор был частично разрушен, но самое главное – погибли уникальные внутренние росписи, не восстановленные по сей день.

Собор Святого Владимира

В первой половине XIII века Причерноморье захватили турки-сельджуки. В 1223 году первый набег на полуостров совершили орды хана Батыея, и Херсонес фактически оказался наедине с врагом. Стремительно теряя влияние, город начал уступать генуэзцам, сумевшим переместить главные торговые пути в свои владения. Итальянские торговцы контролировали город, но вернуть ему былое могущество не смогли даже с помощью населения.

Жители отчаянно пытались предотвратить угасание родного края. Даже в самые трудные времена ремонтировались городские стены и башни, мостились улицы, не прекращали работать ремесленные мастерские, никогда не пустовали постоянные дворы. Строгательной заботой горожане украшали дома резным орнаментом, росписью, фигурными карнизами. В 1399 году крепость захватил татарский хан Едигей, приказав сжечь большую его часть. После столь сокрушительного удара древний Херсонес навсегда прекратил существование.

Путешествовавший по Крыму в XVI веке польский посол Мартин Браневский заметил, что «достойные удивления развалины явно свидетельствуют о былом великолепии и богатстве славного города греков, многолюдного и знаменитого своей гаванью. Во всю ширину полуострова и теперь возвышается стена и башни многочисленные, больше из огромных тесаных камней. Херсонес стоит пуст и необитаем, представляя одни развалины и опустошение. Дома лежат во прахе и сравнены с землей».

В 1827 году по предложению адмирала С. Грейга были проведены первые археологические раскопки, обнаружившие руины христианских храмов. По окончании Крымской войны исследования в Старом городе проводил граф Уваров. Немного позже раскопки велись под неусыпным взором монахов обители Святого Владимира.

Монастырские археологи интересовались религиозными реликвиями и остатками древних построек, которые употреблялись на богоугодные дела: возведение келий, церкви, трапезной, складов, конюшни. В 1888 году на территории бывшего Херсонеса начались первые научные исследования. Итогом деятельности историка К. К. Косцюшко-Валюжинича стало создание «Склада местных древностей» – первого херсонского музея. Спустя столетие на его основе возник Государственный историко-археологический заповедник, позже переименованный в Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

Богом дарованная Феодосия

Точной даты основания Феодосии нет даже в легендах. Известно, что в пору правления Спартокидов это был крупный порт на берегу большой бухты в восточной части Чёрного моря. Раскинувшийся на склоне горы Тете-Оба город входил в состав Боспорского царства наряду с греческими колониями Фанагорией и Горгиппией. Особого расцвета город достиг при царе Левконе (389–349 до н. э.). Владыка проявлял немалую заботу об усилении коммерческой роли и росте благосостояния граждан своего государства. Благодаря устройству безопасной и удобной гавани для судов в порт беспрепятственно заходили иноземные корабли, которым даровалось право беспошлинной торговли. Излишняя щедрость боспорского правителя вызывала недовольство в Греции: «Левкон устроил новый торговый порт Феодосию, который, по словам моряков, ничуть не хуже Боспора, и здесь даровал... беспошлинность».

В переводе с греческого языка «феодосия» звучит как «богом дарованная». Однако богатство и процветание городу обеспечивали не боги, а трудолюбивые жители – земледельцы, моряки, гончары, вазописцы. Показателем политической независимости являлись собственные монеты. Высокий уровень ремесла подтверждается многочисленными археологическими находками. В развалинах Феодосии обнаружены фрагменты терракотовых фигурок и аттической посуды чернофигурной техники. Среди монументальных памятников выдающимся произведением древней скульптуры считается известняковая стела с изображением грифона.

С утратой значения Афин как всемирного культурного центра начался упадок греческих колоний в Крыму. Конец эллинистической эпохи совпал с возвышением скифов, заявивших претензии на господство по всей Таврике. Бесконечные войны снизили жизнедеятельность греческих факторий. Некоторое оживление произошло во времена Митридата Евпатора. Подобно другим эллинским городам, Феодосия избавилась от кочевников, но обрела зависимость от Понтийской державы. Новый владыка нуждался в средствах, изнурая налогами «освобожденные» города Боспора. Непосильное бремя вызвало череду восстаний, с переменным успехом продолжавшихся 20 лет. С середины I века до н. э. Феодосия постепенно теряла былое значение и окончательно ослабела в римскую эпоху. Археологические находки этого периода чрезвычайно скудны, хотя город продолжал существовать. Об упадке упоминается в литературных источниках: «...опустелая Феодосия ранее была эллинским городом, основанным Милетинами...».

В IV столетии древний греческий город заняли гунны, переименовав его в Абдарбу. Следы византийского влияния обнаружили в характерной форме посуды, а также в греческой надписи на мраморной колонне, датированной 819 годом. Очередная смена повелителей произошла во второй половине XIII века, когда Феодосию захватили татары. В этот период Абдарба превратилась в Каффу. Средневековый город имел разнообразное население. Кроме традиций осевших кочевников, Крым захватила новая волна культуры с запада, особенно из итальянских торговых республик Генуи и Венеции. В 1261 году Каффу купили генуэзцы, основавшие здесь центр своих черноморских поселений. В генуэзской, сильно укрепленной Феодосии было более 20 тысяч домов. Жилища и улицы украшались статуями, фонтанами; в городе работал водопровод.

В 1475 году итальянские торговцы покинули Каффу, уступив город туркам. Свидетельством 200-летнего генуэзского господства служат остатки крепости: оборонительные стены, башни, эпиграфические памятники, хранящиеся в местных музеях.

Турки не разрушили город, но период их владычества был менее блестящим. Они переименовали Каффу в Кучук-Стамбул (Малый Стамбул). При осаде почти не пострадали генуэзские постройки. Позже завоеватели построили новые, украсив улицы религиозными и жилыми зданиями восточной архитектуры. Мусульманские мечети чаще переделывались из христианских храмов. Одна из них взмыла в небо острыми минаретами и десятью куполами, крытыми свинцом. Колоссальных размеров мечеть удивляла изящной отделкой стен, гладким мраморным полом и колоннами, которые поддерживали свод. Кроме того, поражали воображение турецкие бани, устроенные с имперским размахом: 17 куполов, совершенная

система подачи воды и канализации, огромные бассейны, множество просторных помещений.

Более 300 лет Каффа служила турецкой империи, не теряя торгового значения на зависть московским царям. Иван Грозный пытался добиться разрешения на торговые связи с Кучук-Стамбулом, но не снискал расположения султана Баязета. Около двух столетий длилась борьба русских с крымскими ханами, пока по Кучук-Кайнарджийскому миру Крым не отошел к России. В 1787 году Каффу включили в состав Таврической области и справедливо вернули городу античное название.

Крымский улус

Развалины эти так древни, что ни турки, ни татары, ни сами греки не знают названия их.

М. Браневский

В начале нового тысячелетия Крыму пришлось испытать хаос Великого переселения народов. На протяжении многих столетий через полуостров продвигались азиатские племена, опустошая греческие колонии, уничтожая цветущие приморские города, большая часть которых сохранилась в виде живописных руин. В I веке по благодатной земле пронеслись аланы, их сменили готы, задержавшиеся на Таврике надолго и успевшие смешаться со скифами. Нашествие степняков определило падение Боспорского государства.

В IV веке готов смели гунны, затем начались набеги хазар, половцев и печенегов. По приказу императора Юстиниана ранее открытые города приступили к возведению крепостных сооружений, причем стенами были обнесены не только поселения, но и долины, ведущие на побережье. Таким образом возникли крепости Алустон (Алушта) и Горзувита (Гурзуф). В конце X столетия к азиатским захватчикам присоединились войска великого князя Владимира.

Начало XIII века ознаменовалось приходом полчищ хана Батыя. Однако в отличие от предшественников монголы не стремились разорить полуостров. Обложенный данью и переименованный в Крымский улус, он 200 лет входил в состав Золотой Орды. Именно тогда Таврида получила свое современное название. Хан Батый основал столицу в греческом Солхате, назвав свою резиденцию Эски-Крым (Старый Крым). При монголах город был настолько мощным и богатым, что по нему стали именовать весь полуостров.

Одновременно с ордынцами на полуострове обосновались выходцы из Генуэзской республики, не скрывавшие исключительно коммерческих интересов. Оказав услуги византийскому императору, итальянцы получили право торговли и свободного плавания по Чёрному морю. Мирная деятельность генуэзцев принесла многострадальному Крыму несколько веков спокойной жизни и благополучия. В ту пору наибольший расцвет обрела Каффа – бывшая Феодосия, неофициальная столица генуэзцев, постепенно завладевших всем побережьем полуострова. Хорошо укрепленные, богатые города-крепости Керчь, Сугдея, Балаклава определили славу крымской колонии генуэзцев как мощного центра торговли между Западом и Востоком.

Пещерные города: легенды, гипотезы, факты

Регулярные набеги кочевых племен сделали опасной жизнь в удобных плодородных долинах. Получив весть о скором пришествии врага, люди покидали поселения, уходили в горы и строили жилища в неприступных скалах. Условно названные пещерными города располагались среди невысоких, поросших лесом столовых гор Внутренней гряды. Термином «столовые горы» принято обозначать изолированные возвышенности с крутыми склонами и плоскими вершинами, «облицованные» стойкими к размыву горными породами.

Природа южной оконечности полуострова, где издревле обитали тавры, предоставляла все необходимое для появления своеобразных памятников средневекового Крыма. Специфика развития края определялась особенностями ландшафта. Таврические горы формировались на дне древних морей, где в течение миллионов лет накапливались осадочные породы: известняки, песчаники, глины. Постепенно поднимаясь из воды, вначале единая горная гряда подверглась воздействию ветра и влаги, что определило ее разделение на Внутреннюю и Внешнюю. Разновысокие массивы имели пологие северные склоны и обрывистые южные. Отрезанные от основной гряды, горы-останцы с плоскими плато на вершинах являлись идеальным местом для устройства оборонительных сооружений.

К. Ф. Богаевский. «Горный пейзаж», 1940-е

В раннем Средневековье труднодоступные возвышенности стали надежным убежищем от кочевников. Вдоль южных склонов Внутренней гряды возникали монастыри и пещерные города – укрепленные поселения с жилищами в виде пещер, вырубленных в верхнем известняковом слое. Горы предоставляли людям все необходимое для жизни. Толщу известняков подстилали мягкие мергели, создававшие пологие склоны под отвесным обрывом, где росли густые леса и били подземные источники с чистой водой.

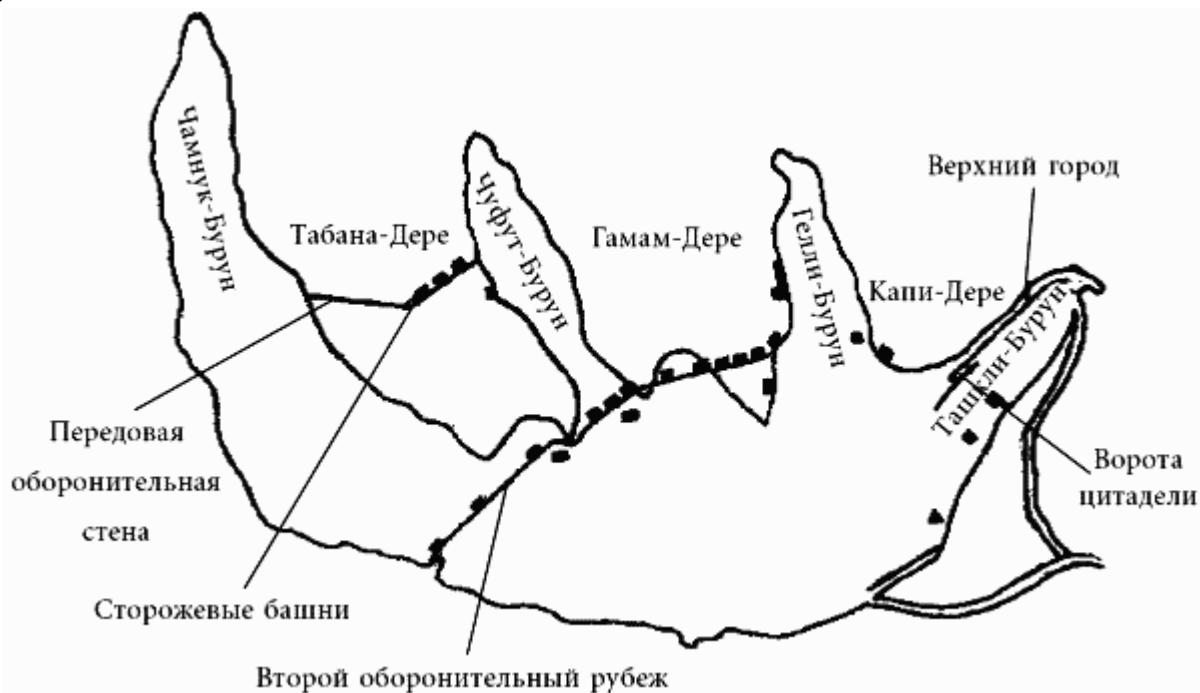
Обнесенные крепкими стенами с боевыми башнями, под защитой естественных преград пещерные города могли развиваться и процветать вопреки неблагоприятной политической обстановке. История их возникновения, жизни и гибели изучена слабо. Историческая наука почти не располагает письменными источниками, поэтому только археологические раскопки проливают свет на давно минувшие времена.

Феодоро. Княжество в скалах

Столица средневекового княжества Феодоро располагалась на плоском плато вершины Мангуп. Поселение, взметнувшееся на высоту 628,3 метра над уровнем моря, надежно защищали скалистые обрывы и мощные крепостные стены. В плане гора походила на кисть человеческой руки с четырьмя раздвинутыми в стороны пальцами-мысами. В альбоме Дюбуа де Монпере каждый из них имел татарское имя. Западный мыс назывался Чамнук-Бурун; северо-западный – Чуфут-Бурун; северо-восточный – Гелли-Бурун или Эллинский; восточный – Ташкли-Бурун. Разделявшие мысы ущелья именовались Табана-Дере, Гамам-Дере и Капи-Дере.

Первые исследователи сильно рисковали, поднимаясь к крепости в экипаже по

размытой дороге «кожевенного оврага» Табана-Дере, проходившей мимо передовой оборонительной стены и караимского кладбища. Пешеходы могли пробраться в город коротким путем, пройдя по крутой дорожке «банного оврага» Гамам-Дере, приводившей к мощной сторожевой башне. Попадая на территорию крепости, путник проходил ряд пещер и, повернув направо, попадал к источнику, снабжавшему водой городскую баню. В юго-восточной части плато существовала тайная тропинка, скрывавшаяся в расселине среди скал и выводившая сначала к пещерному монастырю, а затем на главную дорогу. Огибавший «дырявый мыс» Ташкли-Бурун основной колесный путь постоянно находился под наблюдением дозорных. Подобно всем местным сооружениям, дорога была вырублена в скале.

План крепостных укреплений на горе Мангуп

По мере продвижения к крепости ощущалась близость человеческого присутствия. Огромный естественный грот служил укрытием для скота; поблизости находились пещеры-усыпальницы для знатных особ. Главные ворота перегораживали овраг Капи-Дере и представляли собой сложную конструкцию, состоявшую из необработанных разнокалиберных камней, уложенных поверх ровной квадратной кладки VI века. Ранние кладки в Мангупе сохранились лишь в виде основания для поздних построек. Кроме того, тщательно отесанные раннесредневековые квадраты (камни в форме правильного параллелепипеда) позже употреблялись при строительстве дворцов и жилых зданий. Ворота перекрывались сводом, который опирался с одной стороны на скалу, а с другой – на массивный столб. Его основанием служили глыбы известняка, завершавшие оборонительную стену. Возведенная параллельно с внутренней городской стеной, она образовывала коридор, являвшийся окончанием главной дороги в крепость.

Ж. Мивиль. «Остатки города-крепости Мангуп-Кале», 1818

В восточной части кастеля Ташкли-Бурун, почти нависая над главной дорогой, находилась древняя двухуровневая церковь, полностью вырезанная в скале. Горожанам открывался парадный вход, куда попадали через двор, устроенный в естественном гроте. Пещеры-кельи напротив храмовых ворот занимали монахи и настоятель. На верхний этаж храма можно было проникнуть по отлогой лестнице тайного хода, уводившего в расселины скал. Службы проходили в зале с полукруглым алтарным выступом и деревянным потолком. Вдоль полукруга абсиды были вырезаны ниша для даров, места для князей (престол) и священнослужителей (синтрон). В центральной части храма некогда стояли каменные гробы.

Создатели церкви применили все новейшие архитектурные приемы, украсив свое произведение карнизом, пилястрами, аркадами. Внутренние стены храма покрыты уникальной росписью. В характерной для византийского Средневековья композиции явственно ощутимы следы влияния итальянского искусства, видимо исходившие от ближайших соседей – генуэзцев. В центре алтарной ниши помещено изображение Христа в отрочестве. По обеим сторонам – отцы церкви со свитками в руках, облаченные в ризы с крестами. В полукуполе перекрытия (конхе) абсиды написана сцена с краснокрылыми херувимами, окружившими Бога, который поднял одну руку для благословения, держа Евангелие в другой. Середину плафона занимает медальон с изображением Богоматери Знамения; ее охраняют два пророка в коронах и роскошных одеяниях.

«Положение Мангупа необыкновенно. Находясь между небом и землей, он мог бы противостоять всем превратностям мира», – описывал Кеппен свои первые впечатления. Ограниченное с трех сторон скалистыми обрывами плато привлекало защищенностью и наличием всего необходимого для жизни. Доисторический человек не мог не оценить места, богатого источниками, густыми лесами с разнообразной дичью и мягкими известняковыми скалами, удобными для создания пещер. Сначала здесь жили тавры; затем пришли сарматы, искавшие убежища от гуннов и племен остготского союза.

Самое раннее упоминание о крупном поселении на горе Мангуп относится к VI веку. К тому времени разбитые гуннами остатки готских племен расселились по всей территории юго-западной Таврики, успев смешаться с местными жителями. В летописи Прокопия Кесарийского готы восхвалялись как народ «в военном деле превосходный и в земледелии достаточно искусный». Византийский историк относил германцев к населению высокогорной страны Дори, о которой заботился сам Юстиниан Великий. Построив множество крепостей на побережье и в предгорье, император лишь «укрепил все места, где

можно врагам вступить, длинными стенами и отвратил от готов беспокойство о вторжении в их страну врагов». Опрометчиво упомянутые Прокопием «длинные стены» остались загадкой истории, а готская страна Дори действительно существовала, и ее центр – Дорос – стал первым искусственно защищенным поселением Мангупа.

Ранние укрепления носили не сплошной, а узловый характер. Древние стены составляли первую линию обороны, проходившую по расселинам и участкам пологого склона от обрыва до обрыва, то есть дополняли естественные преграды. Общая длина оборонительного рубежа вместе с мысами превышала 6000 метров. С учетом охвата площади – более 90 гектаров – мангупские укрепления не имели себе равных во всей Таврике.

За толстыми стенами крепости одновременно находили приют жители нескольких окрестных деревень, поднимавшиеся в горы вместе со скарбом и скотом. Многочисленные гости не испытывали недостатка в воде, пользуясь родниками и колодцем у северного обрыва. Вырубленная в скале на глубину более 23 метров, скважина доходила до водоносной трещины у подножия горы.

Население готской столицы сосредотачивалось на мысе Ташкли-Бурун. С трех сторон ограниченный обрывами, длинный, узкий утес сам по себе являлся природным бастионом. Здесь находилась самая высокая точка местности, благодаря которой эту часть горы называли верхним городом. Полную его изоляцию обеспечивала 100-метровая стена с круглыми, четырехугольными и многогранными зубчатыми башнями, одновременно создававшая цитадель. Согласно европейской средневековой традиции центральная часть крепости имела особое, несхожее с городом название – Пойка.

Портал мангупской цитадели

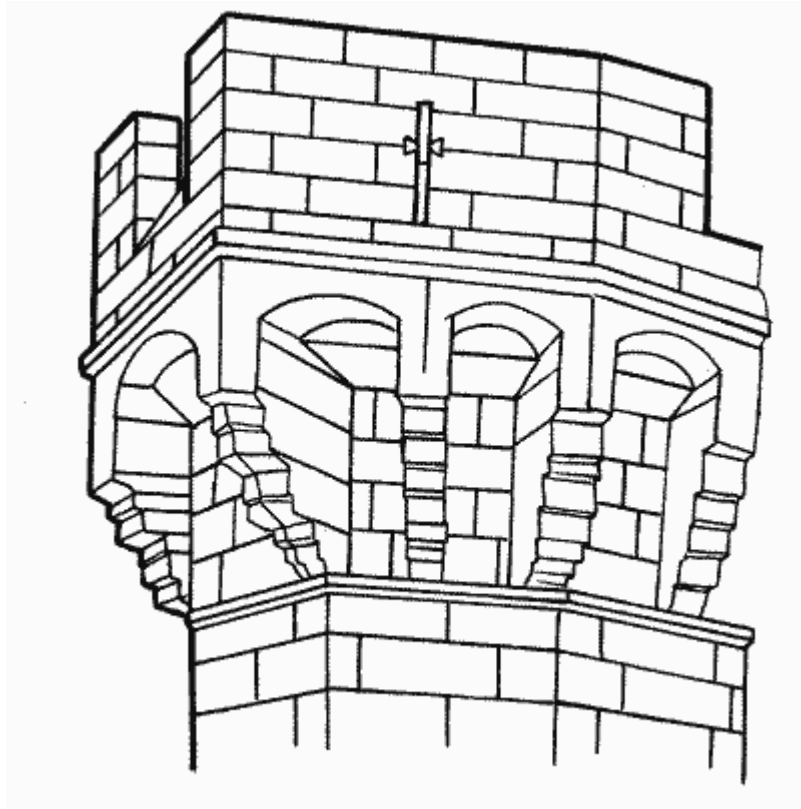
В дневнике Мартина Браневского сказано о «драгоценных греческих храмах, о нескольких чистых ручьях, стекавших с утеса, и двух замках, построенных на высокой и широкой скале». Первое из упомянутых зданий находилось на территории цитадели. Примыкавший к стене трехэтажный каменный дом называли дворцом, замком или донжоном, потому как он соединял в себе черты всех трех архитектурных типов. Массивный фасад с узкими бойницами напоминал главную башню феодального замка – донжон. Внутренняя отделка отражала принципы восточного дворцового зодчества: мрамор, окна с резными наличниками, украшенный греческими надписями парадный вход. На верхнем этаже размещались покои готских князей. Второй ярус предназначался для солдат гарнизона. Нижний полуподвал вначале использовали как склад оружия. В турецкую эпоху его переделали в тюремную камеру, где «по варварскому бессердечию ханов иногда содержались московские послы, с которыми поступали жестоко».

В начале XIII века большую часть Византии захватили крестоносцы, и Таврика оказалась без покровителей. Херсон и крепости округи, объединенные понятием «климаты», куда входили и пещерные города, признали власть Трапезундской империи. Новообразованное государство расположилось на землях Западной Грузии, а его основателем был Алексей Комнин, изгнанный из Константинополя, но получивший поддержку грузинской царицы Тамары. Фактически освобожденные горные княжества быстро набирали силу, несмотря на уплату дани бывшему византийскому владыке. Именно в это время страна Дори получила новое название – Феодоро. При поддержке «Великого Комнина» новыми рядами кладки укрепились стены цитадели, была восстановлена базилика Святого Константина и Елены, началось строительство другого княжеского дворца.

Второй замок находился у края оврага Гамам-Дере. Современные исследователи считают его единственным примером дворцового комплекса в горном Крыму и одним из немногих ансамблей подобного рода на всем Ближнем Востоке. Парадный вход крупного двухэтажного здания располагался с южной стороны и начинался с аркады, соединявшей две боковые комнаты. Обширные приемные покои разделялись на три части двойными рядами восьмигранных колонн, связанных изящными арками. Залы верхнего этажа украшали фрески с изображением сцен из бытия святых. Оконные проемы обрамлялись наличниками из резного мрамора.

К дворцу примыкал донжон, увенчанный навесными бойницами, которые в средневековой Европе обозначались французским термином *machicoulis*. Позже машикули утратили оборонительное значение, став элементом архитектурного декора. Четыре этажа главной башни составляли подполья и караульные помещения. Высеченная на стене надпись с двуглавым орлом гласила: «Была построена эта башня вместе с дворцом в благословенной крепости, видной и поныне, во дни Алексея, владыки Феодоро и Поморья». Наиболее известный князь горной страны происходил из армянского рода Гаврасов, появившихся на Таврике в качестве византийских наместников.

В русских летописях упоминается «князь Готии» Степан Ховра, выехавший в Москву примерно в 1390-х годах и принявший монашество под именем Симон. Его сын Алексей, тот самый «владыка Феодоро», начал борьбу с генуэзцами за власть над Поморьем. Сумев захватить выход к морю в 1427 году, он подтвердил свое господство полезными деяниями. Например, построил укрепление на месте прибрежной крепости Каламиты (Инкерман), восстановил монастырь Апостолов в Партените, возродил княжеский дворец в Мангупе, дополнив его донжоном, завоевал Балаклаву и, наконец, выдал свою дочь за трапезундского царевича, оказавшегося последним византийским императором.

Башня с бойницами-машикулями

Судя по количеству дорогостоящей керамики, князья того времени не испытывали недостатка в средствах. Наряду с предметами местного производства, для внутреннего убранства дворца использовались вещи персидской, египетской, турецкой работы. Особый интерес представляют поливные чаши с монограммой князя Исаака, правившего страной в 1471–1474 годах. К тому времени уже скончался сын Алексея, неудачливый правитель Феодоро, утративший все завоевания отца. Исаак продолжил борьбу с генуэзцами в мирной форме, заключив союз тотчас по восшествии на престол. Его дочь Мария была выдана замуж за господаря Молдавского. Вторую мангупскую княжну предназначали в жены великому князю московскому Ивану III, но бракосочетанию помешали турецкое нашествие и смерть Исаака в 1474 году.

Освободившийся трон Феодоро привлек внимание племянника почившего правителя, ранее изгнанного из страны. Прибыв из Молдавии с вооруженным отрядом, Александр отбил царское место у сына Исаака, но изведal наказание Всевышнего в виде осады крепости турками летом 1475 года. Заручившись поддержкой татар, османы завладели Кафзой и несколькими прибрежными фортами. Однако захват Мангупа представлялся трудной задачей, даже с учетом имевшегося огнестрельного оружия и снятых с кораблей пушек. Осада продолжалась более полугода. Крепость держалась благодаря уникальным природным условиям, хорошо укрепленным стенам и мужеству защитников.

В начале зимы туркам пришлось использовать обманный маневр. Часть войска отошла в леса, создав иллюзию отступления. Горожане распахнули ворота и пустили врага, не пожалевшего ни жителей, ни древних стен. Город подвергся разграблению; почти все население погибло от пуль, кинжалов и огня. Александр с семьей закончил жизнь в константинопольской темнице. Турки не тронули только младенца – младшего сына князя, которому оставили почетный титул мангупского правителя, но воспитали в османских традициях. Впоследствии ни он, ни его потомки реальной властью не обладали.

Горные крепости вместе с генуэзскими владениями юго-западного побережья составили Мангупский кадылык, находившийся под управлением османских наместников. Эпоха готской династии закончилась, но город оставался оплотом греческой и христианской

культуры, сумев сохранить самобытность при татарских ханах. Недавние кочевники избрали для жизни плодородные долины и начали активно осваивать земледелие. Татары обосновались на территории Кырк-Орского княжества с центром в близлежащей горной крепости Чуфут-Кале. Однако столицей Крымского ханства стал не пещерный город, а равнинный Бахчисарай. Толстые стены горных цитаделей защищали ханов во время войн и междоусобиц; здесь хранилось награбленное имущество и томились пленники.

Польский посол Браневский посетил Мангуп в середине XVI века, не найдя в опустевшем городе «ничего привлекательного, кроме греческой церкви Святого Константина и другой, весьма незначительной, нареченной именем святого Георгия. На их стенах видны изображения, представляющие родословную государей и государынь, от которых происходили князья Мангупа...».

Под церковью Святого Георгия подразумевался небольшой одноабсидный храм над склепом, расположенный на мысе Гелли-Бурун. Здание правильной четырехугольной формы, сложенное из местного известняка, отличалось тщательно пригнанной кладкой. До настоящего времени сохранилась нижняя часть алтарной преграды, а также поздний престол, установленный на основании древнего. Храм сильно пострадал от пожара 1592 года, но на полу остались мелкие предметы: кусочки росписи, бусины, колечки и даже татарская серебряная монета. По описаниям первых исследователей, «при входе в него стоял большой камень, оказавшийся нижней частью большого рельефа, изображающего всадника; под конем с правой стороны можно усмотреть часть дракона. Видимо, это и было изображением святого Георгия». Вблизи храма находилось кладбище, где христианские могилы соседствовали с «двуругими» еврейскими.

Расположенная напротив мыса Чуфут-Бурун церковь Святого Константина и Елены является одним из самых ранних сооружений Мангупа. Вмонтированная в столб плита с надписью заверяет о существовании этого сооружения еще во времена Юстиниана Великого. Здание построено по типу трехабсидной и трехнефной базилики с притвором «нарфик». После исследований прошлого века выяснилось, что храм пережил две эпохи: раннюю, когда он обладал большими размерами, и позднейшую, в которой здание было гораздо меньшего размаха.

В древности, кроме трех основных нефов, храм располагал отделенными стеной пристройками и в плане имел вид пятинефной базилики. Ранние грандиозные масштабы вполне соответствовали запросам византийских императоров. Средний неф отделялся от боковых двумя рядами восьмигранных колонн, выполненных из цельного камня. Пол центрального зала был вымощен большими каменными плитами. Настил боковых нефов представлял искусную мозаику из белого мрамора, черного базальта и красного сланца. Вблизи северной стены храма вначале стоял баптистерий, позднее перестроенный в кладбищенскую часовню. В подполье боковых галерей находились могилы священнослужителей и членов их семей.

Остатки архитектурных элементов, куски штукатурки с росписью дают представление о богатом убранстве ранней постройки. На наличниках дверей храма некогда красовался роскошный орнамент в виде сплетения толстых шнуров с ветками и листьями. Археологи нашли остатки византийско-коринфских капителей из мрамора, пилястр алтарной ограды, сделанной из местного известняка.

Фрески выполнялись одной кистью, без резца, традиционно по сырой штукатурке, смешанной с небольшим количеством соломы для прочности. Над овалом в своде ниши помещался шестиконечный византийский крест, из нижнего ствола которого исходили ветки священного растения, заплетавшие всю нишу. Снаружи ниша была обрамлена рамкой с греческой надписью. В центре свода абсиды на темно-синем фоне заметно изображение Иисуса в положении «Царя Царствующих», то есть сидящего на троне в нарочито торжественной позе.

Фигура Богоматери находилась с правого края свода. Напротив нее древний художник написал Иоанна Предтечу, поместив между святыми и Христом стайку «шестокрылатых

херувимов, лики закрывающих». Композицию завершают фигуры святителей, подписанные как Хризостомос (Златоуст) и Григорий. На триумфальной арке храма изображены Спас Нерукотворный, архистратиг Михаил в одеянии воина и архангел Гавриил, от которого сохранилась только подпись. С левой стороны Спаса Нерукотворного – три неясных изображения святых, а слева от них – вполне отчетливый рисунок со сценой из Благовещения.

«Главный город всей Готии, – писал историк В. Г. Василевский, – резиденция местных династов, престольный город епархии... несет в себе следы старинных укреплений, остатки христианских храмов, а также развалины мечети, синагоги, фонтанов...» Молитвенный дом евреев-кожевников был построен в жилом квартале у западного спуска в Табана-Дере. В самом овраге находилось караимское кладбище.

Доступ в город со стороны южного обрыва защищала короткая стена. Вместе с верхним дворцом она отделяла цитадель от остальной площади горы, составлявшей настоящий город с улицами, площадями, храмами и жилыми домами. По городским названиям легко восстановить распределение народностей, в разное время населявших мангупскую крепость. Татаро-еврейские жители города занимали мыс Чуфут-Бурун и западную часть плато. Кварталы Гелли-Буруна и ближайшей к нему площади заселяли греки. В кастеле на Ташкли-Буруне до 1475 года жили гото-греческие князья, которых позже сменили турки.

После пожара 1592 года город пришел в упадок, но цитадель еще долго служила татарским ханам, находившим здесь прекрасное убежище в беспокойные времена. В конце XVIII столетия город окончательно обезлюдел. Только евреи-сыромятники из Чуфут-Кале изредка навещали крепостные окрестности, поднимаясь в горы для сбора растений и за местной водой, исстари считавшейся лучшей для выделки кожи.

Чуфут-Кале – орлиное гнездо

Одно из наиболее известных и хорошо сохранившихся пещерных поселений Чуфут-Кале расположено в месте не менее знаменитом, чем сам город. Основанное как византийская крепость в VI столетии, оно стоит на гребне отвесной скалы, царящей над тремя глубокими долинами. Природа позаботилась о неприступности, а люди умножили естественную защиту возведением мощных стен. Единственный путь в виде узкой горной тропы связывал отшельников с остальным миром. Одна из улиц сберегла следы колес, пробитые в каменной толще. Российский историк Муравьев-Апостол называл Чуфут-Кале «воздушным городом с домами, похожими на орлиные гнезда».

Овеянные сказаниями руины свидетельствуют о событиях, происходивших в Крыму много веков назад. Древние камни способны раскрыть загадки давно исчезнувших народов. Впрочем, относительно Чуфут-Кале история не представляется столь таинственной, ведь город был обитаем вплоть до начала прошлого века.

Первыми жителями пещер считаются аланы, являвшиеся самым могущественным из сарматских племен. Осев в горном Крыму, кочевники приняли христианство и занялись земледелием, животноводством, ремеслами. Изначально в стенах крепости располагался торгово-ремесленный центр, который упоминается в источниках XIII века под турецким названием Кырк-Ор («сорок крепостей»). Одно из самых ранних его описаний принадлежит арабскому путешественнику Абуль-феде, изучавшему полуостров в 1321 году: «Кырк-Ор находится в стране аланов; это сильно укрепленный замок, основанный на неприступной горе. Наверху горы есть площадь, где жители страны в минуты опасности находят убежище». Относительно одной крепости сочетание «кырк-ор» звучит странно, хотя средневековые географы могли воспользоваться этим термином для обобщенной характеристики горного Крыма. Так или иначе, название «сорок крепостей» получила новая столица края, ставшая резиденцией татарских ханов вместо заброшенного Солхата.

Вполне реальное предположение об основателях Чуфут-Кале высказал Бертье-Делагард, приравнявший горную столицу к загадочному городу Фуллы. В старинных

документах упоминалась Фулльская епархия, но никто не рассказывал о городе, хотя даже в утопическом образе его соотносили с аланами. Замена язычества христианством проходила трудно во всех регионах, и первые проводники новой веры вынужденно применяли силу. В «Сказании о начале славянской письменности» рассказывается о деятельности монаха Кирилла (Константина-философа), в 860 году обращавшего в христианство местных аланов: «...и здесь он, проповедуя, срубил священный дуб, которому они поклонялись». Благодаря общей народности Фулльская епархия позже объединилась с отдаленной Сугдейской, где тоже преобладали аланы. Таким образом кафедральный город Фуллы потерял свое значение и перестал упоминаться в церковных документах.

Если Бертье-Делагард не ошибался, то «Чуфут-Кале существовал задолго до татар, и каково бы ни было его название, к татарскому времени имел большое значение в стране. Татары взялись за его осаду, вели ее долго, значит, оборона была упорной». В 1299 году полчища татарского эмира Ногая совершили набег на полуостров. Среди множества разоренных городов оказался Кырк-Ор, где разместился отряд захватчиков.

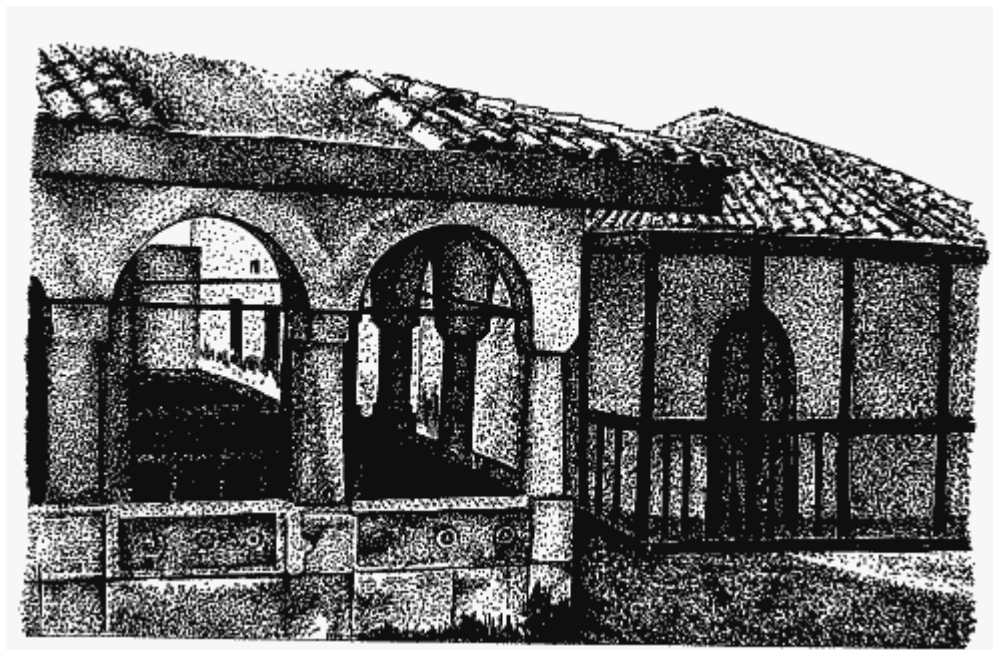
Архитектурные памятники Чуфут-Кале отражают этапы истории города. Самым ранним сооружением является оборонительная стена, пересекающая плато с севера на юг. Ее трехслойная конструкция типична для романской фортификации. Обе стороны стены выложены из правильных, тщательно отесанных блоков; внутренним слоем служат каменные обломки, скрепленные известковым раствором. Для защиты от тарана перед стеной в толще скалы пробит ров двухметровой глубины. В средневековых войнах воротам отводилась особая роль, учтенная при возведении Чуфут-Кале. Двустворчатые ворота оборонительной стены Орта-Капу имели арочное перекрытие. Обитые железом дубовые полотнища запирались тяжелым засовом, который ложился в специальный паз, сохранившийся до наших дней. С появлением огнестрельного оружия верхняя часть стены над входом дополнилась бойницами для стрельбы из ружей.

Приближаясь к городу, враг не подозревал о коварном качестве крепостных ворот. Следуя по дороге, воин традиционно держал щит в левой руке, повернувшись к стене правым незащищенным боком. С трудом прорвав оборону, он оказывался в тесном коридоре, на перекрытии которого располагались защитники города. Кроме того, еще один отряд размещался в конце тоннеля, где для усиления обороны находились четыре яруса боевых пещер.

Новая часть города возникла в начале XV века, когда перед восточной линией укреплений поселились еврейские сектанты караимы. В целях защиты своих жилищ они построили вторую оборонительную стену. Судя по сооружениям религиозного характера, горную цитадель населяли представители большинства крымских народов. Свидетельством пребывания евреев служат остатки синагоги. Византийские поселенцы заявили о себе постройкой базилики. Генуэзцы оставили след в виде водопровода, собранного из керамических гончарных труб.

Водоснабжение города осуществлялось через проем ворот: питьевая вода поступала в крепость из близлежащих источников. Для хозяйственных целей люди собирали атмосферную влагу, сохраняя ее в пифосах и каменных резервуарах. Греческим словом *riphos* назывался глиняный сосуд овальной формы, высотой около 2 метров. Закопанный в землю, он хорошо сохранял свежесть и прохладу воды.

Характерными признаками пещерного города являлись значительная площадь (до 10 гектаров) и специфическая планировка. Жилым кварталам отводилась большая часть территории, преимущественно вблизи главных ворот. Во второй, меньшей по площади части города постройки отсутствовали. Она изолировалась необоронительной стеной и в военное время служила убежищем не только горожанам, но и жителям окрестных селений. В мирную пору ее территория преобразовывалась в рыночную площадь, пастбище или место стоянки торговых караванов.

Кенасы в Чуфут-Кале

Южный край площадки занимала еврейская улица, отличавшаяся от других оригинальной архитектурой двух караимских молитвенных домов – кенасс – различного размера и значения. Прямоугольные здания с двухскатными крышами расположены в небольшом дворике, обнесенном высокой оградой. Возведение большой соборной кенассы с десятью колоннами относится к XIV столетию. Аркады здания опираются на парапет из массивных плит, украшенных каменными розетками. Здесь проходили торжественные моления, собиравшие по праздникам всех евреев округи. В малой кенассе устраивались ежедневные службы и собрания караимской общины.

Несмотря на неодинаковое назначение, здания почти не отличались друг от друга убранством внутренних помещений: массивные потолочные балки, ковры, хрустальные и медные люстры. Религиозная утварь и свитки со священными текстами хранились в резных дубовых шкафах. Старикам отводились почетные сидячие места в небольшой комнате у входа, отделенной от остального зала легкой перегородкой. Женщины располагались на балконе, огороженном резной деревянной решеткой.

Все три улицы Чуфут-Кале сходились на площади, где с 1342 года стояла мечеть. Напротив нее возвышалась восьмигранная гробница с шатровой черепичной крышей. Здесь в 1437 году нашла упокоение Джанике-ханым, дочь ордынского хана Тохтамышша. На входе в мавзолей вырезана арабская надпись, издали напоминающая замысловатый орнамент. Согласно местной легенде, монгольская принцесса жила в одном из дворцов Чуфут-Кале, возглавляя тысячу воинов гарнизона. Убеждение относительно ее героической гибели во время осады вполне соотносится с преданиями об амазонках, но совсем не соответствует положению мусульманской женщины.

С изгнанием наместников Золотой Орды оборонительное значение крепости Кырк-Ор утратилось. После того как Менгли-Гирей переселился в Бахчисарай, необходимость в толстых стенах совершенно отпала. Однако город на скале все еще оставался оплотом новой столицы и одновременно служил местом заточения знатных пленников. В разное время здесь томились литовский посол Лез, польский гетман Потоцкий и русские послы: фаворит Ивана Грозного опричник Василий Грязной, царские послы Василий Айтемиров и князь Ромодановский, находившиеся в Крыму в качестве парламентаров. Тяжелые испытания выпали русскому воеводе В. Б. Шереметеву, который провел в татарской неволе более 20 лет. Почетное право находиться в застенках «сорока крепостей» предоставлялось лишь богатым особам, за которых ожидался богатый выкуп. Знатных пленников не тревожили соседством с простолюдинами, коих отправляли на невольничьи рынки Каффы и

Бахчисарая.

В середине XVII века татары окончательно покинули Кырк-Ор, на 200 лет оставив в одиночестве членов еврейской общины. Именно тогда город получил название Чуфут-Кале, что в переводе с тюркского языка означает «иудейская крепость». Приняв религию предков, караимы руководствовались заветами Пятикнижия Моисея (древняя Библия), категорически отрицая Талмуд.

В начале нового тысячелетия иудаистское вероисповедание претерпело существенные перемены. Например, к ветхозаветной Библии прибавились письменные и устные комментарии, собственно образовавшие Талмуд, то есть собрание разнородных положений иудаизма. Сложившееся вслед за разрушением Иерусалимского храма учение неожиданно встретило отпор. Наиболее ревностную часть противников – караитов – возглавил раввин Аман. Наименование этой группы восходит к глубокой древности, когда в Армении существовала еврейская диаспора, строго соблюдавшая законы Моисея. В раннем Средневековье их последователи – караимы – составили религиозно-этническую группу, обособленную как идеологически, так и территориально. Крымские татары зачисляли в евреи всех сторонников Библии, но караимов выделяли по языку и бытовой культуре.

В 1731 году пещерный город обрел собственную типографию. Первой ее продукцией стали книги на древнееврейском и караимском языках. Кроме того, в городе существовал монетный двор, где изготавливались медно-серебряные деньги, которые за крепостными стенами ценились невысоко.

При взгляде снизу маленькие домики Чуфут-Кале похожи на забрала рыцарских шлемов. Однако обитатели грозной цитадели не отличались воинственностью. Напротив, они мирно сосуществовали со всеми завоевателями и владыками. Трудолюбивые и спокойные общинники занимались кожевенным делом, земледелием, садоводством. Немногие из них держали лавки в Бахчисарае, но согласно ханскому указу уходили ночевать домой в Чуфут-Кале.

После присоединения Тавриды к России караимы объявили себя подданными императрицы Екатерины. В ответ государыня предоставила им некоторые послабления, например в виде свободного передвижения по территории империи. С того времени жители начали покидать суровый Чуфут-Кале, предпочитая жить в уютных долинах. В 1820 году за стенами крепости оставалось не более 600 человек. Единственный обитаемый пещерный город привлекал путешественников, которые видели в караимах «живое дыхание давно прошедших веков».

По замечанию одного из гостей того времени, караимское жилище российского периода выглядело так же, как пять веков назад. Одно из таких жилищ принадлежало прославленному караиму Аврааму Самуиловичу Фирковичу (1786–1875). В глубине закрытого со всех сторон двора стоял дом с традиционной галереей.

Убранство внутренних помещений составляли широкие диваны, пушистые ковры или пестрый войлок. В богатых домах деревянные потолки раскрашивались, а стены украшались причудливой восточной резьбой. К середине XIX века пещерный город Чуфут-Кале прекратил свое существование.

Эски-Кермен

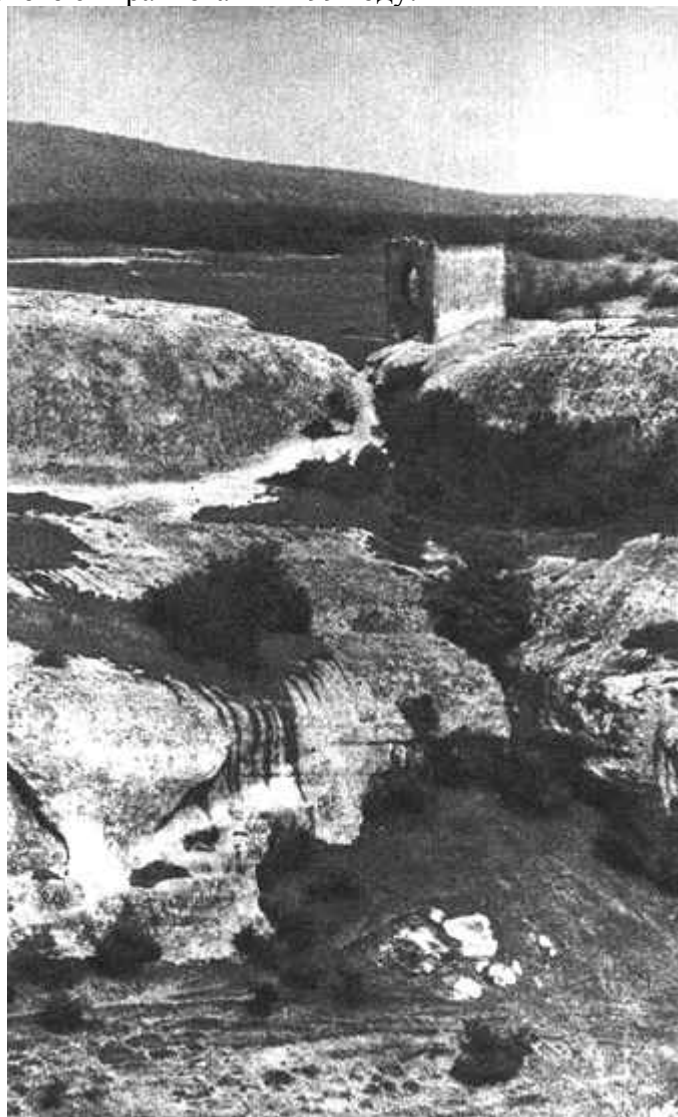
Столовая гора, на которой расположился Эски-Кермен, немного ниже Мангупа, а площадка на ее вершине не столь просторна. Особенностью данного места являются причудливые очертания скал и удивительная красота окрестных долин. Пещерный город находится на плоском плато высокой горы, своей вытянутой формой похожей на корабль, мирно плывущий с севера на юг.

Благодаря удачным раскопкам и наличию письменных свидетельств история старой крепости Эски-Кермен известна практически до мелочей. Основанное в VI столетии поселение в течение двух веков имело репутацию неприступной твердыни и крупного

торгово-ремесленного центра. Упадок начался в 787 году, когда подстрекаемые епископом Иоанном Готским горожане решились на восстание против хазар. Кочевники быстро подавили мятеж, наказав не только бунтовщиков, но и старые стены. После того как захватчики разрушили систему обороны, Эски-Кермен продолжал существование, хотя превратился из крепости в обычное горное селение. Оборонительные пещеры были перестроены в церкви и склепы или использовались в хозяйственных целях, например как кладовые, стойла для скота.

Спустя 200 лет жители предприняли попытку воссоздания старых стен, что отражено в «Записках топарха», имевшего несчастье управлять городом в столь тяжелое время: «Мы имели пребывание в разрушенном городе и делали вылазки скорее из селения, чем из крепости. Ибо земля была раньше разорена самими варварами, и они снесли все стены до основания». Далее топарх сообщал, что «сначала выстроил в отдалении небольшую крепостцу из имевшихся камней и думал, как можно отстроить весь город... И она была возведена с большой поспешностью, ограждена рвом; вместе с этими приготовлениями и война началась».

Впоследствии «крепостца» получила название Кыз-Куле (Девичья или Дозорная башня), став сильным стратегическим пунктом в системе обороны Эски-Кермена. По подобию средневековых замков перед башней устроили ров, через который перебирались по перекидному мосту. Внутри крепости находилась одноабсидная часовня, одновременно служившая местом захоронения. Кыз-Куле погибла в пожаре спустя столетие, после того как прекратил существование сам Эски-Кермен. Сильно ослабевший город был окончательно разорен войсками татарского эмира Ногая в 1299 году.

Вид на замок Кыз-Куле

Ранние укрепления Эски-Кермена целиком отвечали требованиям, предъявляемым к оборонительным сооружениям того времени. Почти вертикальные обрывы не допускали применения стенобитных орудий и передвижных башен. Защитники крепости имели преимущество в виде горы небольшой высоты, позволявшей простреливать местность даже из обычного лука. Оборонную мощь усиливала поддержка камнеметов, которые отлично устанавливались на ровных каменных площадках. Все же основная защита обеспечивалась не оружием, а прочностью стен, количеством наземных башен и боевых пещер. Старая крепость имела три входа: главный вход с южной стороны и два второстепенных с востока и севера. Основной колесный путь проходил по извилистой скальной дороге, тогда как пешеходы могли продвигаться по узким крутым тропам. Две линии глубоких впадин на дороге свидетельствуют о ее древности. Средняя колея выбита копытами лошадей, а две боковые – колесами телег.

Хорошо продуманное снабжение водой позволяло долгое время существовать в окружении. Не имевший аналогов осадный колодец создавался одновременно с городом как важная часть оборонительной системы. Круто уходящая вниз, освещенная окном лестница в 95 ступеней подводила к десятиметровой галерее, с потолка которой просачивалась вода. После устройства особой системы с помощью небольшого подземного источника накапливалось до 70 кубометров воды, полностью заливавшей галерею и частично лестницу. С разрушением городских укреплений во внешней стене каптажного сооружения образовался пролом. Уровень воды сильно понизился, отчего колодец утратил стратегическое значение. Его роль отчасти перешла к водопроводу из глиняных труб, доставлявшему воду из родников на соседней возвышенности.

На случай длительной осады в Эски-Кермене заготавливались тысячи центнеров зерна. Жители складывали пшеницу в глубоких, также выдолбленных в камне ямах. Около 10 таких хранилищ находилось на верхней площадке мыса у главных ворот. Впрочем, зерновые ямы располагались рядом с каждым оборонительным комплексом. Запасы создавались заранее, видимо, с помощью населения окрестных деревень, активно принимавшего участие в обороне города. После падения крепостной стены ямы, подобно колодцу, утратили былое значение, но были расширены и приспособлены для хозяйственных нужд.

Превосходное знание местных условий и особая тщательность квадратной кладки крепостных стен позволяют сделать предположение об изначальном создании Эски-Кермена как крепости «в порядке государственного мероприятия, пришедшей строительной артелью». План обороны города, безусловно, разрабатывали опытные военные инженеры. Крымский археолог Д. Л. Талис предполагал участие византийских мастеров, которые «использовались местными правителями в интересах, совпадающих в период строительства с целями имперской администрации».

Тепе-Кермен и Кыз-Кермен. Замки горных вершин

В живописной долине к юго-западу от Бахчисарая возвышаются две похожие вершины конической формы, тесно связанные природой, легендами и реальной историей. Глубина ущелий останца Тепе-Кермен достигает 12 метров. Гора поднимается на высоту 540 метров над уровнем моря и взмывает над окружающими долинами более чем на 250 метров. Расположенное на ней городище ранее являлось типичным феодальным замком, устроенным по всем правилам средневековой фортификации, хотя и с учетом специфики горного Крыма. Отрог гряды Кыз-Кермен немного ниже, но его поселение по площади не уступало таким крупным пещерным городам, как Чуфут-Кале или Эски-Кермен.

Согласно легенде, в старину оба поселения были хорошо укрепленными торговыми городами. Жителями Кыз-Кермена правил князь, которому в делах помогала дочь – красивая, умная и отважная девушка, владевшая оружием не хуже мужчины. Воинствующие жители

Тепе-Кермена во главе с предводителем и его сыном осмеливались нападать на караваны, направлявшиеся к соседям, чем вызывали их праведный гнев. Многочисленные стычки не приносили пользы ни одной из сторон, и князя решили примирить народы, в обычаях того времени условившись поженить своих детей. Молодые люди согласились, но княжна поставила условие: юноша должен явиться в Кыз-Кермен и лично попросить ее руки. Будучи истинным горцем, княжич не мог согласиться на такое унижение, предложив встретить невесту на мосту, которого еще не существовало. Спустя несколько месяцев разделявший города овраг был перекрыт каменным мостом. В сопровождении свиты нареченные пошли навстречу друг другу. Неожиданно красавица княжна вспомнила старые обиды. Выхватив кинжал, она зарезала жениха и тотчас была убита охраной молодого князя. После смерти несостоявшихся супругов вражда между Тепе-Керменом и Кыз-Керменом разгорелась с новой силой. Вскоре развалился ненужный мост; его остатки засыпали овраг, по-прежнему разделявший враждовавшие селения.

Плато горы Тепе-Кермен занимает площадь не более 1 гектара. В условиях ограниченного пространства в городе было немного наземных построек, а 250 вырубленных пещер располагались в несколько ярусов. Половину из них составляли крупные «многокомнатные» помещения с широким входом. Являясь самыми ранними обиталищами, они давали приют и людям, и скоту. В каждом таком доме устраивались каменные ясли и приспособление для привязи животных. Только в Тепе-Кермене встречались «каменные кольца» в виде высеченных уступов с отверстиями, вставленные в скальную массу стены. Пещеры с люками в потолке могли быть погребями немногочисленных наземных построек или цистернами для хранения воды. Путешественники начала XIX века сочли самыми таинственными тесные пещеры с «дверью», высотой примерно в половину человеческого роста.

Как во всех средневековых горных поселениях Таврики, двухэтажные жилые строения Тепе-Кермена стояли посреди небольших и довольно тесных дворов в окружении хозяйственных построек и навесов. Жители пользовались одинаковыми предметами – поливной посудой, пифосами, амфорами – и дружно крыли дома керамической черепицей. В отличие от других пещерных городов здесь не было источников воды. Возможно, жители запасали дождевую воду, собирая ее в специальных скальных вырубках.

В северо-восточной части плато располагалась природная терраса с узким входом-дверью. Если считать это сооружение храмом, то неверно относить его к христианству. Архитектура строения необычна для средневекового Крыма и более характерна для малоазиатских стран, входивших в состав Византийской империи. Просторное помещение с выступами и двумя нишеобразными выемками вытянуто вдоль входа, а не к алтарю, как было принято среди таврических христиан. Длина пещеры – более 11 метров при ширине до 5 метров.

Пещеры в Тепе-Кермене

Сильно выдвинутая алтарная преграда занимает почти всю середину зала с шестью колоннами, грубо высеченными из цельного камня. Во время службы прихожане стояли полукругом перед престолом. Выступ под окном, в глубине алтаря, возможно, служил жертвенником. Рядом с одной из стен храма устроены гробницы, подписанные на греческом языке. Крещальня выполнена в форме каменного ящика с крестообразной выемкой. В пещере под церковью обнаружено множество человеческих костей. Предположительно, там был древний могильник, куда складывали кости, вынутые из гробниц.

По аналогии с постройками периода иконоборческого движения храм датирован VIII–IX веками. Его назначение до сих пор остается предметом научных дебатов. Археолог Д. Л. Талис, исследовавший церковь в 1969 году, увидел в ней часть монументального религиозного комплекса. Менее фантастична теория немецкого археолога Тунмана, который относил необычную постройку к криптам – сводчатым подземным помещениям или часовням под храмом, служившим для погребения. «Тепе-Кермен, то есть замок горной вершины, – утверждал он, – высокая, отдельно стоящая гора в виде сахарной головы. На ее вершине еще и теперь видны остатки крепости, видимо глубочайшей древности. Вся скала покрыта бесчисленным количеством гротов и пещер, расположенных в особом порядке, почти как в древнем колумбарии (хранилище урн с прахом). Можно подумать, что они могли служить местом погребения».

Изобилие культовых сооружений Тепе-Кермена ранее давало повод считать это место монастырем. Однако еще в 1777 году Тунману посчастливилось увидеть остатки крепости, хотя о былом наличии крепостных стен говорит само название города: «тепе-кермен» в

переводе означает «крепость на горе». Замок романской архитектуры возник на месте укрепленного убежища, близ которого уже существовало мирное поселение. Люди жили в пещерных комплексах восточного и юго-восточного склонов. К приходу первых исследователей от оборонных сооружений остались только «постели» и вырубленные в скале верхние марши дороги. Их расположение свидетельствует о существовании когда-то типичной и вполне продуманной системы защиты города. Боевые казематы с амбразурами для стрельбы из лука и сбрасывания камней находились на западной стороне плато.

Горы Тепе-Кермен и Кыз-Кермен, словно скалистые острова, возвышаются посреди ровной поляны. Удивительно красивый вид этой местности послужил основой для картины «Жертвенники» русского живописца К. Ф. Богаевского, автора «героических» пейзажей с видами Восточного Крыма. Перед созданием большого полотна художник сделал зарисовки с натуры, где изобразил знакомые пирамидальные вершины, назвав эскиз «Алтари в пустыне». Наименование возникло под впечатлением одного из стихотворных сборников известного крымского поэта М. А. Волошина. Потомок запорожских казаков и обрусевших немцев в 1893 году переехал в Коктебель, найдя на земле древней Таврики «истинную родину духа». Стихи Волошина воссоздают сцены языческого поклонения солнцу:

Я поставлю жертвенник в пустыне
На широком темени горы.

Богаевский увидел в причудливых очертаниях Тепе-Кермена подножие алтаря, одновременно создав образ минувшей эпохи и картину реально существующей природы.

С соседней вершины городище Кыз-Кермен (Девичья крепость) выглядит сказочным дворцом, утонувшим в туманно-сиреневых далах на фоне Главной гряды. Укрепленное поселение располагалось на узком южном отроге одноименной горы. Практически неприступное плато с трех сторон обрывалось крутыми склонами. Оттого крепость имела всего одну оборонительную стену (130 метров), которой оставалось защитить наиболее уязвимую северную часть города, отделив ее от традиционного пустыря.

Единственная колесная дорога подходила к стене у восточного обрыва, где в древности стояли ворота. На западном обрыве был второй вход в виде спрятанной в кустах маленькой «вылазной» калитки. Недалеко от нее находился спуск в ущелье – крутая скальная лестница. Не противореча легенде, Кыз-Кермен изначально был мирным городом, где процветали ремесла и торговля. Множество жилых и хозяйственных строений имелось здесь уже в V столетии. Высеченные в скалах тарапаны свидетельствуют о виноделии как об основном занятии местных жителей.

Вскоре после возникновения город имел все условия для безбедного существования, чему в значительной мере способствовало удобное местоположение. Девичья крепость преграждала древний путь, проходивший через долину Качи, стратегический перевал Кибит-Богаз и далее на южное побережье полуострова. Кроме того, князья Кыз-Кермена могли контролировать главную торговую трассу, которая вела из степей к эллинскому Херсонесу. Однако столь удобно расположенному городу не довелось достичь статуса крупного торгового центра: в конце IX века его уничтожили хазары.

«Крестовый корабль» Качи-Кальон

Недалеко от стоянки Таш-Аир возвышается скала оригинальной формы, где некогда находилось языческое капище Качи-Кальон с «истуканом того же имени». Легендарный идол затерялся в веках, а основанный на его месте одноименный монастырь является реальным памятником истории. Верхняя часть горы, похожей на гигантский корабль, изрезана трещинами, образующими изображение огромного креста. Таким образом, сама природа определила название скалы – «крестовый корабль», устремленный вниз по течению реки Качи. Столь же естественным творением предстает городище с высеченными в

скальных глыбах сооружениями: усыпальницами, храмами, жилыми пещерами и множеством тарапанов. У подножия обрыва по крутому склону раскиданы глыбы известняка; некоторые из них величиной с двухэтажный дом.

Возникшее в VI веке поселение и укрепленное убежище намеренно строились на перекрестке торговых путей, проходивших через верховья реки. Дорога соединяла юго-западную часть полуострова с побережьем Крыма через перевал Кибит-Богаз. Крепостная стена начиналась от «носа корабля», или суженного скального массива, и шла на юго-запад до храма, вырубленного в отдельно стоящем обломке утеса.

Ранняя христианская церковь, как правило, сооружала культовые здания в местах языческих святинь. Близ Качи-Кальона такими местами были гроты, открытые или затененные вековыми деревьями, на которых в честь божества развешивали лоскутки одежды. Крошечный храм (4 x 2,5 метра) в скале имел два входа с дверями и деревянными навесами. Один из них подводил прямо к алтарю. Нишу над первым входом украшал вырезанный в камне равноконечный крест. Внутренняя часть храма заключала в себе полукруглую абсиду с иконостасом, короткие скамьи для прихожан и несколько могил. На территории близлежащего кладбища в небольшом обломке скалы располагалась гробница, позже переоборудованная в виноградавилюню.

Судя по огромному количеству (около 120) тарапанов, обитатели Качи-Кальона серьезно занимались виноделием, видимо приносящим немалую прибыль. Помимо изобилия чистой горной воды, этому благоприятствовал рельеф местности: виноград выращивался на солнечном юго-восточном склоне. Превосходно оборудованные давильни позволяли одновременно перерабатывать до 250 тонн винограда, выращенного на плодородной земле Качинской долины. Вместе с вином изготавливалась тара, то есть керамические амфоры и небольшие кувшины. Символ виноградарства – «процветший» крест – красовался даже на культовых предметах. Например, рельеф в маленькой часовне представлял стилизованный крест с окончаниями в виде изгибающейся виноградной лозы.

Самый большой «квартал» города состоял из скопления пещер, сосредоточенных вокруг пяти больших гротов. Ближайший крупный комплекс вырублен в отвесном обрыве. Более полусотни природных подземных полостей различного характера соединялись переходами, каменными лесенками, террасами. В полу каждого подземного помещения были высечены зерновые ямы и тарапаны.

Между вторым и третьим гротом находились искусственные пещеры, в том числе церковь со сложенной из камня наружной стеной. Ее стены украшали высеченные и разрисованные красной краской кресты. Эту часть плато защищало укрепление в виде ограды метровой толщины и сторожевой башни прямоугольной формы. Здесь же находились широкие ворота, переходившие в коридор, направленный в сторону города. Значительную часть укрепленного мыса занимало кладбище с надгробиями двух видов. Первая разновидность могильных памятников представляла собой двухскатные плиты с продольными гранями, вторая – длинные плоские камни с башенками на конце, где устраивались миниатюрные ниши. На некоторых надгробиях сохранился орнамент: звезды, розетки, плетеный узор.

Четвертый, самый большой, грот Качи-Кальона славился родником имени святой Анастасии. Целебная вода источника привлекала паломников еще в языческие времена. Влага сочилась прямо из скалы; в течение многих веков слабая струя выдолбила в камне глубокую чашу. По величю и грандиозности созданное природой сооружение можно сравнить с дворцом. Высокий потолок подобен сводам готического храма. Приглушенное солнечное освещение придает каменным стенам красивый золотистый оттенок. Обрушенный вход с навалом скальных обломков вместе с крутым обрывом усиливают пугающее чувство высоты. У основания грота в несколько ярусов вырублены пещеры. Немного ниже росла старая черешня, удивительным образом существовавшая на скальных грунтах.

Грот с источником в Качи-Кальоне

Ниже большого грота располагалось селение с жилыми пещерами, тарапанами и оборонительной стеной, составлявшее живое дополнение к памятнику природы. К концу XVIII столетия здесь оставались только «валявшиеся по скату во множестве, тесанные продолговатыми четверугольниками большие камни, отделанные карнизы, уцелевшие остатки разрушенной церкви...». По воспоминаниям П. Сумарокова, «один греческий монах, отыскав признаки сего храма, испрошенною милостыней починил и превратил оной в часовню». Возможно, именно эта часовня предстала взору русского путешественника, не преминувшего отразить впечатления в романтических рисунках с видами Качи-Кальона.

Кроме пещер хозяйственного и религиозного назначения, Качи-Кальон располагал жилыми кварталами с наземными постройками, сложенными из бутового камня. Многие дома связывались с монастырем, возникшим примерно в IX столетии. В одном из многочисленных гротов Качи-Кальона находился родник, служивший основным источником водоснабжения для обитателей скита. В 1778 году, после переселения православных христиан из Крыма, монастырь в Качи-Кальоне прекратил свое существование, но в середине XIX века на его землях была основана обитель Святой Анастасии. Знаменитый источник в большом гроте стал местом паломничества верующих со всей Новороссии. Восстановленные старые церкви возобновили богослужения, а у дороги появился новый храм, названный в честь святой Анастасии.

Алтари в пустыне

Первые пещерные монастыри появились в конце VII века. Их строительство связано с иконоборческим движением в Византии, которое являлось внешним проявлением ожесточенной борьбы между императором и монастырями, безотчетно управлявшими огромными земельными владениями. Родоначальником иконоборчества считается византийский владыка Лев III Исавр, наложивший запрет на почитание икон. Император Константин V осудил иконопочитание на церковном соборе, прилюдно назвав старинный обычай идолопоклонством. Не вызывает сомнения тот факт, что противоборствующие стороны преследовали не только духовные цели. Светская власть использовала иконопочитание как предлог, стараясь запретами сломить экономическое могущество церкви. В то время прошла волна ликвидаций крупных обителей. Монастырское имущество и земли переходили в царскую собственность; в кельях обитали воины, а монахов заставляли жениться или направляли в армию.

Гонимые иноки скрывались в дальних районах империи или уходили за кордон. Добравшись до Крыма, монахи сначала селились в долинах, постепенно переходя в более безопасные горные местности, устраивая пещерные скиты в обрывистых скалах.

Расположенный недалеко от Балаклавы Георгиевский монастырь изначально служил средоточием религии отцов-греков и всегда оставался действующим. Здесь готовили новых служителей алтарей и по традиции переписывали древние труды. Общинники жили в пещерах, высеченных в скалах вокруг маленькой церкви. Единственной возможностью проникнуть в обитель было восхождение по узкой лестнице, круто поднимавшейся над морской пучиной. Долгое время иноки успешно отражали нападения татар и турок, принимая под защиту всех гонимых и обездоленных. В конце XVIII столетия монастырь отстроился заново и во многом изменил первоначальный характер. Вместо старой церкви возник новый, более просторный храм, были благоустроены кельи, но остался налет прежнего величия и таинственности.

Главной достопримечательностью этих мест считались мифические развалины храма Дианы. Легенды связывали возведение храма с именем Ифигении. Спасенная богами от гибели дочь греческого царя Менелая загадочным образом перенеслась в Крым, став жрицей святилища Дианы. Согласно античным авторам, оно стояло на мысе Феолент и должно было находиться в окрестностях Георгиевского монастыря. Однако подлинное местонахождение, как и само существование храма, осталось неизвестным.

Древнейшие пещерные селения находились в горах Инкермана. Мягкие известняковые породы позволяли вырубать просторные жилища даже самым примитивным орудием. До прихода греков здесь прятались от врагов первые обитатели Крыма – тавры. В начале нашей эры сюда ссылали осужденных римлян, которых заменили гонимые христиане. Странники новой веры превращали пещеры в кельи, возводили церкви, постепенно образовав крупный монастырь, просуществовавший до XVIII века. Подробное описание инкерманских пещер содержится в «Путешествии...» Муравьева-Апостола. В числе наиболее любопытных частей обители автор называет высеченный в скале храм полуовальной формы. Внутри церкви хорошо сохранился алтарь с остатками образов, написанных по камню.

Примерно в конце VIII столетия в районе Бахчисарая возникло незащищенное тавро-скифское селение, вначале состоявшее из новообращенных христиан. Приняв новую религию в Инкермане, единоверцы ознаменовали это событие сооружением церкви Успения, которую по традиции высекли в отвесе высокой скалы непосредственно над поселком. Позже старожилов сменили крымские греки. С новым названием – Мариамполь – колония просуществовала до 1779 года, а место моления постепенно преобразовалось в крупный монастырь. Из Бахчисарая к нему вела прямая дорога, постепенно углублявшаяся в ущелье и далее проходившая вдоль отвесных скал. Помимо множества пещер, в монастыре имелись наземные постройки: фонтаны, келья игумена у дороги, два дома для гостей и небольшая часовенка.

Главная обительская святыня – Успенский храм – имела выход на террасу, угрожающе нависавшую над пропастью. По крутой широкой лестнице к церкви дважды в год

поднимались горожане со всей округи, не изменив обычая даже в 1779 году, когда храм покинул священник-грек. Одна из самых больших церквей горного Крыма притягивала взор еще издалека. Ее фасад со специальной нишей, выделенной резными колонками, украшала роспись, созданная непосредственно на скале. Залитое светом просторное внутреннее помещение с четырьмя колоннами вмещало в себя более 200 прихожан. Солнечные лучи попадали в зал через высокие оконные проемы, из которых открывался превосходный вид на ущелье. Отрадное чувство покоя усиливали ровные светлые стены, побеленные известью и расписанные яркими красками.

Ф. Гросс. «Успенский скит под Бахчисараем». Литография, 1830-е

В XV–XVI столетиях Успенский монастырь являлся центром крымского православия. Здесь размещалась резиденция митрополита; только здесь устраивались богослужения для пленных христиан, среди которых были русские послы. В целях закрепления политического влияния на полуострове русские монархи оказывали обителю материальную помощь, о чем свидетельствуют грамоты царей Фёдора Иоанновича (1595) и Бориса Годунова (1599).

В годы дипломатической борьбы за господство на Таврике настоятели Успенского монастыря выступили единомышленниками российских государей, подготавливая православное население полуострова к переселению на земли Приазовья. Организацией переезда занимался фельдмаршал Суворов, сумевший в 1778 году обеспечить выезд более 30 тысяч местных христиан – земледельцев, ремесленников и скотоводов. Обитатели Мариамполя поселились на побережье Азовского моря, где из греческой деревни вырос город Мариуполь.

В 1801 году у пещерной церкви появился конкурент в виде православного храма в Бахчисарае. Попустительство городских властей привело к разорению вековой святыни. Успенский храм лишился икон и утвари, уподобившись заурядной кладбищенской часовне. К 1820 году при церкви осталась чета старых греков, избравших местом жительства деревянную каморку, устроенную в скале высоко над землей. Некогда процветавший монастырь опустел и начал разрушаться. Спустя несколько десятилетий, частично восстановленный, он обладал лишь статусом скита, то есть небольшого поселения монахов-отшельников, скрытого от посторонних глаз в горной глуши. Во время героической обороны Севастополя в кельях Успенского скита действовал госпиталь. Скончавшихся от ран хоронили на территории обители и на монастырском кладбище, где по сей день сохранились надгробия.

...Да одиноко городища
Чернеют жутко среди степей,
Забытых дел, умолкших дней
Ненарушимые кладбища...

Строки из стихотворения Максимилиана Волошина относились к отдельно стоявшим храмам и небольшим скитам, коих на Таврической земле имелось великое множество. Быть может, ощущение жуткого одиночества у поэта вызвала церковь Иоанна Предтечи, воздвигнутая в XIV веке недалеко пещерного города Качи-Кальона. Судя по форме кладбищенских надгробий, в Средневековье рядом с храмом находилось поселение, где жили представители различных народов Крыма. От самой церкви сохранились фундамент и абсида. Однако Волошин мог застать фрагменты необычной росписи с изображением сцен из «Поклонения жертве». Весьма редкий архаичный сюжет фресок представляет большую художественную ценность как по исполнению, так и по композиции. В настоящее время картина вместе с частями алтарных стен составляет экспозицию одного из крымских музеев.

Следуя по пути из Мангупа в Инкерман, средневековые путешественники останавливались на ночлег в пещерных монастырях Шулдан и Челтер. Несмотря на татарское господство, греческая православная культура сумела сохранить влияние на всей территории Крыма. Немалая заслуга в этом принадлежала христианским монастырям, расположенным в окрестностях Бахчисарая, в самом центре Крымского ханства. Русские цари оказывали горным обителям помощь в виде ежегодной «руги» (от греч. *rhoga* – «плата»), кроме того, щедро одаривая греческих монахов, нередко наезжавших в Москву «за милостыней». Такое сотрудничество обеспечивало выгоду обеим сторонам: крымские монастыри продолжали существование, а Россия располагала источниками информации во враждебном государстве. Впоследствии опора среди христианской части населения в преобладающей татарской среде сыграла важную роль в превращении средневекового ханства в процветающую Таврическую губернию.

Основание монастыря Шулдан относится к VIII веку. Извилистая дорога поднимается по заросшему лесом склону, ведет вдоль скального обрыва и узкой тропой приводит на ровное плато. Первым сооружением пещерного скита можно считать естественный грот с источником. Вода сочилась из скалы и стекала по выточенному желобку, за долгие годы пробив выемку в виде чаши. Неизвестно, когда в этом месте произошел обвал, но грот и прилегавшие к нему пещеры завалило камнями, а родник выбрал себе другой путь, вырвавшись из-под земли в некотором отдалении.

Успенский пещерный монастырь. Гравюра XIX века

Кельи монахов составляли небольшой город, представленный домами-пещерами природного и искусственного происхождения, расположенными в два уровня. С верхнего, похожего на балкон яруса открывался великолепный вид на Шульскую долину. Устроенная на самом высоком месте плато единственная церковь имела форму базилики с коробовым сводом и притвором – нартексом – в западной части. Прихожане поднимались по лестнице с каменным парапетом, которая после обвала нижней половины повисла высоко над землей.

Если в ранних христианских храмах нартекс предназначался для оглашенных, то позже его рассматривали как входной зал. Притвор отделялся от основного помещения двумя колоннами. Вдоль полукружия центральной абсиды проходила длинная вырубленная скамья с епископским креслом в алтаре. По наличию неуместных сооружений, подобных зерновой яме в баптистерии, можно судить о том, что церковь устроили в пещере хозяйственного назначения. Храм окружали жилые постройки с одинаковыми насечками на стенах.

Монастырь Челтер угадывается издали благодаря черным дырам – большим пещерам, высеченным в отвесной скале в пять ярусов. Более полусотни монашеских келий почти не отличались ни размерами, ни внутренним убранством. Гостям обители приходилось карабкаться по чрезвычайно крутому склону. Уходящая вверх от нижней галереи тропинка приводила к огромному открытому залу с пятью колоннами, высеченными из цельной скалы. По мнению исследователей, это помещение могло быть языческим святилищем. Недалеко от него находилась колоссальных размеров виноградодавильня тарапан и несколько таких же огромных зерновых ям. Необычайно гладко отшлифованные стены хранилищ напоминали внутреннюю поверхность пифосов. Дождевую воду от зерновой ямы в специальный водоем отводили мелкие канавки, вырубленные по самому краю плато.

В начале комплекса верхних пещер, на стене небольшой ниши, красовался высеченный крест прямой формы, характерной для культуры раннего Средневековья. Во время монгольского нашествия монастыри Челтер и Шулдан подверглись разорению, но продолжали существовать вплоть до начала XIX века.

Судакская цитадель

Драматическая судьба города, удобно расположенного на скалистом юго-восточном побережье Крыма, отразилась в его названии. Эллины нарекли его Сугдея, русские – Сурож, генуэзцы – Солдайя, а восточные географы – современным именем Судак. Один из самых древних городов полуострова бережно хранил свою историю и ныне известен как заповедник Судакская крепость. Вместе с портовой частью древнего города его территория составляет около 30 гектаров. Общая длина стен превышает 800 метров.

Воздвигнутая в IV–VI веках твердыня представляет собой уникальный памятник средневекового Крыма, не имеющий аналогов по сохранности и соответствию типичной архитектуре того времени. Выстроенные в разное время части крепости отражают этапы развития мирового зодчества. Стены и башни наглядно представляют образцы средневекового оборонного строительства. По словам писателя С. Елпатьевского, «от крепости нельзя уйти, и к ней тянет всех приезжающих в Судак».

Основание города относится к 212 году, но первые обитатели появились на этом месте еще в эпоху палеолита. В I тысячелетии до н. э. плато на скалистой конусообразной горе заселили тавры. Во II–III веках их сменили аланы – ираноязычные племена сарматского происхождения. Через столетие небольшой город перешел под управление византийского императора. Вместе с ромеями сюда проникло христианство, и, как следствие, за стенами крепости и в окрестностях начали строиться храмы и монастыри.

В первых веках надежно защищенное поселение Сугдея являлось окраиной античного мира. На пограничных землях Византии сходились торговые пути «из варяг в греки»; пересекались дороги из Европы, Египта, Малой Азии. Отсюда часто начинался длинный морской переход в Индию. В небольшом отдалении от города некогда находился античный порт Афинеон. Форт возвышался над 70-метровым обрывом на западных отрогах горы Караул-Оба. Непрístupная цитадель с четырьмя башнями и бастионом принадлежала Боспорскому государству. Толщина стен местами достигала 3 метров. Французским словом *bastion* называли пятиугольное укрепление в виде выступа в углах крепостной ограды. Оно предназначалось для обстреливания местности спереди и вдоль крепостных стен и рвов.

Сугдейская крепость (ныне Крепостная) воздвигнута на южном склоне горы, некогда являвшейся коралловым рифом. Непрístupная с юга и востока, в северной части она защищалась глубоким рвом. Сооружение имело два уровня обороны – нижний и верхний, между которыми располагались жилые кварталы. Второй ярус прикрывал цитадель; за пределами крепости раскинулись городские предместья. Перед Главными воротами с двумя башнями находился барбакан, как тогда называли полукруглую стену предмостового укрепления.

Оборонные постройки включали в себя массивные двухметровые в ширину стены высотой 6–8 метров и романские башни двух типов: закрытого и открытого (трехстенного). Большинство башен получили имена генуэзских консулов, по велению которых они строились. Указание на владельца вместе с датой постройки имеется на каждой башне. Например, башня Джиованни Марионе была закончена в 1388 году; башня Пасквале Джудиче – в 1392; башня де Флиско Лавани – в 1409. Настенные латинские надписи дополнены геральдической символикой: гербами Генуи, правившего дожа и консула крымской Солдайи.

В течение нескольких веков крепость подвергалась нашествию кочевников. Сменяя друг друга, город захватывали, грабили и разоряли хазары, печенеги, половцы, турки, татары. В XIII столетии он входил в состав Золотой Орды. Новые хозяева вносили с жителей

официальную дань и время от времени совершали разбойничьи набеги. В то же время формально Солдайя находилась в распоряжении представителей Венецианской республики. Более чем столетнее присутствие венецианцев сделало город значительным торговым центром, процветающим, несмотря на регулярные набеги кочевников. Его слава распространилась далеко за пределы Крыма. Здесь встречались негодянты из многих страны мира. В гавань свободно заходили чужеземные корабли; по сухопутным дорогам беспрерывно шли караваны в Среднюю Азию, Китай и Московию.

Процветающая Солдайя стала предметом спора истинных хозяев и воинственных торговцев из Генуи, которых не устраивало господство венецианцев на Чёрном море. В 1365 году генуэзцы внезапно напали на Солдайю, приступом взяли крепость, захватив все окрестные поселения. Итальянские захватчики не собирались разрушать город, напротив, они достроили и реконструировали древние оборонительные сооружения, возвели новые стены, объединив крепость в единый ансамбль. При генуэзцах Солдайя утратила значение центра черноморской торговли, волей новых хозяев Крыма переместившегося в Каффу.

На скалистой вершине Крепостной горы до сегодняшнего дня возвышается Дозорная (Девичья) башня Кыз-Куле. Загадочная история этого сооружения вызвала рождение множества легенд, связанных с томившимися здесь узниками. Цитадель традиционно располагалась в верхнем ярусе и состояла из замка консула и нескольких башен, соединенных стеной, протянувшейся по самому гребню горы. Во время войны военачальник или комендант крепости не мог покинуть замок, поэтому в нем предусматривались помещения различного характера: от складов до роскошных покоев консула. Внутри крепости сохранились гидротехнические сооружения разных исторических периодов. В частности, итальянцы построили углубленную в землю прямоугольную цистерну и круглый бассейн для хранения питьевой воды. На территории цитадели находится единственный в Крыму готический храм.

Резиденция генуэзских правителей составляла целый комплекс сооружений, объединенный двумя башнями – донжоном и второстепенной каменной вышкой в северо-восточном углу замка. Обе башни соединялись толстыми стенами, между которыми находился внутренний двор. За пределами крепостных стен, на самом берегу моря, была построена «портовая» башня Фредерико Астагвера. При генуэзцах сооружение соединялось стеной с одной из угловых башен крепости и с башней, расположенной на горе Палвани-Оба. Эта оборонительная линия служила защитой для территории старого порта.

Руины Судацкой крепости

До 1475 года Солдайя являлась укрепленным поселением и одновременно административным центром сельскохозяйственного округа. Горожане и жители окраин занимались земледелием, виноградарством, выращиванием фруктов и табака. У подножия холма отдаленного от города мыса Агира находился гончарный центр края. В этом месте до сих пор можно отыскать фрагменты средневековой керамики и остатки гончарных печей. Поселение окружало замок генуэзских феодалов братьев ди Гуаско. Караульные несли службу на знаменитой Пастушьей башне – Чобан-Куле. В нижней ее части располагались амбразура и комната с камином. Доступ к башне прикрывался оборонительной стеной.

Мирные времена закончились с приходом турецких войск, осаждавших крепость при поддержке крымских татар. По рассказам местных жителей, «генуэзцы храбро и сильно защищались», хотя силы были неравны. Турки прорвали оборону после того, как в городе истощились запасы продовольствия. В цитадели остался немногочисленный отряд, возглавляемый консулом Христофоро ди Негро. Напрасно питая надежды на старый обычай, защитники крепости укрылись в городском храме, но турки сожгли их вместе с церковью.

Долгое турецкое владычество отмечено возведением немногочисленных зданий, преимущественно религиозного характера. Одно из них – мечеть чужеземной архитектуры, выделявшаяся среди других своеобразной внутренней отделкой. Проектировщик здания применил типично византийский прием связи купола с перекрываемым квадратным пространством посредством парусов (тромпы).

Впоследствии мечеть часто перестраивалась и по необходимости служила представителям различных конфессий. В разные времена здесь устраивались католический храм, православная церковь и немецкая кирха. Неповторимое архитектурное решение отличало так называемый храм на консолях, предположительно построенный в византийскую эпоху. Создание армянских храмов в долине связано с приходом кавказских народов, бежавших от турецкого нашествия. Лучшее всего сохранился небольшой армянский храм позднего Средневековья, расположенный за стенами Судацкой крепости, поблизости от Главных ворот.

Турки занимали Крым более трех столетий. Для Судака время их господства стало периодом упадка. Город постепенно лишился былого величия, совершенно утратил торговое значение и превратился в часть турецкой оборонной системы. Будучи приверженцами ислама, новые хозяева уничтожали христианские храмы, разрушали жилые дома. К началу Русско-турецкой войны 1768–1774 годов некогда цветущий город превратился в захолустное мусульманское селение.

После присоединения к России ситуация изменилась в лучшую сторону. Прибрежный Судак стал одним из курортно-сельскохозяйственных местечек Феодосийского уезда Таврической губернии. Короткое пребывание русских войск отмечено возведением казарм Кирилловского полка с двумя старинными пушками. Русский Судак развивался как центр крымского виноградарства и виноделия.

Крымское ханство

*О слава! Власть! Любовь! О торжество побед!
Вам суждены века, а мне – одно мгновенье.
Но длятся дни мои, а вас – пропал и след...
А. Мицкевич*

После распада Золотой Орды в 1443 году полуостров остался в распоряжении династии Гиреев, провозгласивших Крымское ханство со столицей в Бахчисарае. Смена фактической власти вначале не преуменьшила господства генуэзцев, реально владевших побережьем до прихода войск Османской империи. В 1475 году турки взяли Каффу, постепенно захватив остальные итальянские города и фактории. Богатые поселения были разграблены, жители убиты, а их жилища заняли турецкие гарнизоны.

Победа сделала турок хозяевами полуострова, и татарским ханам пришлось признать вассальную зависимость. Официально подневольные отношения с Турцией были закреплены только при Ислам-Гирее, правившем до 1588 года. Крымские ханы совершали набеги на русские, украинские, молдавские и польские земли, чем значительно приблизили свое низвержение. Длительная и упорная борьба за выход России к Черному морю велась со времен Петра Великого. После переменного успеха в нескольких Русско-турецких войнах «птенцы гнезда Екатерины» заняли Крым, присоединившийся к России заботами князя Григория Потемкина.

История государства Крымского

Первой резиденцией татарских владык был степной город Солхат, или Эски-Крым (ныне Старый Крым), раскинувшийся по широкой степной долине недалеко от Феодосии. Он возник на месте хазарской столицы Фуллы, где некогда томился в заточении Иоанн Готский и проповедовал знаменитый греческий монах-подвижник, святой Кирилл Скифопольский. Древние ханские города по сей день хранят обломки былой культуры: «Старый Крым буквально стоит на древностях, которые частью видны на поверхности, частью покоятся в недрах земли. Он мог быть открытым музеем древностей, если бы не хищничество нынешних его обитателей».

Посетивший Солхат в 1263 году арабский философ заметил, что «разнообразное население большого города придавало ему средиземноморскую оживленность и восточное своеобразие. До татар здесь жили греки, евреи, хазары и готы. Затем поселились кипчаки, аланы, армяне, генуэзцы и венецианцы». Судя по благоприятным отзывам путешественников, ранних обитателей степной столицы нельзя назвать хищниками. Пребывание ордынских захватчиков отмечено не пожарами и убийствами, а сооружением дворцов и мусульманских храмов. В 1252 году великолепный дворец возник по воле

старшего сына Чингисхана, основателя монгольского улуса хана Батыя. Спустя 36 лет роскошное место поклонения Аллаху выстроил потомок кипчакских предводителей, египетский султан Мамлюк-Бейбарс. В 1314 году по желанию ордынского хана Узбека в городе появилась самая крупная на полуострове мечеть.

После переноса столицы в Бахчисарай Солхат долго сохранял оживленность, оставаясь своеобразным местом встречи крымских степняков. Однако в отсутствие постоянных хозяев город утратил былой блеск, начал беднеть и постепенно пришел в упадок. Мартин Браневский застал его уже в развалинах. С образованием Таврической губернии почти погибший Эски-Крым преобразился в уездный город Левкополь, но чиновники вскоре переехали в Феодосию, и город вновь опустел.

Род татарских ханов предположительно начался с потомка монгольского военачальника Джучи – старшего сына Чингисхана от старшей жены Бортэ-фуджин. О происхождении и юных годах Хаджи-Гирея (умер в 1466 году) точных сведений нет, но известно, что он приложил немалые усилия к утверждению независимости Крымского государства. Его сын Менгли-Гирей (умер в 1515 году) стал самым прославленным представителем крымской династии. Возведенный на престол в 1468 году турецким султаном, он помог туркам захватить генуэзскую Каффу, но в благодарность получил вассальную зависимость для себя и своих потомков. Признав османского владыку сюзереном, Менгли Гирей заключил союз с московским царем Иваном III и в этом качестве успешно воевал с ханом Большой Орды Ахматом, одновременно участвуя в битвах с поляками и молдаванами.

Гиреи никогда не жили в Солхате, предпочитая долину под названием Эски-Юрт, расположенную в нижнем течении реки Чурук-Су. Став ханом и обретя множество врагов, Хаджи-Гирей перебрался в более безопасное место, укрыв семейство за толстыми стенами крепости Кырк-Ор. Еще при жизни хана недалеко от крепости, в тесном ущелье Ашлама-Дере, начал строиться одноименный дворец, который постепенно окружали жилые дома и хозяйственные постройки.

Татарский военачальник. Рисунок из альбома польского короля Станислава Августа

Заключительный этап средневековой истории Крыма начался с вторжения турок в 1475 году. Османы прервали генуэзское господство на море, уничтожили княжество Феодоро, не преминув ограничить влияние татарских ханов. В 1476 году Менгли-Гирей отбыл в Порту и возвратился из плена данником. При поддержке союзников татарскому хану удалось нанести поражение своему главному врагу – Большой Орде – и захватить первенство среди кочевых объединений на землях распавшейся Золотой Орды. Однако отношения с Москвой ухудшились; военно-политический союз сменился жестоким противоборством, которое три века спустя завершилось гибелью Крымского ханства.

В 1507 году произошел первый набег крымских татар на русские земли, повторившийся за столетие более 40 раз. Тактика крымских войск не отличалась от повадок кочевников, ставивших главной целью не захват территории, а военные трофеи. Бойцы Менгли-Гирея избегали затяжных сражений, но выгодно использовали моменты для внезапного нападения и захватывали огромное количество пленных. Крымские ханы отправлялись в поход летом, когда крестьяне работали в поле. Совершая налет «рассыпным веером», конные отряды охватывали значительную территорию, стремительно меняли места дислокации, что крайне затрудняло борьбу с ними пеших московских войск. Кроме того, крымский хан получал помощь от Османской империи, имея в своем распоряжении янычар и современное по тем временам оружие.

С именем хана Менгли-Гирея связана легенда о создании Бахчисарая, куда подневольные правители Крыма переселились из крепости Кырк-Ор. Местные жители верили, что история новой столицы началась со случая на охоте, произошедшего с сыном Менгли-Гирея. Для травли выдался удачный день, но молодому хану захотелось

одиночества. Отправив слуг с добычей, он сошел с коня и присел на пне у речки Чурук-Су. Вдруг тишину нарушил шорох на другом берегу: из прибрежного кустарника выползли две змеи и вступили в долгую схватку. Когда одна из них, искусанная и обессиленная, перестала сопротивляться, безжизненно опустив голову, из чащи выползла третья змея. Неожиданно возникшая конкурентка накинулась на победительницу, и завязалось новое побоище. Освещенные закатным солнцем змеиные кольца мелькали в траве, и невозможно было уследить, кто побеждает, а кто проигрывает. Сын хана спокойно наблюдал за схваткой, слушал злобное шипение и треск веток, думая о том, что их род подобен полумертвой змее. Такие испуганные, забитые врагом, они скрылись за стенами крепости и сидят в ней, сберегая свою бесполезную жизнь. Где-то происходят битвы, одни побеждают, другие проигрывают, а Менгли-Гирею подняться трудно, так же как умирающей змее.

Спустя некоторое время молодой хан увидел, что побитая змея пошевелилась, подняла голову и медленно поползла к воде. С трудом передвигаясь, она приблизилась к реке и погрузилась в ее прохладные воды, где быстро обрела былую гибкость. Когда животное выползло на берег, на ее коже не осталось следов от ран. В этом чудесном преображении сын Менгли-Гирея увидел счастливый знак. Роду суждено подняться! Они могут ожить подобно полуживой змее. Юный наследник вскочил на коня и помчался в крепость. Вскоре после того, как старый хан узнал о происшествии у реки, пришла долгожданная весть: Оттоманская Порта одолела ордынского хана Ахмеда, который в свое время истребил воинов Гирея. Теперь заклятый враг крымских владык сам скрывался в далекой горной крепости.

Отец и сын решили основать новую столицу – Бахчисарай, избрав местом ее возведения просторную долину у реки Чурук-Су, там, где произошла знаменательная схватка змей. Дворцовый герб украсили две перевившиеся в схватке змеи, потому как третью, полумертвую, гадину мудрый Менгли-Гирей видеть не пожелал.

Третий представитель династии крымских владык, хан Магомет-Гирей (1515–1524), сумел воспользоваться ослаблением русских войск, занятых сражениями с Литвой, и подчинил своему влиянию Казань. Подмосковными татарами правил его брат Сагиб-Гирей, успевший разорить Владимирскую и Нижегородскую земли. Объединенные отряды братских войск подошли к стенам русской столицы летом 1521 года. Немало напугав жителей, напомнив о монгольских набегах, они не стали тратить силы на штурм деревянных стен Москвы и ограничились княжеской грамотой на получение ежегодной дани. На обратном пути татары попытались взять Рязань, но были повержены в бегство командой городских артиллеристов, которыми руководил пушкарь Иордан. Не считая Рязани, поход закончился удачно: трофеи крымского войска составили около 800 тысяч пленных и письменный посул московского князя Василия III, обменявшего свою жизнь на деньги подданных.

После разрушительного крымско-казанского нашествия восточные и южные рубежи России стали объектом регулярных нападений. Ожесточенная борьба проходила без перемирий, набеги осуществлялись ежегодно. В XVI столетии убыль гражданского населения России многократно превосходила военные потери. Историк В. И. Ламанский вычислил, что за два века борьбы в крымское рабство попало около 5 миллионов жителей России и Украины, то есть почти половина населения Московского государства. Молодые, сильные невольники пользовались большим спросом на азиатских рынках, где их приобретали в качестве прислуги или галерных гребцов. Сложность борьбы с крымскими ханами усиливалась природно-географическим фактором. В отличие от кочевников русская армия не могла осилить сотни верст по безводным степям, при отсутствии колодцев, опорных пунктов и запасов продовольствия. Покорение Крыма не представлялось возможным без знания местности, но главное – без предварительной победы над могучей Османской империей.

Хан Магомет-Гирей погиб во время одной из битв с ногайцами. Его преемник, назначенный султаном, хан Сеадет-Гирей, оставил престол добровольно. Его заменил Сахыб-Гирей, к несчастью для себя вступивший в борьбу с молодым великим князем всея Руси Иваном, еще не грозным, но уже достаточно сильным духом и полками. Перед началом

похода 1541 года татары знали об ослаблении России в период боярского правления. «От Крыма до Казани до полуземли пусто бьаше», – характеризовали то время летописцы, хотя Москва располагала небольшими силами для отражения штурма. По совету митрополита Иоасафа великий князь Иван IV остался в столице, а не скрылся в лесах, как поступали его предшественники. Присутствие владыки морально поддержало войско, сыграв решающую роль в дальнейшей судьбе государства. Сахыб-Гирею не удалось взять город, и даже отступление оказалось нелегким. Не помышляя о пленных, крымские войска уходили в степи под постоянным преследованием русской конницы. В свою очередь, блестящая победа позволила русским усилить натиск на Казанское ханство и заняться обороной южных границ.

Знатный крымский татарин. Рисунок из альбома польского короля Станислава Августа

Постоянная угроза нападений вынуждала русских к созданию сплошной оборонительной линии из земляных валов, лесных засек, заграждений, частоколов, дозорных пунктов со сторожевыми башнями. В местах частых вторжений возводились городокрепости. В начале XVI века оборонительные укрепления протянулись от Брянска и Белгорода до Симбирска и Сызрани, составив знаменитую пограничную засечную линию на южных рубежах Московского государства.

Хан Девлет-Гирей занял крымский престол после Сахыб-Гирея, убитого в 1551 году. С именем этого правителя связана наибольшая активность крымских набегов на русские земли. Один из его походов имел целью помешать захвату Казани. Следуя на Москву, в июле 1552 года 60-тысячное крымско-турецкое войско подошло к Туле, где находился небольшой гарнизон во главе с воеводой Григорием Тёмкиным. При штурме слабо защищенной крепости татары использовали артиллерию, обстреливая город зажигательными ядрами.

Разделившись на два отряда, горожане тушили пожар и сражались с неприятелем на

стенах. К вечеру атака была отбита, а наутро, перед возобновлением штурма, на помощь защитникам Тулы пришли полки Ивана Грозного. По свидетельству летописцев, с криками «Царь православный идет!» воины гарнизона вместе с женщинами и детьми бросились в бой и сумели отеснить врага еще до прихода царской рати. Татары отступили, потеряв большую часть войска, включая именитых полководцев, среди которых был родственник хана.

Вторая встреча Девлет-Гирея и русского царя состоялась спустя 3 года. После победы в Казани Иван Грозный решил «воевать» Крым, выслав к Перекопу небольшой отряд князя Шереметева. Крупное сражение произошло у села Судбищи, где русские победили с трудом, едва дождавшись царского войска. Война возобновилась весной 1556 года, когда из Путивля в поход против Крымского ханства выступил отряд дьяка Матвея Ржевского. На Днепре к ним присоединились три сотни украинских казаков, не столько увеличивших русские силы, сколько выступивших в роли проводников.

Доплыв до Очакова, отряд Ржевского захватил турецкую крепость и повернул обратно. У днепровской крепости Ислам-Кермень русским пришлось сразиться с татарами, которыми командовал старший сын Девлет-Гирея. Воины Ржевского отбили у неприятеля конские табуны и вернулись в Россию с крупной добычей. Первое появление москвитов в низовьях Днепра произвело сильное впечатление на украинское казачество, увидевшего в русском царе могущественного союзника в борьбе против крымско-турецкой «напасти». Победный поход Матвея Ржевского вынудил Девлет-Гирея отказаться от дальнейших планов, отложив русский поход на неопределенный срок.

Следующий этап войны спровоцировали отряды окольного Даниила Адашева и князя Вышневецкого, выступившие против Крымского ханства в 1559 году. Пока украинские казаки Вышневецкого громили крымскую конницу близ Азова, воины Адашева спустились на ладьях по Днепру и захватили два турецких корабля, охранявших крымское побережье. Высадившиеся на берег Крыма русские вызвали немалый переполох. Поверив в слухи о бесчисленном царском войске, местное население бежало в горы. Отряд Адашева более двух недель свободно передвигался по вражеской территории, освобождал пленных и вернулся домой практически без потерь.

Несмотря на столь удачное завершение кампании, русские не располагали силами, достаточными для покорения Крыма. Иван Грозный еще не закончил Ливонскую войну, и сражения на юге были отложены на далекое будущее, хотя набеги продолжались.

Расположение царских войск в Прибалтике ослабило защиту южных границ, чем в 1571 году решил воспользоваться Девлет-Гирей. Встав во главе 100-тысячного войска, хан выступил в поход, предварительно заручившись поддержкой бояр, которые провели татар в обход от основных сил русского войска. Хан смог незаметно и беспрепятственно переправиться через реку, обошел все заслоны и оказался в тылу. Иван Грозный с отрядом опричников расположился недалеко от Серпухова. Пока воеводы спешили к Москве, отрезанный от основного войска царь отступил на Бронницы, а затем вышел к Александровой слободе, едва не попав в плен.

Подойдя к русской столице 24 мая 1571 года, Девлет-Гирей не пошел на штурм, а воспользовался известной и легкодоступной тактикой поджога. При сильном ветре деревянная Москва выгорела менее чем за три часа; уцелел лишь Кремль. Летописцы отмечали, что трупы запрудили реку. От дыма в своем дворе задохнулся первый воевода князь Иван Бельский. Спалив город, Девлет-Гирей быстро отошел в степи, но не забыл забрать с собой всех оставшихся в живых. По весьма приблизительным данным в том году русские потеряли более 800 тысяч человек.

Расправа с беззащитными москвитами воодушевила Девлет-Гирея на новые набеги, тем более что их осуществление не представляло труда. Возвращаясь из победного похода, татары укрепились в степях, изгнав русских из укреплений на Тереке. Смелость крымского хана дошла до требования отдать Казань и Астрахань, что было подкреплено военными действиями летом 1572 года.

Девлет-Гирей двинулся на Москву во главе 120-тысячного крымско-турецкого войска.

Не доходя до столицы, путь ему преградила 60-тысячная рать воеводы Воротынского. Проведенное в соответствии с оригинальной тактикой сражение длилось несколько дней. Для отражения натиска кочевников русские встали «гуляй-городом» – стеной из телег с установленными на них деревянными щитами. Однако крымская конница обошла заграждение и устремилась к Москве. Положение спас отряд князя Хворостинина, все же заманивший врага назад к «гуляй-городу», где татар добились дружным залпом из пушек и пищалей.

После нескольких таких стычек оставшиеся воины Девлет-Гирея постарались уничтожить «тележных» стрельцов, но ни одна из попыток не принесла успеха. Хан напрасно надеялся на внезапность своего набега и не был готов к затяжным боям, в которых его армия несла большие потери. Получив столь мощный отпор, он был вынужден повернуть назад, оставив русских с победой не только в битве при Молодях, но и с надеждой на выигрыш затянувшейся Ливонской войны.

Девлет-Гирей умер через шесть лет после трагических событий в Москве. После него правил Магомет-Гирей II Толстый, задушенный по приказу родного брата. Правивший в 1584–1588 годах султан Ислам-Гирей не внес существенных изменений в русско-крымскую политику. Последнее крупное нашествие татар произошло в 1591 году, во время владычества Гази-Гирея II Бора. Несмотря на то что большая часть русских войск находилась на северных рубежах, столица была готова к встрече врага. Москву обороняло большое войско, возглавляемое воеводами Мстиславским, Черкасским и Трубецким. Мелкие стычки прошли недалеко от села Коломенского, но итогом отдельных налетов стали крупные потери со стороны татар, в большом количестве погибавших после пушечных залпов.

К вечеру Гази-Гирей отошел к Воробьевым горам, где его не могла достать артиллерия, но русские продолжали стрелять всю ночь для устрашения врага. «Взятые же в бою пленные сообщали хану, что стрельба ведется в знак радости от прихода с севера царских войск». Эти сообщения окончательно убедили хана в надежной защите Москвы и заставили отступить, не дожидаясь рассвета. В том походе татары в качестве вражеского войска в последний раз стояли у стен русской столицы.

В начале XVII века разрушенные в Смутное время укрепления на южных рубежах были восстановлены и даже дополнены новыми засеками и сторожевыми вышками. Крымские ханы все еще оставались подданными турецкого султана, что определило их участие в Русско-турецких войнах.

К тому времени властью в Крыму успели насладиться 13 владык. В 1601 году, после смерти неудачливого полководца Гази-Гирея, в покоях бахчисарайского дворца воцарился Джаны-бек-Гирей; затем Селямет-Гирей (1608) и вновь Джаны-бек-Гирей, которого за неисполнение требований султана лишили власти и отправили в ссылку на остров Родос. С 1623 по 1627 год недолго пустовавший трон занял Магомет-Гирей III, но он тоже не угодил Блистательной Порте и был замещен Джаны-бек-Гиреем II. Слабый правитель и бездарный воин не оправдал доверия турок, ожидавших от своих ставленников большего, чем возлежание на мягких подушках. Хан Инайет-Гирей, напротив, отличился кипучей деятельностью, направив силы на обретение независимости Крыма. Такая политика, безусловно, не понравилась османам. В 1637 году непокорный властитель простился с жизнью, уступив место Богадырь-Гирею I. Образованный, но легкомысленный и расточительный, он получил известность как большой любитель легкой литературы.

В 1641 году плеяду бесславных крымских владык пополнил Магомет-Гирей IV, отбывший на Родос через четыре года правления. Почувствовав слабость правящего рода, в борьбу за ханский престол включились представители побочной линии – бывшие пастухи Чобан-Гиреи. Их родоначальник Мустафа был внебрачным сыном одного из ханов и, до того как попасть во дворец, пас овец на окраинах Ак-Мечети. Ожесточенная борьба между Чобанами и полноценными Гиреями закончилась в пользу последних. Законный наследник Сефет-Гази-Гирей впервые за много лет оправдал высокий титул крымского хана. Сумев получить относительную самостоятельность, он не вступал в конфликт с Портой, а мудро

правил своим маленьким государством, успешно сражаясь с поляками и днепровским казачеством. После смерти Сефет-Гази, за неимением достойных кандидатов, в Бахчисарай призвали изгнанника Магомет-Гирея IV, вернув его на Родос спустя два года.

В 1666 году настал звездный час Чобан-Гиреев. Пять лет правления Аадиля-Гирея I из «пастушеского» рода прошли в непрерывном противоборстве с признанной аристократией ханства, традиционно увенчавшимся ссылкой. Через семь лет Аадиль встречал на родосском берегу развенчанного хана Селима, истинного Гирея и неплохого правителя, отправленного на остров за неудачную войну с Москвой.

Турчанка из ханского гарема. Рисунок из альбома польского короля Станислава Августа

Хан Мюрад-Гирей I исправил ошибку предшественника, позже потерпев поражение в сражении с немцами под Веной в 1683 году. Случайный проигрыш, однако, стал причиной обвинения в измене турецкому султану и отстранения от власти. Хан Хаджи-Гирей не выдержал борьбы с собственными сановниками и отбыл из Крыма в неизвестном направлении. Беспризорные татары попросили у Порты нового владыку, но получили старого – ссылочного Селима-Гирея I, продержавшегося на таврическом троне около семи лет.

Возвращенный с Родоса хан осознавал начавшееся ослабление своих покровителей и даже осмеливался напоминать о реальной угрозе, исходившей от России. После того как Селим добровольно отказался от власти, Крымом недолго правили его родственники: безвольный Сеадет-Гирей и корыстолюбивый извращенец Сафа-Гирей. Последний был свергнут... Селимом, который вновь вернулся в бахчисарайский дворец и оставался в его покоях до 1699 года. Антипатичный туркам и любимый своим народом Селим обрел власть силой во времена, когда Османская империя терпела неудачи в многочисленных войнах и была вынуждена уступать требованиям крымских татар.

В 1686–1700 годах Россия вела борьбу с Крымским ханством в рамках коалиции «Священная лига». Первый крымский поход осуществили русско-украинские войска, возглавляемые гетманом Иваном Самойловичем и фаворитом правительницы Софьи, князем Василием Голицыным. Позже к ним присоединились донские казаки атамана Минаева. Встреча с неприятелем произошла в долине реки Конские Воды. Более половины 100-тысячной русской армии составили полки так называемого нового строя. Однако военная мощь оказалась бессильной перед силой природы. Солдатам пришлось шагать по безлюдной, выжженной солнцем степи, пробираться через болота и солончаки, порой неделями не находя источников пресной воды. Будучи человеком образованным, Голицын тем не менее оказался плохим стратегом, не предусмотревшим специфики местности и в итоге не сумевшим решить вопросы снабжения войска водой и продовольствием.

Уходя все дальше в степи, люди и кони начали страдать от голода и жажды. В урочище Большой Лог русская армия попала в зону степных пожаров. Один из участников похода считал, что степи поджег гетман Самойлович, не видевший выгоды от поражения крымского хана. После преодоления многих верст по зною и копоту у ослабевшего войска не осталось сил на сражения: солдаты буквально валились с ног. Сильно рискуя своим положением при дворе, Голицын приказал возвращаться назад, понимая, что армия может погибнуть прежде, чем встретится с врагом.

Столь необходимый государству второй Крымский поход состоялся в 1689 году. По настоянию правительницы войска вновь возглавил Василий Голицын. Вопреки традиции 112-тысячная армия выступила уже в феврале, когда в степях не имелось недостатка воды, корма для лошадей и не случались пожары. Однако большая численность снизила скорость передвижения. Переход до Перекопа растянулся на три месяца, и к Тавриде войска подошли в самую знойную пору. Несмотря на жару и усталость от долгого пути, русские выиграли первое сражение, сумев вплотную подойти к перекопским укреплениям. Перед началом обещавшей успех операции Голицын отказался от штурма. Князь испугался не столько мощи противника, сколько крымской степи, показавшейся ему страшным безводным полем.

В отчаянии начатые переговоры лишь укрепили твердость татар и окончательно сломили русское войско, опять испытавшее муки голода и жажды. Ханская конница находилась на своей земле и не знала лишений, в отличие от армии Голицына. Кочевники могли спокойно ожидать момента, пока враг отправится восвояси, простояв у перекопских стен без пресной воды и фуража. Татары даже отказались от преследования, что спасло русских от полного разгрома.

Неудачная крымская кампания, безусловно, не повлияла на исход русско-крымской борьбы. Огромные вложения окупились ничтожными результатами – отвлечением крымской конницы от других театров военных действий. Защищая фаворита и свою власть, Софья представила оба похода как великие победы, каковыми реально они не являлись. Более того, злополучные походы вкупе с потерей укреплений на южных рубежах ускорили падение самой царевны. Многовековая борьба продолжилась Азовской операцией весной 1696 года, успех которой определило умелое командование Петра I, а также совместное участие армии и флота.

Пока Пётр Великий завоевывал Азовское море, в Бахчисарае шла нескончаемая борьба за власть. В 1699 году под напором турецкого султана стареющий Селим-хан снова отказался от престола в пользу своего сына Девлет-Гирея II. Внутренние беспорядки и неудачи в войне с русскими привели к свержению Девлета. Селим в четвертый раз возглавил Крымское ханство, но через год скончался, оставив государство в руках бездарных наследников. Времена правления Девлет-Гирея, Гази-Гирея, Каплан-Гирея и Магомет-Гирея отличались только лишь кровавыми междоусобицами.

Русские упорно продвигались на юг, уже имея определенную цель – захватить Крым, все еще находившийся под контролем Османской империи. Войска под командованием фельдмаршала Миниха взяли Азов, Очаков, Хотин, Яссы; неоднократно заходили на земли полуострова, чем обеспечили выход к Черному морю, одновременно положив конец

вражеским вылазкам.

С 1755 года на ханском престоле восседал жестокий владыка Алим-Гирей. Его преемник Шагин-Гирей пытался спасти положение объявлением независимости Крыма от Порты, но согласно мирному договору должен был уступить Керчь и турецкие крепости Еникале и Кинбурн (недалеко от Херсона). Не успев претворить планы в жизнь, предатель Шагин-хан был временно отстранен от власти своим братом Девлетом. Однако после Кючук-Кайнарджийского мира в 1744 году он вновь занял покои бахчисарайского дворца.

Шагину довелось стать последним крымским ханом. В соответствии с договором крымские и кубанские татары были признаны свободными от турецкого диктата. Быть может, благоприятный для народа, но крайне невыгодный для местной знати акт явился причиной очередных дворцовых конфликтов. Окружение ополчилось против хана, уже давно прославившего изменником. По совету русского командующего в феврале 1783 года Шагин подписал отречение от престола и навсегда покинул родину.

Спустя четыре года в Крым торжественно прибыла Екатерина II. Императрицу сопровождали австрийский император Иосиф II, французские и британские послы, а также представители других европейских стран. Пышно обставленное путешествие показало иностранцам военную мощь державы-победительницы, подкрепленную непобедимой армией и сильным Черноморским флотом. Кульминацией недельного пребывания на полуострове явилось посещение Бахчисарая и ночевка в ханском дворце, где для сановных гостей были устроены специально отделанные помещения. В память этого события у ворот дворца появилась «екатерининская миля», а покои, где остановилась императрица, навечно остались «екатерининскими комнатами».

Золотой Бахчисарай

Мусульманский город Бакчэ-Сарай (дворец в саду) возник на месте разрушенных античных колоний Бадатион и Палакион. Построенный как резиденция Гиреев, он сохранял неповторимый восточный колорит до середины прошлого века. Доподлинно неизвестно, когда татарская столица приняла первых владык, но это случилось после падения генуэзских цитаделей и захвата Крыма турками в 1475 году. Хан Менгли-Гирей много лет прожил в Чуфут-Кале и сошел в могилу, не дождавшись торжественного въезда во дворец.

Укутанный зеленью садов, скрытый в глубокой узкой ложине между отвесными стенами меловых гор, Бахчисарай стал удобным местом обитания осевших кочевников. Самобытный вид городу придавала восточная архитектура, прежде всего мечети с высокими минаретами и ханские мавзолеи, покрытые гладкими полукруглыми куполами. Не скрывавшие строений пирамидальные тополя отличали предгорные селения, подобно узким кривым улицам и домам с плоскими крышами. Старый город располагался у подножия отвесных скал, в месте, где ущелье расширяется и переходит в долину Чурук-Су («гнилая вода»).

Пересекавшая жилые кварталы, вяло текущая в топких берегах речка после обильного дождя превращалась в грозный поток. Тесное горное ущелье, зеленая полоса долины, бесконечные ряды бахчей, пирамидальные тополя, грязные воды, жалкая татарская деревушка с несколькими минаретами, а посередине – роскошный сад с укрывшимися в нем домами большой усадьбы. Именно такое впечатление производил Бахчисарай на первых европейских путешественников, во множестве прибывавших в Тавриду в надежде увидеть ожившую восточную сказку. Подобные чувства выражены в ранних стихах Анны Горенко, более известной под псевдонимом Ахматова. По семейному преданию, предки поэтессы по материнской линии восходили к ордынскому хану Ахмату, которого сумел победить Менгли-Гирей. Прекрасный край в ее поэмах является отражением детских воспоминаний о поездках по древним городам полуострова:

Вновь подарен мне дремотный

Наш последний звездный рай,
Город чистых водометов
Золотой Бахчисарай.

Благодаря сильно приукрашенным описаниям из так называемой литературы путешествий в цивилизованном обществе сформировался шаблон, согласно которому Крым представлялся средоточием древнего искусства и невиданной роскоши. Непрезентабельный вид городских улочек разбивал романтический ореол, часто сменявшийся разочарованием и даже насмешками. Впрочем это касалось только праздных путешественников. Для знатоков степная столица Крыма представляла большой интерес, касавшийся прежде всего оригинальной архитектуры и мастерства армянских камнерезов.

Вместе с исламом бывшие кочевники-татары частично позаимствовали арабскую культуру. Монументальные постройки Солхата повторяли образцы сельджукского зодчества. Правители старой столицы доверяли украшение фасадов и внутреннюю отделку армянским мастерам. Малоазиатские традиции сохранились в облике раннего Бахчисарая. Позже строительство велось под влиянием османского искусства. По замечанию исследователя ханского дворца В. Гернгросса, «после того как Менгли-Гирей признал господство турецкого султана, татарское искусство вообще и татарская архитектура в частности стали развиваться под сильным и почти исключительным стамбульским влиянием». Между тем турецкая культура не была свободна от чужеземных влияний, в единой мере отражая арабский стиль и мотивы итальянского Ренессанса.

Заботами первых Гиреев к XVII веку Бахчисарай превратился в процветающий город, признанный торгово-ремесленным центром горного Крыма. Крупное для того времени поселение располагало всем необходимым для удобного бытия. Более 6 тысяч жителей пользовались банями и водопроводом, насыщавшим чистой водой 150 колодцев. Достойный похвалы порядок водоснабжения отражал давние традиции бережного отношения к воде. Комплекс гидротехнических сооружений включал в себя подземный водовод из глиняных труб и систему оросительных каналов, столь необходимых для орошения пригородных садов.

Вода из горных источников поступала в водопровод, который содержался на общественные средства, и далее подводилась к фонтанам, баням, домам богатых горожан. Канализационные трубы уносили нечистоты в речку Чурук-Су, служившую сточной канавой и вполне оправдывавшую свое название. Однако «вонючая» вода вполне обеспечивала плодородие огородов, расположенных ниже по течению.

Самобытная архитектура жилых построек Бахчисаря

Ремесленные кварталы соседствовали со скоплениями мануфактурных лавок. Несколько караван-сараяв постоянно принимали иностранных торговцев. Базаров было так много, что они разделялись в соответствии с преобладавшим товаром, например хлебный, овощной или соляной.

Подробное описание города представлено в книге петербургского естествоиспытателя П. С. Палласа, в 1793 году совершившего путешествие по различным провинциям Российского государства: «Улицы Бахчисаря, расположенные уступами друг над другом, узкие, кривые и каменистые, чрезвычайно неопрятные, перемежаются садами, где ломбардские тополя, а также башенки каминных труб и многочисленных минаретов придают городу, состоящему из довольно убогих домов, приятный вид. Главная улица, что ведет в ханский дворец, с обеих сторон застроена деревянными лавками, примыкающими к домам. Она так узка, что две повозки едва могут разминуться, притом к этому неудобству следует добавить ужасную мостовую. По другим улицам могут продвигаться лишь пешеходы и всадники».

Татарка из Бахчисарая. Рисунок XVIII века

Подобно любому исламскому городу, Бахчисарай отличался обилием культовых построек. Из 32 мечетей красотой и величием выделялась Джула-Джуми, возведенная в 1737–1743 годах. Вместе с начальной мусульманской школой мектеб мечети составляли приходской квартал, к которому стягивались узкие улочки с рядами двухэтажных домов. Жилые постройки с плоскими крышами и нависающими верхними этажами выходили на улицу не фасадом, а глухой стеной, выступавшей в качестве забора. Сообщение с внешним миром происходило через низкую калитку, которая вела в небольшой внутренний двор. Подобная застройка характеризовала все города средневекового Крыма. С художественной точки зрения хаотично тесное расположение домов удивительно гармонировало с горным пейзажем. Казалось, сама природа живописно расположила дома на фоне нагромождения скал, словно желая соединить свое создание с творением человеческих рук. Строгие вертикали минаретов и пирамидальных тополей создавали экзотический вид, неоднократно воссозданный в поэтических строках:

Здесь – минарета тень,
Там – тень от кипариса,
Поодаль глыбы скал уселись под горой,
Как будто дьяволы сошлись на суд Эвлиса.

А. Мицкевич

В начале XIX столетия путешествие по мусульманскому Востоку не могло быть приятной прогулкой. Тем не менее русские и европейские аристократы охотно посещали Бахчисарай, невзирая на расходы и реальную опасность. Впрочем, трудности сообщали такому турне еще большую привлекательность. «Мы как будто перенеслись в турецкий город, с той лишь разницей, что имели возможность спокойно все рассмотреть, не страшась оскорблений, которым подвергают христиан в исламских краях», – отметил в дневнике французский посол де Сегюр, сопровождавший Екатерину II в знаменитой поездке по Крыму.

Жители цивилизованных стран устремлялись в Бахчисарай, привлеченные его восточным колоритом и отменными вещами, продававшимися на рынках. Местные обувщики, седельщики, оружейники, мастера по изготовлению медной посуды славились по всему Крыму. Ремесленники собрались в 32 цеховые корпорации, возглавляемые старостой и двумя его помощниками. Начальники следили за производством, закупали материалы,

регулировали цены, занимались подготовкой учеников и посвящением их в мастера.

Ритуал присвоения звания мастера проходил в торжественной обстановке, с соблюдением старинных традиций, различных для каждого ремесленного союза. Организация бахчисарайских цехов сложилась на основе дотатарской культуры, но во многом повторяла довольно развитый стамбульский строй. Кроме того, на формирование цеховых порядков оказали влияние генуэзцы, хотя и в малой степени.

Повседневная жизнь Бахчисарая почти не отличалась от существования средневекового европейского города. Характерные для горного края сдержанность и неторопливость как черты спокойного бытия, протекавшего в постоянных заботах, отражены в дневнике немецкого путешественника А. Гакстхаузена: «Мастера распределены по различным кварталам согласно ремеслу. Каждый сидит в своей лавке, открытой со стороны улицы, и занимается своим делом... Вместо окон по всему фасаду идут ставни, которые запираются на ночь и открываются утром, так что верхняя часть образует навес, а нижняя создает прилавок. Взгляд при этом проникает во внутренность дома, который напоминает небольшой театр: тут, например, видишь булочную, где несколько подмастерьев размешивают тесто, а сам булочник стоит перед плитой, где разведен огонь. Чуть далее видны десятка два домиков подряд, таких же театров в миниатюре, где роли распределены между мастером-портным, его помощниками и учениками. С другой стороны ряд домов, где живут ножевщики. Хозяин дома, стоя перед горном, кует железо быстрыми ударами: рядом с ним стоит складной стол, где разложены на продажу его изделия. Вы найдете здесь прекрасный выбор ножей и других инструментов из железа и стали» (1840-е).

Писатель А. С. Грибоедов выбирал длинную дорогу, когда хотел избавиться от душевной тоски. Путешествуя по Крыму, он оставил в путевых записках живой след романтического отношения к жизни, любознательности и начитанности по вопросам истории, археологии, искусства. «Ночью в Бахчисарае. Музыка, кофейня, журчание фонтанов, мечети, тополя», – записано в его дневнике 5 июля 1825 года.

Неповторимое очарование вечернего Бахчисарая отметил Паллас. Российский академик насчитал в городе 17 кофеен, где «кофе подавался без сахара и приготавливался из смолотых в тончайший порошок зерен». Со стороны улицы эти заведения имели крытую галерею, устроенную специально для спокойного отдыха постоянных гостей. Одну из таких кофеен посетил Гакстхаузен: «Посетители курят трубки, пьют кофе в глубокой тишине, царящей вокруг. Татарин, большой говорун на улице или в лавке, не открывает рта в кафе, куда он приходит, только чтобы отдохнуть, а не поболтать, как в Европе. Нередко в кафе заходят цыгане, чтобы поиграть на своих инструментах, а вечером всегда найдется человек, который будет развлекать общество, рассказывая сказки».

С началом Крымской войны 1853–1856 годов Бахчисарай оказался в непосредственной близости к театру военных действий. Бои проходили на окраинах, и город превратился в прифронтовую госпиталь. Палаты для раненых устраивали в покоях ханского дворца и кельях пещерных монастырей. Умиравших от ран солдат хоронили на местных кладбищах, располагая именные могилы рядом с надгробиями и мавзолеями владык. На месте братских захоронений защитников Севастополя была возведена каменная часовня. Памятником воссоединения с Россией служат дорожные «мили», установленные у ворот дворца и на въезде в село Новопавловка.

До начала строительства бахчисарайского дворца временная резиденция татарских ханов была устроена в Салачике близ Успенского скита, на участке, где долина образует особенно глухое ущелье. От старого дворца Ашлама не осталось никаких следов, но сохранилось дюрбе с резным входом, построенное для усопшего в 1501 году Хаджи-Гирея по приказу его сына Менгли. Спустя 14 лет сюда принесли останки самого хана Менгли-Гирея. Восьмигранная форма гробницы не противоречит крымским традициям, тогда как непривычно богатый декор портала заимствован из сельджукского зодчества. Стыки граней украшены резными колоннами; массивные столбы входа поддерживает сталактитовый полукупол. Такое же завершение имеют две боковые ниши.

В последний год правления Хаджи-Гирея жители Салачика могли отвести сыновей в Зинджирли-медресе. Возведением духовного училища закончилось соперничество бывшей и новой резиденций татарских правителей. В то время когда заброшенный ханами Солхат находился в глубоком упадке, вблизи строящегося Бахчисарая кипела жизнь. Расцвет любого средневекового города признавался по наличию в нем ученых домов, коим, несомненно, являлось местное медресе. Мусульманская школа получила название от священной цепи зинджир, которая подвешивалась над порталом и требовала преклонения головы от каждого входящего.

Здание медресе отделялось от мира высокой стеной. Ученики и наставники проходили через единственную дверь, попадая в прямоугольный двор с фонтанами. Небольшую площадь окружала галерея, разбитая арками на десять частей. Каждое отделение перекрывалось куполом и служило входом в крошечные комнаты, видимо, предназначенные для учеников. Несмотря на малые размеры, Зинджирли-медресе имело высокий статус, который поддерживался основательной подготовкой и соответствующим убранством помещений. Планировка комплекса выдержана в классическом восточном стиле. Даже при отсутствии украшений постройки не лишены красоты в силу безукоризненно правильных арочных конструкций и сводчатых перекрытий.

Интерьер здания во многом определялся внешним оформлением. По замыслу архитектора окруженный галереей замкнутый двор отрезал обитателей от бездуховного светского общества, одновременно соединяя с природой: из глухого колодца виднелись вершины гор и голубой небосвод.

Новый Бахчисарай

Современный Бахчисарай, особенно его новые районы, мало напоминает старинный таврический город. В послевоенные годы он застроился домами провинциально-европейского характера, нарушившими своеобразный восточный колорит старой столицы Крыма. Почти не осталось двухэтажных особняков с глухими стенами и балкончиками, исчезли высокие каменные ограды. Средневековый стиль сохранился только в планировке, точнее в улицах, устроенных с учетом горного рельефа. Внимательно рассмотрев дома в предместье Салачик, специалист сможет заметить черты былой застройки, выраженные в строениях, окружающих уютный внутренний дворик. Загородные поселки, подобные Салачику (Староселье) или Эски-Юрту (Азис), являются предшественниками резиденции Гиреев. Благодаря отдаленности от центральной части города здесь еще сохранились не только старинные здания, но и целые улицы. Ощутимое на каждом шагу своеобразие, связь

времен и красота здешних мест выражены в стихах местного поэта Бориса Сермана:

...Здесь над садами новостроек зданья
Встают, как будущего очертанья,
И слиты с этой новью городской
Дворец, хранящий старые преданья,
Фонтан, воспетый пушкинской строкой.

Бахчисарай сегодня – место архитектурных контрастов. Древние мавзолеи жмутся к земле, зрительно придавленные громадами высотных домов. В юго-восточной части города сохранились следы палеолитической стоянки. Татарские жилища с подпорными стенами, витыми лестницами и балконами соседствуют с украинскими мазанками, проникшими сюда в конце XIX века. В последнюю треть прошлого столетия в городе построены десятки общественных зданий в типовой советской манере: Дома культуры, школы, клубы, поликлиники, торговые центры, предприятия службы быта. Большая часть жителей трудится на крупных промышленных предприятиях – таких, как комбинат «Стройиндустрия», эфиромасличный завод.

На территории одного из окрестных поселков, среди седых древностей разместилось современное учреждение – Крымская астрофизическая обсерватория. Научный центр мирового значения возник в 1952 году и с тех пор занимается изучением природы солнечных явлений. В настоящее время все памятники истории этого края находятся под наблюдением сотрудников Бахчисарайского историко-архитектурного музея.

Ханский дворец

В литературе и заметках романтических путешественников дворец в Бахчисарае предстает чудом восточного искусства. Превознесенный в стихах и прозе, он привлекает «безмолвными переходами», садами и «пустыми покоями», но более всего воображаемой роскошью, часто сравниваемой с богатством мавританских правителей в Испании. Реальные виды обоих комплексов, как правило, вызывают чувство неудовлетворенности не только у любителей романтических легенд, но и у серьезных исследователей.

Таинственная Альгамбра вблизи оказывается почти театральным сооружением с миниатюрными башенками, арабесками и тесными, излишне разукрашенными комнатами. Бывшая резиденция крымских ханов, благодаря безвкусной размалевке, лишилась былой красоты и, подобно многим неумело отреставрированным памятникам, способна разочаровать неподготовленного посетителя.

Жилище недавних кочевников в принципе не могло отличаться монументальностью и утонченно декоративной отделкой, присущей дворцам восточных владык. Ничтожные остатки прошлого сегодня укрыты зеленью поистине роскошного южного сада. Заслонив убогие руины, высохшие бассейны, склепы и безымянные надгробия, вековые деревья скрашивают действительность, в определенной мере скрывая ошибки реставраторов. Множество помещений достраивалось в течение двух столетий разными мастерами. Воплотив в себе различные архитектурные стили, хан-сарай образно представляет искусство Малой Азии, Турции, Италии, Украины и России. Удивительный факт, но история восстановления ханского дворца, быть может, более полна и увлекательна, чем история самого здания. Гиреи не позаботились о содержании летописцев, не вели дневников, и многое из того, что происходило за стенами дворца, осталось тайной.

Величественные ворота

История Бахчисарая началась со строительства ханского дворца, возведенного под неусыпным взором Сахиб-Гирея в 1519 году. Раскинувшийся на четырех гектарах,

утопавший в «райских» садах комплекс дал название городу, став средоточием культурной и политической жизни Крыма в эпоху правления татарских владык.

С главной улицы города во дворец ведет каменный мост, переброшенный через речку с облицованными берегами. Сразу за мостом возникают широкие ворота и ярко расписанная башня с цветными стеклами, появившаяся после одной из царских реставраций. Ее установили на месте снесенных надвратных помещений, характерных для каждого крымского укрепления средневековой эпохи.

Входные ворота открывали путь в большой, ранее проездной двор. Построенные по татарскому обычаю на бутовом фундаменте с саманным фронтоном, они свидетельствовали о царственных обитателях узором в замке свода: герб с изображением двух змей, поверх которого позже были нарисованы розы и щитки. Слева от ворот, вдоль главного фасада на улицу выходили низкие лавки, где в старину продавались товары из ханского хозяйства. В 1820-х годах на их месте выстроили флигель «для господ вояжеров».

Ф. Гросс. «Ханский дворец в Бахчисарае». Литография, фрагмент, 1830-е

Помещения гарема отделялись низкой оградой с монументальной железной дверью, считавшейся самым ранним сооружением, о котором сохранились достоверные сведения. Богато декорированный портал с полукруглым фронтоном обрамлял дубовую дверь, обитую полосами кованого металла. Великолепный вход создал знаменитый итальянский мастер Альвизе Нови, подписавший свои крымские произведения именем Алевиз. Зодчий прибыл в Крым с русским посольством и был задержан Менгли-Гиреем, оставаясь в плену до окончания сооружения портала. Спустя год послы вместе с мастером смогли вернуться в Москву, где архитектор занялся возведением Архангельского собора под именем Фрязин Новый.

Обрамление портала выполнено из мрамора и покрыто изящной резьбой в духе зрелого Ренессанса. Художественный вкус автора выражен в разнообразии орнамента, органично связавшего итальянские, арабские и татарские мотивы. Античные вазы с растениями, аканты на капителях, яйцеобразные ионик и зубцы не противоречили персидским цветочным коврам в тимпане или разводам с маргаритками. Оригинальный татарский вкус воплотился в полосках тюльпанов. Даже в Италии эти ворота могли посчитаться достойным музея памятником, а для Крыма они были драгоценностью. Согласно надписи, величественный портал исполнен в 1503 году «по велению Султана двух материков и Хакана двух морей, султана, сына султана Менгли-Гирей-хана, сына Хаджи-Гирей-хана. Владелец дворца и повелитель сей страны, султан всемилостивый Менгли-Гирей-хан, сын Хаджи-Гирей-хана, да помилует Бог его и семейство его в обоих мирах».

Существует предположение, что железные двери перенесены из старого дворца Ашлама-Дере в Салачик и установлены на входе в гарем после смерти Менгли-Гирея. Со временем старинные ворота вросли в землю, пострадав меньше, чем от рук неумелых реставраторов, которые изуродовали мраморную резьбу грубой размалевкой. Под слоями яркой краски скрылся нежно-зеленый цвет фона и красный тон орнамента.

Большая и Малая мечети

В стилевом разнообразии бахчисарайского сераля трудно выделить основное здание. Застройка велась в течение долгого времени, при отсутствии плана. Множество сооружений разного назначения возводилось по мере надобности. По восточной традиции организующим центром места обитания правителя являлся двор, от которого, собственно, произошло слово «дворец» (от франц. *serail*, от тур. *saray*). Центральная площадь изначально не отяжелелась мощением, а лишь регулярно посыпалась свежим речным песком. Во времена Гиреев здесь происходили важные государственные события: перед походом собирался авангард войска, встречались послы, объявлялись решения о казни или помиловании.

Хаотично застроенный двор окружали постройки, необходимые для достойного существования на земле и небесах: Большая мечеть Хан-Джами с боковой галереей, конюшни, приемные залы, спальные покои, миниатюрные дворики с фонтанами, гарем и кладбище, почти сливавшееся с садом. Во времена Гиреев при дворцовой мечети действовало отделение медресе. Главное здание мусульманской школы, готовящей учителей и служителей культа, располагалось в Салачике, где сохранилось поныне, но лишь в виде развалин.

Вытянутое с севера на юг каменное здание мечети покрыто четырехскатной черепичной крышей. В его массивной прямоугольной форме заметны черты стамбульской архитектуры. Надпись над главным входом гласит, что мечеть построена по указу Селямет-Гирея в 1740 году. Однако общая композиция соответствует раннесредневековому типу базилики: просторное трехнефное помещение внутри и галерея со стрельчатыми арками снаружи. Вместе с тем Мартин Браневский побывал в Бахчисарае еще в 1578 году и видел «гробницы ханов, переделанные из развалин христианских, и каменную мечеть». Видимо, полтора столетия спустя здание было перестроено, причем в стамбульской манере. Восточный колорит выражен в затейливом орнаменте резьбы и витых оконных решетках. Простенки между окнами украшены вставками из зеленой майолики. В арабский узор плиток мастерски вписана вязь строк из Корана.

На западной стене мечети увековечено имя мастера, исполнявшего резьбу и росписи: «главный придворный живописец Омер». Богатый декор отличал деревянные аркады наружной лестницы и несколько комнат. Одна из них, устланная коврами укромная «ложа» с фаянсовой облицовкой и красочной росписью, предназначалась только для хана.

Стройные минареты по бокам мечети сложены из гладко отесанных каменных блоков, скрепленных с помощью свинца. Тонкие десятигранные башни опоясаны резными балкончиками с характерной розеткой на каждой грани. Заостренные покрытия минаретов увенчаны мусульманскими символами «трех миров», которые напоминают бусины, нанизанные на «мировую ось» с узким серпом луны. Внутреннее пространство каждой башни занимали винтовые лестницы, по которым поднимались муэдзины, для того чтобы заунывным пением призвать горожан к молитве.

Дважды отстроенная Малая дворцовая мечеть не отличалась особым удобством и богатством декора. Древнее строение сгорело в 1736 году. Спустя несколько лет на месте старого храма возникла новая мечеть, построенная по приказу Селим-Гирея. Имя хана и дата окончания строительства высечены над входом, оформленным каменной аркой с татарским орнаментом. В южной стене находилась молитвенная ниша михраб, традиционно повернутая к Мекке, но необычно украшенная сталактитами.

Большая часть мрачного, ориентированного с востока на запад здания перекрывалась куполом. В качестве опоры перекрытия выступала верхняя часть – массивный восьмигранный барабан с арками и парусами. В средневековой архитектуре парусами (пандативами) назывались элементы, которые обеспечивали переход от квадратного купольного пространства к окружности. Для этой цели по сторонам квадрата располагались арки, а промежутки между ними и куполом заполнялись парусами.

В настоящее время на первом этаже мечети Хан-Джами устроен музей-лапидарий с

выставкой голограмм. Его экспозицию составляют ящики тавров, кромлехи, надгробные плиты и антропоморфные мегалиты, признанные древнейшими изображениями человека в скульптуре. Искусная гравировка, самобытная форма и символика этих памятников позволили отнести их к V–IV тысячелетиям до н. э. Большинство экспонатов были обнаружены сотрудниками музея при исследовании курганов вблизи Бахчисарая.

Дворец-сад

Мусульманское зодчество оставило потомкам многочисленные образцы монументального величия. Продуманная красота, правильная строгость форм особенно отчетливо выразились в сооружениях религиозного характера. В отличие от мечетей, медресе или мавзолеев жилые постройки, в том числе дворцы, отражали свободную фантазию архитектора. Следуя местным обычаям, автор обнаруживал собственный вкус, впрочем, не слишком отступая от признанного стиля.

С давних времен жилище восточного правителя строилось по типу дворовой композиции, основным элементом которой являлась обширная площадь и сад с клумбами и фонтанами. Растительный мотив стал характерной чертой старинной азиатской архитектуры, стремившейся к утверждению сада в качестве самого прекрасного места в подлунном мире. «Райские» сады немыслимы без источников, и во дворцах земных наместников устраивалось их подобие – прекрасные фонтаны. Вместе с духовной значимостью бьющие вверх струи воды имели вполне утилитарное значение. Они давали прохладу, наполняли влагой сухой воздух, а в комплексе с беседками служили прекрасным местом отдыха в знойный день.

Собственно дворец расположен на правой стороне двора. По местоположению и внешней отделке он близок к арабскому типу, отличавшему все турецкие серали. При возведении царских покоев татарские строители пользовались стамбульской методикой, оставляя оригинальные приемы для отдельных частей. Местным своеобразием отмечены большие «открытые сени» слева от входа, упомянутые в «Записках о России» прусского мемуариста Кристофа Германа Манштейна. Он единственный, кому посчастливилось увидеть их интерьер в первоизданном виде: «Вдоль стен с трех сторон, для удобства прислуги, расставлены низенькие широкие лавки». После ремонта 1820-х годов сени были закрыты стеклянной перегородкой, что сильно исказило восточный стиль комплекса.

Облегченная, так называемая киосковая архитектура построек бахчисарайского дворца не случайна и не всегда отражает их временный характер. Стены павильонов выполнены по методу фахверк, то есть из деревянного брусчатого каркаса, состоящего из стоек, раскосов и обвязок, с заполнением мелким камнем и глиной. Вместе с обилием окон и комнатным фонтаном целью таких перегородок ставилась не защита, а условное единение с природой или создание иллюзии пребывания в саду.

Картина непривычно легких сооружений, лишенных даже намека на регулярность, для европейца означала отсутствие художественного вкуса. Не находя в зданиях хан-сарая привычной основательности, иностранцы не желали признавать местные традиции и не замечали прелести ажурных балкончиков, нависающих крыш, почти невесомых деревянных аркад. Оттого дворец сильно пострадал при реставрациях. Мелочью, недостойной сохранения, считались даже резные орнаменты и великолепные цветные стекла в ханских покоях.

Идея дворца-сада находила понимание среди литераторов и совершенно не воспринималась царскими чиновниками. Вполне осознавая нелепость ожиданий, северный житель даже в знойном Крыму хотел видеть в доме защиту от капризов погоды. Подобные чувства вызвал дворец у французского посла де Сегюра, подробно описавшего интерьер летней беседки: «В комнатах единственной мебелью был широкий удобный диван, шедший вокруг стен. Середина комнаты полностью занята большим квадратным бассейном из белого мрамора, в центре которого из трубок били струи свежей воды. Слабый свет освещал комнату, так как стекла окон были покрыты живописью, но и когда их открывали, солнце

едва пробивалось сквозь ветви бесчисленных лавровых, жасминовых, гранатовых и апельсиновых деревьев. Растения заменяли жалюзи, обволакивая окна своей листвой».

Ханские архитекторы, возможно, избрали примером для подражания Топкапи – стамбульскую резиденцию султана Мехмета II. Ее строительство началось в 1453 году, тотчас после завоевания турецкой столицы. Дворцовый комплекс включал в себя множество одно– и двухэтажных зданий, киосков, хозяйственных построек, соединенных между собой аркадами. Здания объединялись вокруг четырех дворов, по восточному обычаю украшенных цветами и фонтанами. Будучи «цивилизованными завоевателями», турки-османы заимствовали у покоренных народов не только материальные, но и духовные ценности. После захвата византийских крепостей традиционные сельджукские и малоазийские методы в зодчестве пополнились европейскими приемами. Таким образом, сначала в стамбульских, затем в крымских дворцах возникли элементы Ренессанса и раннего барокко. В частности, новое османское искусство составило основу декорирования большей части построек бахчисарайского дворца.

Судя по археологическим находкам, Крымское ханство было подготовлено к усвоению мусульманской культуры. В могильниках вблизи Симферополя, Бердянска, Мариуполя и Ставрополя находили множество золотых предметов с исламской символикой: бляшки от ременных поясов, выполненные в восточной технике филигранные уборы, нагрудные амулеты-коробочки с текстами из Корана. Строки из священной книги были написаны на тонких золотых листах и украшены арабесками. Эти вещи привозились с арабского Востока или изготавливались на месте по чужеземным образцам.

Связанные с Турцией вассальными обязательствами, крымские ханы часто бывали в Стамбуле и могли оценить роскошь, окружавшую османского владыку. Гирей называли себя потомками Чингисхана, считая свое положение не ниже султанского, и также стремились к демонстрации величия. Вместе с мастерами из турецкой столицы на полуостров вывозились материалы, проекты, методики: «Порта прислала строевой материал, архитекторов и красильщиков» (Ф. Брун). Сходство бахчисарайского сераля и Топкапи заметили спутники Екатерины II, с гордостью доложившие государыне, что «ханский дворец построен по образцу Константинопольского, хотя и в меньших масштабах».

Если в Европе легкие постройки имели преходящий характер, то на Востоке такие сооружения являлись частью культуры. Непрочный, с пестрой отделкой и крайне упрощенным внутренним убранством бахчисарайский дворец тем не менее заключал в себе все необходимое для жизни правителя. Безвкусное, с точки зрения европейца, смешение стилей во многом объяснялось частой сменой владельцев, старавшихся изменить или дополнить свое жилище тотчас по восшествии на трон. Придавая большое значение парадной и религиозной сторонам бытия, ханы не забывали о собственном благополучии. Оттого в самой идее дворца доминировала отнюдь не парадность. Блаженная мечта о дреме в райском саду определяла атмосферу покоев, своей замкнутостью и обилием мягких предметов похожих на роскошные шкатулки. Пребывание в садовых беседках с причудливым узором цветных стекол олицетворяло волшебные миражи. Фантастическое представление поддерживали журчащие фонтаны, сияющий шелк диванных подушек, росписи с изображением чаш, наполненных цветами и фруктами.

Стихийно разраставшийся комплекс построек несколько не уменьшил площади, занятой растениями. Большой сад – второй по значимости компонент ансамбля ханского дворца. Вместе с цветниками и миниатюрными внутренними садиками он воспроизводил идею Топкапи и Альгамбры, где ажурные павильоны сгруппированы вокруг небольших дворов с бассейнами и фонтанами.

С 1532 года на территории дворца действовала баня Сары-Гюзель – одно из самых ранних сооружений города, ставшая местом отдыха, встреч, дружеских бесед и серьезных переговоров. Типично восточный обычай сочетать омовение с общением, вместе с устройством купален также заимствован из турецкой культуры. Ханские бани размещались в каменном здании правильной квадратной формы. В его купольном своде имелись отверстия

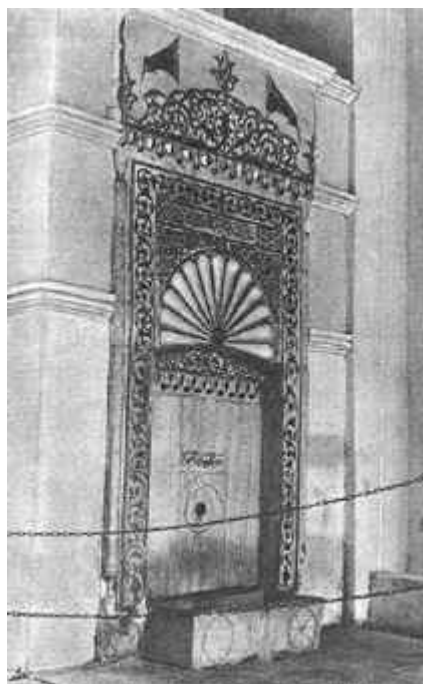
в виде звезд и полумесяцев. Посетители женского и мужского отделений входили через отдельные крытые дворики с фонтанами. Система водоснабжения предусматривала бесперебойную подачу воды по свинцовым трубам. Обогрев осуществлялся посредством сложных устройств, расположенных под полом здания. В отличие от остальных дворцовых построек бани Сары-Гюзель выдержали испытание временем. После бегства Шагин-Гирея они перешли в ведение городского управления и в своем первоначальном качестве функционировали до 1934 года.

Фонтаны слез и торжества

Пройдя влево от портала Алевиза, посетитель попадал внутрь полутемного, перекрытого балками помещения с деревянной лестницей, ведущей в верхние покои. После учреждения дворца в качестве музея это место получило название Фонтанный дворик благодаря двум сооружениям, в разное время установленным по углам комнаты. Величественный Золотой фонтан Магзуб создан по воле Каплан-Гирея в 1733 году. Его лицевая плита выполнена из мрамора и украшена резным растительным узором в стиле позднего Возрождения. Арабская вязь верхней и нижней надписей поэтически представляет имя заказчика – Каплан-лев – и прообраз, выраженный в строках из Корана: «И напоил их, райских юношей, господь напитком чистым».

Второй источник облек в мрамор скульптор Омер. Согласно надписи, «лицо Бахчисарая опять улыбнулось; милость великого Крым-Гирея славно устроила! Неусыпными его стараниями вода напоила эту страну, а при помощи Божией он успел бы сделать и более. Он тонкостью ума нашел воду и устроил прекрасный Сельсебийль». В священной книге мусульман так именуется райский источник, дающий воду душам погибших за ислам. Совершенство работы мастера Омера подчеркнуто оборванной строкой: «Кто хочет поверить, пусть придет. Мы сами видели Сирию и Багдад. О шейхи! Кто будет утолять жажду, тому Коран языком своим скажет: „Приди в 1176 год гиджры, пей воду чистую, она приносит исцеление“». В современном летоисчислении указанная на памятнике дата относится к 1756 году.

Долгое время фонтаны бездействовали вследствие засорения водопровода и неправильного расположения. Однако именно по причине недостатка воды один из них наполнился новым содержанием: «Журчит во мраморе вода и каплет хладными слезами, не умолкая никогда». Из скорбного кладбищенского монумента источник превратился в Фонтан слез, пленявший воображение великих русских литераторов А. Пушкина, В. Жуковского, А. Грибоедова.

Золотой фонтан

По древней традиции исламские художники не имели права показывать людей и все живые объекты, кроме растений. Ограниченные культовой условностью, они использовали язык символов и немало в этом преуспели. В арабской цифровой символике число «пять» идентично человеку. Резьба верхней части ниши выполнена в виде цветка лотоса с пятью лепестками, олицетворявшими человеческое лицо. Украшенная затейливым орнаментом центральная плита «плачущего» фонтана дополнялась тремя вертикальными рядами чаш. В центре цветка скрывалась трубка, из которой медленно, по капле, стекала вода, сначала попадая в мелкие боковые, а затем в большие чаши среднего ряда. Идея раздвоения потока с последующим его соединением повторялась трижды, заканчиваясь у подножия изображением похожей на спираль улитки – символа продолжения жизни.

Установленные в «темных сенях», изуродованные аляповатой раскраской, в начале прошлого века эти сооружения, казалось, были обречены на бездействие. Исследователи недоумевали: почему прекрасные мраморные фонтаны размещались в крайне неприглядном, хотя и уединенном углу? Крым-Гирей характеризовали как твердого и свирепого владыку, едва ли способного поддаться романтической меланхолии. После длительных расследований выяснилось, что резная плита Фонтана слез находилась в мавзолее «прекрасной княжны Диляры-Бикеч» и появилась во дворце уже при Екатерине. Его изначальное пребывание на кладбище подтверждают легенды, сложенные после таинственной смерти никем не виданной пленницы хана.

Старожилы помнили, насколько «свиреп и грозен был Крым-Гирей, пришедший к трону через горы трупов. Он не щадил врагов и не жалел друзей, но его сила уступала жестокости. Когда он совершал набеги, земля горела и от домов оставался лишь пепел. Жалобы и слезы не трогали его варварское сердце, радуясь тому, что люди его боятся. Власть заменяла ему любовь, ласку и даже деньги, которые он любил гораздо меньше, чем власть. Однако любой человек обладает сердцем, даже каменным, какое было у Крым-Гирей. В конце жизни хан постарел и ослаб, но его сердце впервые забило при виде новой невольницы, невысокой, стройной Диляры. Юная красавица не могла ответить взаимностью такому страшному человеку и постепенно зачахла в неволе, подобно лишенному солнца цветку. После смерти любимой владыка вызвал к себе иранского скульптора Омера и повелел ему „сделать так, чтобы камень через века пронес горе, чтобы камень заплакал, как плачет мужское сердце“.

Мастер вырезал на мраморной плите лепестки цветка, в середине его высек

человеческий глаз и выпустил из него тяжелую мужскую слезу, упорно выжигавшую камень. По мысли Омера, набегая, слеза медленно скатывалась из одной чашечки в другую. И еще он вырезал улитку как символ сомнения, зная, что сомнение гложет душу хана: зачем такая жизнь, зачем веселье и грусть, любовь и ненависть, зачем человеческие чувства, если рядом нет любимой. Плачущий фонтан до сих пор стоит во дворце, напоминая о вечной любви и великом горе от расставания с ней.

В пору Гиреев мрачная комната была открытым внутренним двориком, соединявшим главную площадь с парадными залами дворца. Часть двора со стороны мечети прикрывалась навесом на столбах. Таким образом, более ранний Золотой фонтан мог быть обычным источником при храме. Подобное устройство характеризует мавританские дворцы в Испании, где мечеть отделялась от жилых покоев двориком с фонтаном. Оттого близлежащий киоск в годы существования музея получил наименование Альгамбра.

Первоначальный смысл нарушила невежественная европейская переделка. К приезду матушки Екатерины реставраторы преступили через местные традиции и постарались устроить единое внутреннее пространство. Повторяя устройство русских жилищ без отдельных палат и теремов, уютный дворик прикрыли, соорудили «безобразную лестницу», сильно изменив лучшую часть дворца. В 1787 году в дополнение к Золотому Магзубу с кладбища перенесли плачущий фонтан, окончательно исказив памятники и окружающую их обстановку.

Не отраженная в документах личность Диляры-Бикеч осталась загадкой истории. В различных источниках безвременно погибшая наложница Крым-хана фигурировала как грузинка, гречанка, полька. При расхождении сведений юная пленница всегда называлась христианкой, отвергавшей любовь старого владыки и погубленной ревностью одной из обитательниц гарема.

Таинственная грузинка нашла упокоение в особом дюрбе за садом, что наводило на мысль о ее принадлежности к христианству. Единственной иноверкой во дворце могла быть польская дворянка Мария Потоцкая, похищенная во время войны с Польшей и названная восточным именем Диляры-Бикеч. Пушкин узнал о судьбе девушки со слов Софьи Киселёвой из рода Потоцких. Заняв место любимой жены Крым-Гирея, она вызвала зависть отвергнутой соперницы Заремы и погибла от ее руки.

Легенда о Марии Потоцкой сложилась в силу местных обстоятельств, но утвердилась благодаря стихам Адама Мицкевича. Поэт посетил Крым в качестве политического ссыльного, наказанного за участие в тайном политическом союзе польской молодежи. Потрясенный историческим богатством и красотой здешних мест, он выразил впечатления в превосходном цикле «Крымских сонетов», в которых четыре части посвящены столице кочевников: «Бахчисарай», «Бахчисарай ночью», «Гробница Потоцкой», «Дорога над пропастью в Чуфут-Кале». Он единственный не сетовал на неприглядное состояние фонтана и лирически воспринял его «плачевный» облик:

Не молкнет лишь фонтан в печальном запустенье, —
Фонтан гаремных жен, свидетель лучших лет,
Он тихо слезы льет, оплакивая тленья...

Романтичный взгляд поэтов, совсем ненамного преувеличивших художественную ценность дворца, вдохнул в погибавшее сооружение новую жизнь. Столь невзрачный в реальности, в стихах он изображался обителем загадочных образов и человеческих страстей. Преподнесенный «живым родником», фонтан Диляры-Бикеч виделся источником бытия в отношении любой культурной традиции. Более того, гением стихотворцев он преобразился в своеобразный гимн Омеру, понятно и тонко выразившему тему вечной любви.

Зал Дивана

Фонтанный дворик сообщался с главным и самым просторным помещением дворца, где некогда проходили заседания Дивана – высшего органа управления государством. В большом парадном зале с мраморным полом, резным деревянным потолком и окнами в двух уровнях обсуждались важные вопросы, относившиеся только к светской жизни. Отрекомендованная как «приемная зала старого дворца», эта комната подробно описана в отчете адъютанта фельдмаршала Миниха: «Потолок расписан голубым цветом с золотом, со столярными мозаическими украшениями. Зала делится на две половины: правая представляет альковы и на одну ступень выше против левой половины; во всю ширину залы, на 4 фута выше ее пола, идет открытая галерея шириной в сажень. Она устроена для удобства татарских вельмож в дни Байрама. Стены залы вместо ковров выложены разноцветным фаянсом; сама зала освещается окнами в два ряда; в верхнем ряду стекла разноцветные».

Увидев обыкновенную арабскую залу с альковами, адъютант Миниха не сразу заподозрил в ней официальное помещение для приемов, в котором для предводителя кочевников и его свиты отводилось особо почетное место на возвышении. После реставрации зал лишился прежнего убранства, но сохранил старинную отделку. От многочисленных переделок не пострадал центр потолка с наборным деревянным узором, остальную его поверхность обтянули раскрашенным холстом. Одновременно с потолком были созданы уникальные цветные витражи верхних окон.

Вход в узкое помещение канцелярии прикрывала дверь, судя по надписи, изготовленная в 1742 году. Полутемная ложа наверху предназначалась для ханских жен. Рядом с приемным залом находилась Летняя беседка – красивый киоск на столбах, с низкими диванами и бассейном посередине. Ее изначальное убранство напоминало интерьер открытого павильона во дворе мечети Оммазав в Дамаске. По мнению первых исследователей, киоск «обезображен устроенной внизу, промеж столбов, фахверковой подклетью, которую местные нелепо именуют ханской сокровищницей». По аналогии с сирийским дворцом в нижней части Летней беседки хан-сарая, возможно, хранились священные книги и рукописи, которые имелись в виду при упоминании о сокровищах. Вначале открытую беседку окружали только колонны с арками, но позже ее незначительно перестроил Омер. Российские реставраторы установили пресловутые фахверковые щиты с цветными стеклами, поставили диваны, укрыв мебель восточными коврами и подушками.

Гарем

На Востоке гаремный сад являлся своеобразным царством красивых женщин, пышной растительности, торжества солнца, цветов и чистой воды. «Посреди личных покоев хана, – записал Паллас, – виден прелестный сад роз, окруженный стеною, фонтан ниспадает каскадами в мраморный бассейн». Сад вблизи женских покоев отделялся от Большого двора низкой расписной оградой. В одном из его глухих уголков находился бассейн, по преданию ставший местом казни Заремы. Старожилы уверяли, что именно здесь утопили ревнивую наложницу, хотя мелкий водоем нисколько не напоминал описанную Пушкиным «пучину вод».

Каскадный фонтан в Бассейном садике

Бассейн заполнялся из каскадного фонтана, представлявшего собой резную мраморную доску, примыкавшую к увитой розами стене. Гаремный источник формой напоминал фонтан Диляры-Бикеч, но вместо трех рядов чаш здесь их было четыре. Вода струилась по желобу, поочередно попадая в два бассейна. Края мраморного углубления украшали изображения резвящихся рыб. Очаровательный Бассейный садик упоминался во многих литературных произведениях. Однако его изначальный вид засвидетельствован только в сочинениях французского путешественника Франсиса де Кастельно: сплошь увитая виноградом галерея с балюстрадой, окаймляющие сад клумбы и рыбки в бассейнах.

Идея «плачущего источника» неоднократно воспроизводилась российскими ваятелями. Серия вариаций имела место в дворцовых комплексах Крыма. В частности, гениальную мысль Омера позаимствовал английский архитектор В. Гунт, руководивший работами по созданию алушкинской усадьбы губернатора Новороссии М. С. Воронцова. Трагическое содержание вложено в скульптуру из Эрмитажа, объединившую в единую группу 4 одинаковых фонтана из красного мрамора с белыми чашами-раковинами. Живописную композицию изготовили петербургские мастера по эскизам Гунта.

Уничтоженный русскими гарем заменила длинная деревянная галерея в старой постройке, переделанная до неузнаваемости, подобно многим помещениям дворца. Однако чудом уцелели крыльцо и наличник от древней двери с истинно татарским резным узором в виде фигурных прорезей, ваз, растений и плодов.

Соколиная башня

В переводе с арабского «харам» означает «запретное». Именно такими являлись женские помещения в каждом мусульманском доме. В былые времена ханские жены располагались в 73 комнатах, куда не заходил никто, кроме повелителя, его малолетних сыновей и евнухов. Большинство обитательниц гарема составляли черкесские и грузинские пленницы, не имевшие влияния даже на собственных детей.

Дочерей хана выдавали замуж за знатных беев, сыновей ожидал крымский трон, а их матери всю жизнь томились в «золотых клетках».

Для гаремной женщины мир ограничивался забором двора, покинуть который она могла только после смерти. Удручающий образ неволи создавала архитектура «женского дома» с верандой, покрытой густой сетью деревянных резных решеток. Любопытные взоры не могли проникнуть в крошечные окна, расположенные высоко под потолком и также забранные в ажурные решетки.

Некоторой свободой отличалась единственная комната в доме, судя по отсутствию заграждения на окне, принадлежавшая евнуху. В греческом языке слово eunuchos означает «блюститель ложа» – скопец, наблюдающий за порядком в гареме. Окна его комнаты были украшены красивым витражом из цветного стекла, воспроизводящим очертания кипарисов.

Расположенная поблизости Соколиная башня служила местом содержания охотничьих птиц. Возведенная вместе с первыми постройками дворца, она стояла на кубическом каменном основании и представляла собой обшитый досками шестигранник. Деревянный каркас башни переходил в решетку, завершающуюся шатровой крышей. Широкая лестница плавно огибала все грани и выходила на смотровую площадку, откуда открывался восхитительный вид. Сюда разрешалось приходить ханским женам, чтобы полюбоваться пейзажем Бахчисарая или понаблюдать за событиями, происходившими в Большом дворе.

Старые гробницы

В начале прошлого столетия ханское кладбище привлекало первобытной красотой полуразрушенных надгробий, которых, к счастью, не коснулись руки екатерининских реставраторов. Его унылый вид завораживал каждого, кто осмеливался войти в таинственный мир усопших Гиреев. К закату Крымского ханства на территории дворцового некрополя находилось около 150 могил с царственным прахом. Оглушенные жутковатым

безмолвием, литераторы вдохновлялись на создание трагических поэм. Свободные от романтики ученые, напротив, находили кладбище самым занимательным местом комплекса. Наибольший интерес, безусловно, представляли мраморные надгробия с надписями и резным орнаментом. Выполненные из камня и мрамора памятники намеренно чередовались с кипарисами – непременными обитателями любого мусульманского кладбища. Судя по датам ранних погребений, Гирей не спешили на встречу с Аллахом или не хотели покоиться вблизи недостроенного дворца. Самая древняя царская могила относится к 1592 году, то есть кладбище начало заселяться владыками почти через столетие после основания Бахчисарая.

Орнаменты некоторых надгробий воспроизводят идею фонтанов, но чаще всего встречаются розетки, плетенки и стилизованный кипарис. Мотив итальянского Возрождения сплетается с арабской вязью, элементами персидского и турецкого стилей, в отдельных памятниках соединяясь с завитками рококо. Причудливая раковина рокайль вместе с чалмой и воинскими атрибутами украшает надгробие Крым-Гирея. В кочевой культуре принадлежность к мужскому полу не отделяется от воинственности, оттого изображения головного убора и доспехов помещались на каждом мужском памятнике. Изящно декорированные женские могилы украшены рисунками с очертанием колпака.

На территории дворцового кладбища захоронены 16 ханов, а также их родственники и люди из ближайшего окружения. Надписи высечены на турецком языке в виде стихотворных эпитафий, с непременным указанием имени поэта. Как правило, надгробные панегирики отражают сущность и внешние черты покойного: «Война была ремеслом знаменитого Крым-Гирей-хана; глаза голубого неба не видали ему равного». Витиеватые фразы повествуют о земной суете: «Смерть есть чаша с вином, которую пьет все живое. Могила есть жилище, в которую сходит всякий человек». Назидательные надписи напоминают о том, что «посещение могилы умершего означает молитву за него».

Самая поэтичная эпитафия помещена на могиле 12-летней дочери хана «Ферахасултана-ханым, которая оставила свет счастья, поразив нас горестью. В начале жизни она нечаянно испила слабость чаши смертной... Солнце это, взглянув на земной мир, равнодушно скрылось за облака... Ангел прилетел и улетел, рай стал жилищем Ферахасултаны». Слезы в камне запечатлены на памятнике одной из ханских жен: «В цветнике мира я была роза, но, увы, завяла. О всевышний, помести меня в цветнике рая».

Ханское кладбище в Бахчисараяе

Современных посетителей «мертвого города» неприятно удивляют белые швы свежей штукатурки, бессмысленно прикрывающей благородную древность плит. Приметы времени

недопустимы на любом кладбище, и более всего это относится к исторически значимому некрополю Бахчисарая. Не затронутый современностью, с живописным беспорядком памятников, таящихся среди пышной зелени, он прекрасен в своем естественном состоянии.

У входа на кладбище стоят два монументальных мавзолея XVII века, условно названные «северный» и «южный». Они созданы в традиционной для погребальных сооружений строгой манере. Классически правильная, лишенная изыска и легкости, их конфигурация вполне соответствует скорбному назначению. Строгие до суровости формы мечетей и дюрбе контрастируют с животворной идеей дворцовой архитектуры. Отказываясь от привычной для Крыма легкости, создатели мавзолеев спрямляли линии и намеренно утяжеляли формы, выражая представление о бессмертии души. Единственным исключением является ротонда на могиле Менгли-Гирея II. Сложенная из тесаного камня, увенчанная круглым куполом беседка выглядит цветком рядом с приземистыми сооружениями кладбища.

Проектирование кладбищенских построек требовало от архитектора не фантазии, а строгого следования религиозным канонам, которые затрагивали все формы существования как на земле, так и на небесах. Правильность, пропорциональность, полное отсутствие декора отражали установленный исламом и закрепленный веками смысл.

Практически каждое дюрбе представляло собой купольное сооружение с основанием в виде восьмигранного барабана. Единая для мусульманского Востока схема повторялась в бесчисленных вариациях, оставаясь неизменной по отношению к религиозной символике. В исламе кубическая форма (квадрат) ассоциируется с миром земным, а сферическая (круг) выражает мир небесный. В качестве промежуточного звена выступает восьмерик – 8-угольная в плане часть сооружения, нередко установленного на 4-угольном основании (четверике). Совмещение столь непохожих форм в одной конструкции производилось с помощью парусов, изнутри срезающих углы куба. Снаружи здание оформлялось тяжеловесным восьмигранником, визуальным облегчающим переход к куполу.

Одну из версий купольной постройки можно увидеть в предместье Азиз, где стоят несколько старинных гробниц. Самая древняя из них, с портиком у южной стены, датирована XIV веком. Согласно надписи, она возведена по приказу Мухаммед-Шах-бея, сына Мухаммед-бея, для брэнного тела Бей-Юде-Султан, дочери Аджаган-Бея. Своеобразный татарский памятник повторяет конструкцию мавзолеев Каира. Здесь видимый снаружи переход осуществляется от четверика к восьмиграннику и далее к сфере купола.

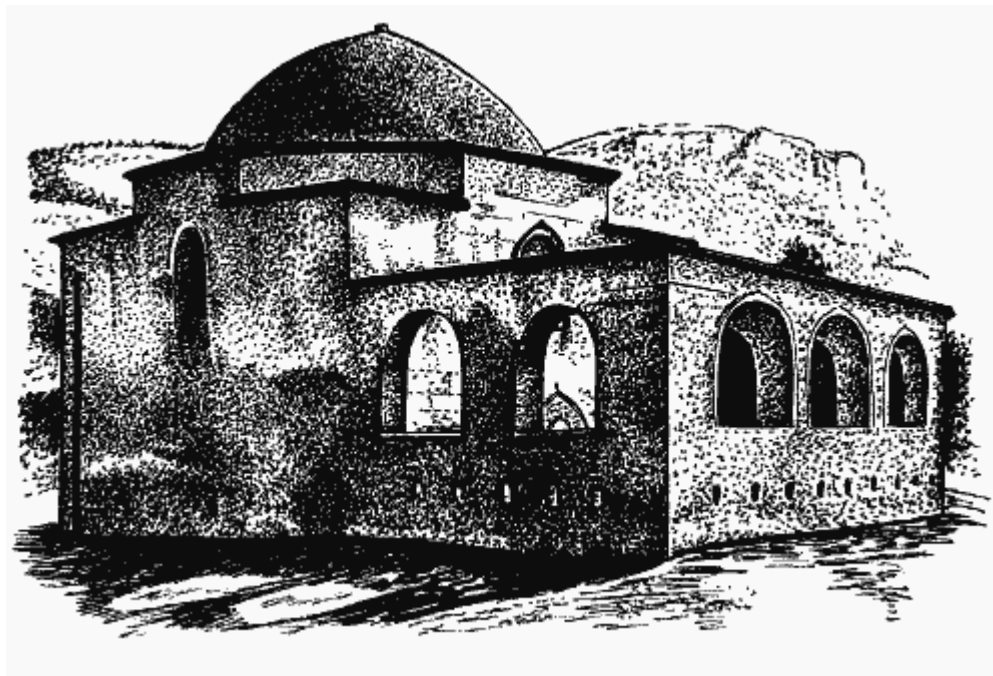
Иное решение осуществлено при создании дюрбе Ахмед-бея, успокоившего свою душу в начале XVI столетия. Формы этого крайне простого здания отличаются геометрической четкостью и точным расчетом пропорций. Восьмигранник зрительно срезает углы куба по горизонтали. Завершением небольшого комплекса являются кафедра мимбер для муллы и молельня дервишей. Последняя воспроизводит традиционную форму башни-многогранника с каменным шатровым куполом. Суфийские братья обращались к богу на верхней площадке, куда ведет крутая лестница из массивных каменных блоков.

В виде восьмигранников сооружены гробницы Мухаммед-бея (XVI век) и Мухаммед-Гирея II (XVII век). Купол первой опирается непосредственно на восьмерик. Изящный мавзолей хана внутри отделан стрельчатыми арками по числу восьми внешних граней, а его купол лежит на 16 гранях основания. В нарушение традиций обитель владыки не лишена украшений. Стыки граней оформлены декоративными колоннами, немного выступающими за плоскость стены. Позже заложенные окна вначале располагались в два яруса и дополнялись мраморными наличниками.

В пору посещения Палласа «дух разрушения причинил немало ущерба этим довольно примечательным сооружениям. Окна и двери многих из них были украшены белым мрамором с зелеными прожилками, от которых видны лишь остатки, остальное расхищено на камины. Между ними видны и гробницы, многие тоже из мрамора с растительным орнаментом».

Невдалеке от ханского дворца особняком стоит уникальное сооружение – безымянная

гробница Эски-Дюрбе («старая могила») постройки XV века. Сложенная из местного камня, портално-купольная по форме, она собрана из классического набора элементов: куба и восьмигранного основания купола. Килевидный в разрезе барабан визуально поддерживает стрельчатые арки боковых плоскостей. Скромное украшение мавзолея ограничено изящными розетками. Отсутствие декора восполняется стройностью пропорций и безупречно ровной кладкой отесанных блоков. Наиболее интересной частью комплекса является дворик с южной стороны, квадратная форма которого повторяет очертания фонтана.

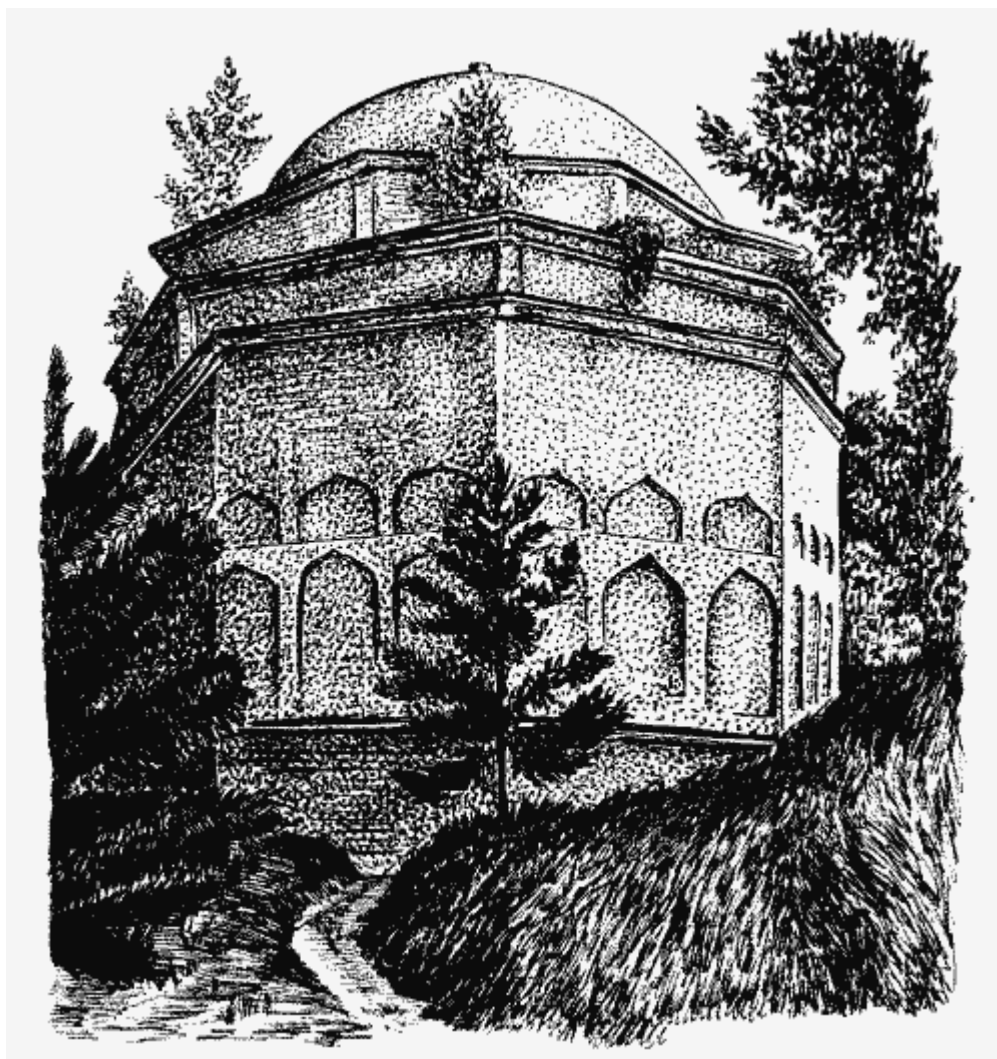

Эски-Дюрбе

Вероятно, дворик предназначался для близких усопшего, приходивших сюда свершить молитву или просто отгородиться от суеты земного мира. Отрешению благоприятствовало устройство двора, куда попадали только из гробницы. Пребывание в тишине «города мертвых» настраивало человека на возвышенный лад. Изолированный от реальности, он забывал о земных заботах и наслаждался величественным пейзажем, заключенным в стрельчатые арки ограждения.

Мавзолей Диляры-Бикеч также вынесен за пределы кладбища и, наряду с Эски-Дюрбе, считается одним из самых таинственных мест Бахчисарая. Последняя обитель загадочной грузинки одиноко возвышается на холме в дальнем углу дворцового парка. К приезду Муравьева-Апостола в 1820 году дверь и окна были заложены камнями, пропала прежняя оловянная крыша, и запущенное здание постепенно превращалось в развалину. Между тем мавзолей Диляры-Бикеч можно считать шедевром кладбищенской архитектуры XVIII века. Специалисты находили это сооружение логичным завершением бахчисарайского средневекового зодчества. Шарообразный купол покоится на массивном барабане; каждая из 8 его граней снизу отделана двумя рядами разновеликих арок. Когда-то комплекс дополнялся фонтаном, но его местонахождение осталось неизвестным, хотя предположительно он располагался внутри гробницы.

Наряду с памятниками Крымского ханства, в окрестностях Бахчисарая существуют монументы, напоминающие о событиях более позднего, но не менее героического прошлого. Основная их часть расположена в дворцовом саду. В честь 13 бойцов 1-го Бахчисарайского красногвардейского отряда, замученных белогвардейцами в 1918 году, возведен памятник в виде огромного гранитного саркофага. На территории расположенного вокруг него братского кладбища покоятся 486 русских солдат, погибших в сражениях Второй мировой войны.

Мавзолей Диляры-Бикеч

Мраморный обелиск установлен на могиле коммунистов и комсомольцев, расстрелянных фашистами в феврале и апреле 1944 года. Позади него находится танк 6-й Отдельной танковой краснознаменной Сивашской бригады, освободившей полуостров от фашистских захватчиков. Памятник местным партизанам возвышается на развилке дорог, ведущих из Старого города в Новый. Лаконичная надпись на скромной каменной стеле гласит: «Вечная слава партизанам, сражавшимся на бахчисарайской земле. 1941–1944». Еще один посвященный партизанам монумент стоит на въезде в город. На каменном обелиске, утопающем в зелени и цветах, высечены слова М. Горького: «...в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!».

Таврическая губерния

*Холмы Тавриды, край прелестный,
Я снова посещаю вас...
Пью томно воздух сладострастья,
Как будто слышу близкий глас
Давно затерянного счастья.
А. С. Пушкин*

В апреле 1783 года по указу императрицы Крымское княжество вошло в состав Российской империи. Вынужденный захват таврических земель стал ответом на бесчинства

турецких войск. Присоединение состоялось в то время, когда сила русского оружия давала полное право завладеть Крымом, фактически занятым российской армией. «Сим и другими завоеваниями, – объявляла Екатерина II, – жертвовали мы тогда ради возобновления доброго согласия и дружбы с Портой Оттоманскою, преобразив на тот конец народы татарские в область вольную и независимую... Но ныне известно нам, что Порты Оттоманская начинает исправлять верховную власть на землях татарских. На острове Тамане чиновник ее, с войском прибывший, присланному от Шагин-Гирея хана публично голову отрубить велел и жителей тамошних объявил турецкими подданными. Поступок сей уничтожает прежние наши взаимные обязательства о вольности и независимости татарских народов. И для того по долгу попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить; равно как в замену и удовлетворение убытков наших, решился мы взять под державу нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону». Опустошенный многочисленными войнами Крым конца XVIII века изумлял путешественников безлюдьем, запущенностью и буйством восхитительной южной природы. С приходом русских началось активное восстановление края. На руинах погибших цивилизаций возникали новые города, осваивались брошенные земли, строились прекрасные дворцы, красотой и величием затмевавшие жилища татарских владык.

Прожекты светлейшего

История Таврической губернии началась еще со времен Куликовской битвы, а точнее, с победы великого князя московского Ивана III, сумевшего низвергнуть хана Ахмата и освободить русский народ от татаромонгольского ига. Государю помог тогдашний его союзник крымский хан Менгли-Гирей, добивший остатки войск Золотой Орды. На развалинах некогда могущественной державы сформировались мелкие государственные образования татар: Казанское ханство, Крымское ханство Гиреев и подневольное Москве Касимовское царство на Оке. Позже к ним прибавилось ханство Астраханское.

Решительные действия Ивана Грозного привели к падению наследников Золотой Орды и одновременно к утрате союзников среди крымских татар. Страшный пожар в русской столице, гибель десятков тысяч жителей, огромное количество пленников, погибших в татарской неволе, дальнейшие набеги, стоившие Руси огромных жертв, – таков итог ошибочной политики царя по отношению к крымским ханам. Все же Девлет-Гирею не удалось «добить Московскую державу». Хан потерпел поражение во время очередного набега. Сражения тех лет были настолько жестоки, что стражники на Перекопе интересовались у путешественников-иностранцев: остались ли люди в северных землях?

В отношениях между двумя государствами самым важным представлялся вопрос торговли русскими рабами, которые высоко ценились не только в Османской империи или Египте, но и в европейских королевствах, например в Венеции и Генуе. Роль поставщика живого товара взяли на себя крымские ханы, лишившие Русь не «менее трех миллионов душ населения». Официально Россия прекратила выплачивать дань ханам только при Петре I. В 1736 году, уже после смерти императора, жители Крыма впервые увидели русских в качестве победителей, а не пленников или коленопреклоненных послов. Вступление на полуостров армии генерал-фельдмаршала Миниха, разумеется, не могло считаться окончательной победой.

Зимой 1769 года конница Крым-Гирея совершила последний набег, уничтожив на Русской земле «1190 домов, 4 церкви, 6 мельниц, более 6 тысяч четвертей хлеба и более 10 тысяч пудов сена. Враги угнали более 30 000 овец и коз, 1557 лошадей, увели в полон 624 мужчины и 559 женщин. На полях найдено 100 порубленных мужчин и 26 женщин». Расплата наступила через два года, когда войска князя Долгорукова ворвались в Крым, навсегда очистив его от турок. Согласно Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 года к России отошли две крепости. Однако ханство обрело независимость, сохранив военную мощь и земли, и потому имело основания для продолжения борьбы.

В течение нескольких лет сражения велись бескровным методом, то есть посредством политических интриг, когда Порта и Россия пытались возвести на крымский престол своих ставленников. В 1777 году ханские покои занял поэт и ученый кроткий Шагин-Гирей, согласившийся на союз с русскими. Его благие намерения реформировать государство закончились мятежом. Обнаружилась несостоятельность государства, существовавшего лишь войнами и разбоем. Русские во главе с Потёмкиным помогли подавить мятеж и поставили условия: вывезти с полуострова местных греков и армян. Исполнив дипломатическую акцию, россияне отбыли восвояси, оставив хана среди недовольного окружения. Весной 1782 года дворцовый переворот заставил Шагин-Гирея искать защиты у союзников.

Правившие на Таманском полуострове братья хана, султаны Батыр-Гирей и Арслан-Гирей, воспротивились его власти, потребовав удаления из своей вотчины ханских чиновников и гвардейцев (бишлеев). Вскоре волнения распространились по всему Крыму; в середине мая мятежники подошли к Каффе, сумев переманить на свою сторону бишлеев. В компании с российским резидентом П. П. Веселицким хан с большой свитой бежал в Керчь, где под пушечный салют попал в дружеские объятия коменданта Ф. П. Филисова. Практически в тот же момент в Петербург направились гонцы с известием о мятеже и просьбами хана о помощи.

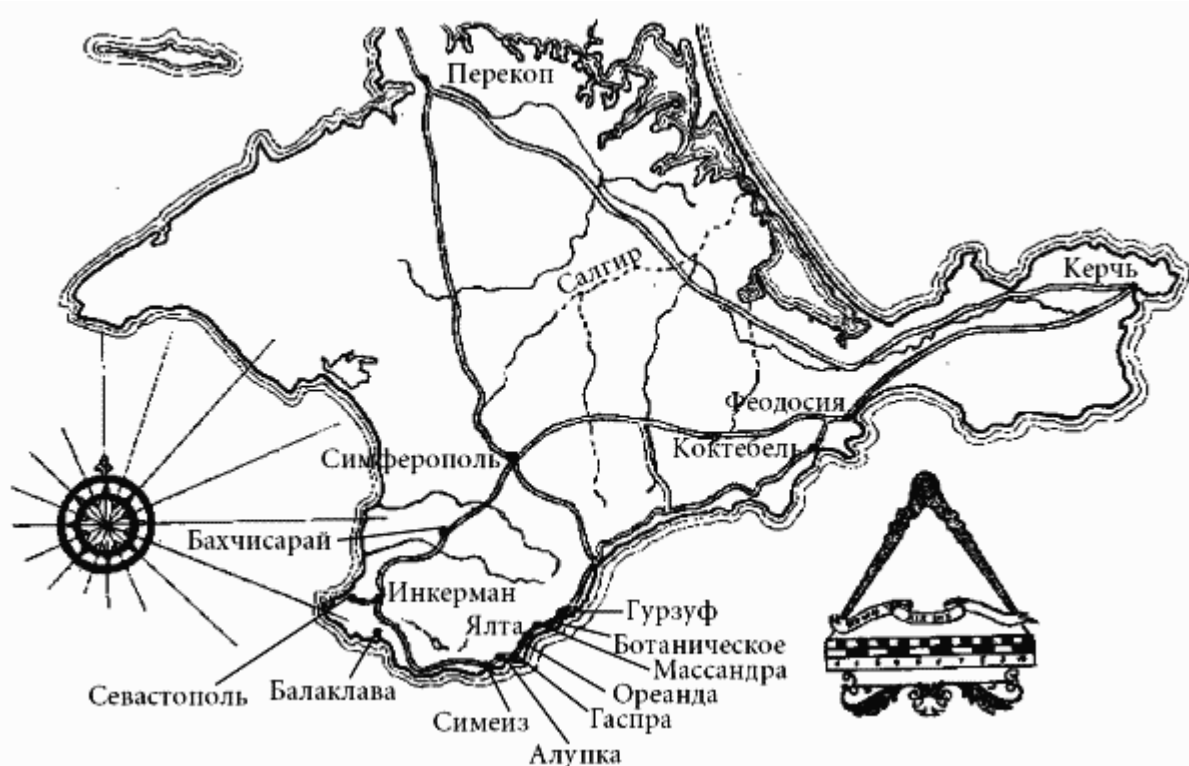
Последний этап русско-татарской борьбы ознаменован блистательным участием в ней князя Потёмкина.

Записка в виде копии в «Журнале исходящим секретным делам за время похода Его Светлости князя Григория Александровича Потёмкина 1783-го года Всеподданнейшим Ея Императорскому Величеству донесениям» стала причиной официального запроса в Коллегию иностранных дел по поводу мнений о Крыме. В подробном докладе, подписанном графом И. А. Остерманом, А. А. Безбородко и П. В. Бакуниным, содержался анализ международной обстановки; были просчитаны возможные варианты и комбинации предстоящей кампании. Документ заканчивался позитивным выводом, однозначно высказанным членами Коллегии: план присоединения Крымского ханства к России вполне реален и эта крупная акция не встретит серьезного сопротивления ни Порты, ни ее союзников. Высокое коллегиальное одобрение для Потёмкина означало неограниченные полномочия, полную свободу действий, чем он не замедлил воспользоваться при осуществлении программы.

Пушкинский Крым

Для всякого литератора путешествие означает поворот в творческой судьбе и появление новых произведений. Подобный период занимает особое место в биографии А. С. Пушкина, который отличался от своих современников именно тем, что много ездил и многое повидал.

По убеждению друзей, молодой поэт был ветрен, легковесен и вовсе не достоин своего таланта. Формально числясь в Коллегии иностранных дел, в Санкт-Петербурге Пушкин предпочитал службе светскую жизнь, театр, шумные пирушки, пылкие романы, оканчивавшиеся с дуэлями, неосторожно допуская остроты и эпиграммы в адрес важных особ. Гражданский пафос стихов, подобных «Деревне» и «Вольности», был воспринят как призыв к действию, что вызвало недовольство императора Александра I. Поэту грозила Сибирь или годы покаяния в Соловецком монастыре. Однако заступничество друзей помогло смягчить монарший гнев. Пушкину посоветовали уничтожить крамольные стихи и выслали его из столицы. Прибыв к наместнику Бессарабии в качестве ссыльного невольника, он добился большей свободы, получив разрешение на длительное путешествие по Кавказу и Крыму. Поездка в обществе семейства генерала Н. Н. Раевского совпала с внутренней потребностью «мятежного странствователя», наполнив его поэзию восточной романтикой, заодно приобщив к настоящему и прошлому страны.

Крым во времена Пушкина

«Петербург душен для поэта. Я жажду краев чужих, авось полуденный воздух оживит мою душу», – писал Пушкин, собираясь в дальний путь. В течение четырех лет (1820–1824) он путешествовал по Кавказу, Крыму, Украине и Молдавии, закончив странствия в селе Михайловском.

Дивная природа полуострова, куда поэт был сослан в очередной раз, море, горы, сияние южного солнца, величественная красота пейзажей – эти образы позже вошли в стихотворения крымского цикла, составив фон знаменитых поэм «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и частично уничтоженной «Тавриды». Помимо того, поэт связал с Крымом замысел «Евгения Онегина», загадочно назвав эту землю «колыбелью» главного героя. Не имея определенной цели, путешественники не вели подробных путевых заметок. Сам Пушкин рассказывал о своих странствиях в письмах, впоследствии отразив впечатления в литературно-критическом эссе «Отрывок...». Несмотря на предельный лаконизм, эти послания содержали сведения о самых важных моментах путешествия.

Скупые фразы Пушкина весьма оригинально рекомендовали общеизвестные места Тавриды, которая в то время представлялась страной, «исполненной воспоминаний». В Крыму бывали немногие, сведения о нем черпались из древних источников, и потому далекие татарские земли воображались чем-то похожим на легендарную Элладу, связанную с золотым веком человечества. Поэт уловил эту особенность восприятия Крыма и старался не подчеркивать разочарования от нищеты и запущенности, в то время присущих всем городам полуострова. Зато в письмах не совсем точно, но эмоционально изображены малознакомые россиянам места: Феодосия, Гурзуф, Георгиевский монастырь, ханский дворец в Бахчисарае.

Трехнедельная поездка по Крыму началась с переправы через Керченский пролив. Встреча с памятниками Античности оказалась не такой романтической, как ожидал поэт: «Думал, здесь я увижу развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапея. Однако на ближней горе посредине кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных. Заметил я несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни, не знаю. За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнявшийся с землей. Вот все, что осталось от старого города».

На территории Пантикапейского городища путешественники осмотрели башню,

остатки стен, фундаменты жилых построек. В настоящее время не сохранились даже те ничтожные остатки. Жители Керчи по разрешению городских властей использовали камни-реликты для строительства домов. Известен факт, что археологам приходилось разбирать стены античной крепости для поставки материала на сооружение керченского порта.

Старый базар в Керчи и гора Митридат (на заднем плане). Литография XIX века

Не случайно в записках Пушкина нет ни слова о Керчи, которая тогда представляла собой пыльный поселок на две улицы. Немногочисленные обитатели городка собирались на базарной площади, где перед лавками сушилась и коптилась рыба, а жители буквально пинали ногами «порфиновые обломки» древних статуй. Столь жалкое зрелище совсем не соответствовало описаниям величественного города, каким его представляли античные историки.

Набережная в Феодосии. Литография, 1830

Вместе с тем письма передают интересную информацию о «каком-то французе, присланном из Петербурга для разысканий. Но ему не достает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится». Речь шла о безвестном тогда археологе Поле Дюбрюксе, которому удалось изыскать средства и заново открыть людям «драгоценное, скрытое под землей, насыпанной веками». Поэт ошибался, говоря о том, что француза направили из столицы. К моменту заочного знакомства с Пушкиным Дюбрюкс уже девять лет по собственной инициативе работал в Керчи, делая зарисовки, схемы, записывая и систематизируя свои наблюдения. Современники не оценили деятельности французского историка, но его труды помогли археологам последующих поколений в раскопках на месте древней столицы Боспорского царства.

По прибытии в Феодосию Пушкин написал брату: «Из Керчи приехали мы в Кефу, остановились у Броневского, человека почтенного по непорочной службе своей и бедности. Теперь он под судом и, подобно старику Вергилию, разводит сад на берегу моря, недалеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход. Он имеет большие сведения о Крыме, стороне важной и запущенной». Упомянутый в письме бывший феодосийский градоначальник Семён Михайлович Броневский глубоко знал историю края, не преминув ознакомить гостей с его античным прошлым.

К началу XIX века от греческой Каффы не осталось даже названия. После набега аланов старый город был разрушен до основания, а новая Феодосия почти не отличалась от новой Керчи. Четыре тысячи жителей обитали на нескольких улицах, некогда удививших А. С. Грибоедова «причудливой смесью вековых стен прежней Кафы и однодневных мазанок».

Феодосия того времени являлась единственным в Крыму порто-франко, то есть портом, имевшим право беспошлинной торговли. Высокий статус позволял городу активно развиваться, что, в отличие от Пушкина, отметил И. М. Муравьев-Апостол в сочинении «Путешествие в Тавриду»: «...опрятные прямые улицы, обширные чистые площади, набережная, усаженная молодыми деревьями и устроенная для прогулок». Одной из главных достопримечательностей Феодосии был «Музеум», созданный русским знатоком истории Броневским и составлявший гордость жителей всего края.

Хранилище памятников греческой Тавриды размещалось в здании мусульманской мечети. Редкие посетители «Музеума» почти не интересовались экспонатами, рассматривая античные монеты, обломки плит и колонн, разбитые горшки и черепки лишь из уважения к основателю. Однако памятники, которые Броневский усердно собирал в окрестностях города и на кладбище в Карантинной слободке, представляли большую научную ценность. Подлинные вещи первых греческих колонистов открывали полную драматизма историю древней Каффы. Детище Семёна Михайловича оценили потомки. С 1871 года музеем покровительствовал художник И. К. Айвазовский. Благодаря его попечению экспонаты перевели в специально построенное здание, где городской краеведческий музей благополучно существует поныне.

Знаменитый маринист в свое время был самым богатым живописцем России. Помимо археологического собрания, он позаботился о коллекции картин, также выстроив отдельный дом для художественного музея. Возведенное в духе позднего Ренессанса здание Феодосийской картинной галереи признано памятником архитектуры XIX века. Айвазовский сам разрабатывал проект и лично занимался оформлением внутренних помещений.

В зале картинной галереи Феодосии

Выходец из семьи армянского купца, художник даже после смерти не прервал связи с традициями армяно-христианской культуры. Согласно завещанию его похоронили у входа в храм армянской церкви Саркиса (Сергия). В 1971 году как дань памяти прославленному соотечественнику здесь открыли лапидарий с богатой коллекцией надписей на древних каменных плитах. Здание музея само по себе является историческим памятником, который мог видеть Пушкин. Воздвигнутый на рубеже I и II тысячелетий храм отличается от других церквей Феодосии значительными размерами, наличием больших окон и широких дверей. Декоративное убранство фасада составляют каменные плиты-хачкары (крестовые камни) с тончайшей резьбой в виде крестов, окруженных растительным орнаментом. Свод храма

украшен остатками старинных фресок.

Закладные камни генуэзских цитаделей представляют собой своеобразные документы, выраженные в латинских надписях и гербах. Помимо демонстрации мастерства камнерезов, лапидарные памятники воссоздают историю строительства оборонительных сооружений Каффы. Во времена Пушкина частично уцелевшие итальянские крепости еще хранили дух Средневековья. Силами и стараниями генуэзцев из пепла античной Феодосии возродилась Каффа. Мощные стены крепости надежно защищали город от врагов, позволив жителям пользоваться благами европейской цивилизации XIII века. Богатые итальянские торговцы построили порт, городской водопровод, возвели храмы и дворцы с парками, изящной скульптурой, фонтанами.

Памятником не столь далекому прошлому служит знакомый каждому феодосийцу одноэтажный дом на улице Галерейной. Здесь в 1924–1929 годах жил русский писатель Александр Степанович Гриневский (1880–1932), публиковавшийся под псевдонимом Грин. Его романтические повести «Алые паруса», «Бегущая по волнам», романы «Золотая цепь», «Блистающий мир» и «Дорога в никуда» выражали гуманистическую веру в высокие нравственные качества человека. В отличие от фантастической прозы стихотворения Грина, например такие, как «Реквием», представляли мрачный, «искаженный» взгляд на себя и окружающий мир, что, впрочем, не противоречило скептическому духу Серебряного века:

Наступило молчанье:
Тихий ангел над домом летел,
А к тому – примечанье:
Дом был – морг, а жильцы – не у дел.

При жизни писателя дом, безусловно, не был «моргом», а его прославленный хозяин занимался интересным делом, вовлекая поклонников в свои литературные круизы. Идею странствий, царившую в небольшом домике во времена Грина, спустя столетие воплотили в жизнь создатели Литературного музея, посвященного не только писателю, но и его героям. Работами по устройству мемориала руководил С. Г. Бродский – автор иллюстраций к шеститомному собранию сочинений Грина. Художники преобразили обычные помещения невзрачного дома в страну Гринландию, пригласив посетителей в путешествие на воображаемом корабле. Отделка и предметы интерьера отвечали романтической идее произведений писателя, помимо романов, создавшего в этих стенах новеллы «Элда и Аготея», «Фандаго», «Посидим на берегу», «Возвращение».

Фасад здания украсило рельефное панно «Бригантина», а каждая комната получила соответствующее экспонатам название: «Трюм фрегата», «Гринландия», «Каюта странствий». «Корабельная библиотека», «Каюта капитана Гёза», «Клипперная» и «Ростальная» раскрывают детские мечты Саши Гриневского, прослеживая становление будущего романиста.

Зарисовки в черновиках романа «Евгений Онегин» свидетельствуют о том, что Пушкин совершил прогулку к Золотым воротам Карадага. «Бесовские» изображения застывшего вулкана связаны с поверьем о входе в преисподнюю, якобы находившемся среди скал и ущелий Карадага. Татары называли это место «шайтан-капу» («чертовы ворота»), не имея возможности объяснить устрашающую пустынную Чёрной горы. В действительности потухший вулкан не так страшен, как показано в легендах. Его поверхность покрыта лавовыми потоками, остатками пепла и горными породами, обнажившимися в результате давнего извержения. На нем почти нет растительности, только отдельные деревья едва держатся корнями за выжженные склоны.

Дом Александра Грина в Феодосии

Вид на вулкан Карадаг с набережной поселка Коктебель

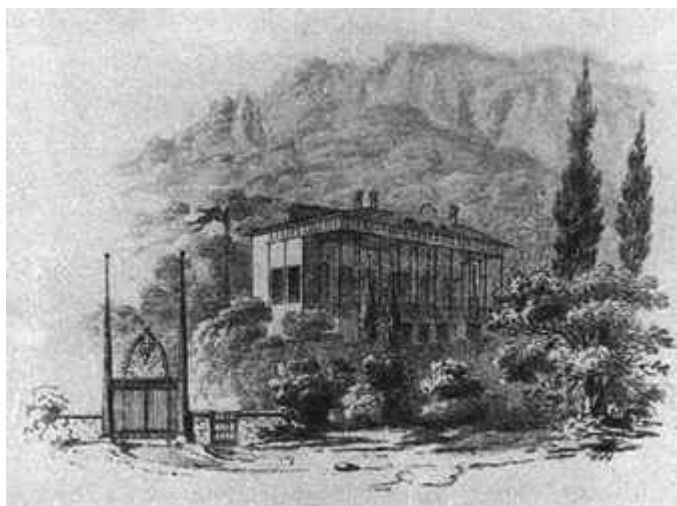
Таинственный Карадаг символично разделяет полуостров на две части. По одну сторону лежат дикие степи Киммерии со скудной растительностью. В другой части расположились горы, зеленые долины и «золотое» побережье – самые живописные места Крыма, куда Пушкин и Раевские отправились на борту военного брига «Мингрелия». Морское путешествие длилось менее суток, но оставило незабываемый след в душе поэта, который впервые ступил на борт корабля. Еще более яркими были впечатления от Гурзуфа, представшего на рассвете «разноцветным сиянием гор, плоскими кровлями хижин татарских, издали казавшихся ульями, прилепленными к скалам». Всего за день морской поездки Пушкин написал знаменитое стихотворение «Погасло дневное светило...», а спустя десять лет воссоздал облик «полуденной земли» в «Странствиях Онегина»:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном;
На небе синем и прозрачном
Сияли груды ваших гор,
Долин, деревьев, сел узор
Разостлан был передо мною,
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!

Гурзуфская долина встретила путников отрогами уходящей в море «святой горы»

Аюдаг и единственным европейским зданием на всем побережье Южного Крыма. Дом бывшего губернатора Тавриды Дюка Ришелье никогда не видел хозяина, но был открыт для любого приезжего, чем не замедлила воспользоваться компания генерала Раевского.

Пушкин назвал новую обитель «замком в каком-то необыкновенном вкусе». По воспоминаниям Муравьева-Апостола, «огромное здание состояло из нескольких крылец, переходов с навесами вокруг, а внутри – из одной галереи, занимающей все строение, исключая четырех небольших комнат, по две на каждом конце. В них столько окон и дверей, что нет места кровать поставить, хотя в этом состоит все помещение, кроме большого кабинета над галереей, под чердаком, в который надобно с трудом пролезть по узкой лестнице».

Особняк Ришелье в Гурзуфе

В 1822 году «воздушный замок» Ришелье перешел во владение М. С. Воронцова. Светлейший князь приказал изменить планировку дома, снести бельведер, открыть подвальный этаж и сделать его жилым. Однако подвал был обжит двумя годами ранее, когда в нем поселились Пушкин и юный Николай Раевский. Старшая дочь генерала Екатерина вспоминала, как молодые люди довольно плохо читали по-английски Байрона и, когда не могли разобрать текста, «посылали к ней наверх за справкой».

В Гурзуфе поэт «жил сиднем, купался в море, обедался виноградом», любовался деревом в парке, тогда еще молодым и невысоким. Сегодня несколько кипарисов, окружавших тогда дом Ришелье, выросли в огромные двухсотлетние деревья, и невозможно установить, который из них «пушкинский». В 1830-х годах перед зданием посадили платан, получивший имя поэта, хотя с Пушкиным он связан лишь легендой. После Воронцова дом купил некий Фундуклее и вновь затеял перестройку. Желая преобразить дикое место в образцовое имение, он приказал застеклить верхнюю галерею и убрать мансарду под крышей, где когда-то жили дочери Раевского.

Ф. Гросс. «Кучук-Ламбат», 1830-е

Среди гурзуфских знакомых генерала была семья бывшего губернатора Тавриды Андрея Михайловича Бороздина, имевшего дачу в пригородном селении Кучук-Ламбат. Походивший на небольшое итальянское палаццо дом Бороздина стоял на самом берегу мыса Плака, едва размещаясь на пологом склоне. Выстроенный в строгом классическом стиле, он отличался простотой и удобством. Обращенный к морю фасад дополнялся круглой стеклянной верандой, покрытой изящным куполом. Радужный хозяин приглашал на нее гостей, наслаждавшихся прелестным видом, шумом моря и кипением самовара во время чаепития. С балкона противоположной стороны дома открывался вид на крымские горы. В перерывах между трапезами гости Бороздина гуляли в парке или катались на лодках, благо пристань находилась почти у крыльца.

Вскоре посетивший эти места Муравьев-Апостол оставил подробное описание дома, отметив, что «не совсем еще устроенная» дача располагалась в прекрасном месте. Круглая бухта выглядела творением рук человеческих и придавала жилищу картинный вид. Находя романтику в самых прозаических вещах, Пушкин описал купание одной из дочерей Бороздина, тайно наблюдая за барышней со стороны парка:

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
На утренней заре я видел Нереиду.
Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
Над ясной влагою полубогиня грудь
Младую, белую, как лебедь, воздымала
И пену из власов струею выжимала.

В письмах Пушкина упоминается о знакомстве с другим почтенным обитателем Гурзуфа, оказавшимся полезным в плане исследования исторических окраин города. Крымский татарин Александр Иванович Крым-Гирей приходился дальним родственником не ханам, а русскому генералу Раевскому. Выросший в Англии и получивший светское воспитание, он посвятил себя миссионерству, избрав судьбу просветителя местных жителей. Крым-Гирей искренне любил родной край, позже став инициатором начала раскопок погибшей столицы степняков – города Неаполя Скифского. Вероятно, именно он возглавлял кавалькаду всадников из числа обитателей дома Ришелье, не однажды выезжавших на осмотр окрестностей Гурзуфа.

Одна из таких поездок посвящалась изучению руин крепости Горзувита. Воздвигнутая в VI веке императором Юстинианом цитадель послужила генуэзцам, туркам и советским пионерам, потому как оказалась на территории лагеря «Артек». Турки позаботились об укреплении рушившихся стен новой кладкой. Пушкину посчастливилось увидеть еще не развалившиеся башни: целиком сохранившуюся восточную и частично уцелевшую западную. Сторожевые вышки некогда соединялись высокой стеной, от которой тогда оставалось лишь основание.

Ж. Мивиль. «Дом Борздына в Кучук-Ламбате», 1818

Самая таинственная часть Горзувиты находилась под сводами горы. Высеченный в толще скальной породы подземный ход служил для незаметного выхода из крепости во время осады. Даже сейчас по нему можно спуститься из башни, пройти сквозь скалу и через отверстие в южном склоне выйти к морю. Крепость строилась по подобию средневековых замков на высокой голой скале и в старину виднелась издалека, подавляя мощью и суровой красотой романской архитектуры. Величественные развалины Горзувиты подвигли Пушкина к написанию соответствующих строк:

Когда луна сияет над заливом,
Пойду бродить на берегу морском
И созерцать в забвеньи горделивом
Развалины, поникшие челом...
И волны бьют вокруг валов обгорелых,
Вкруг ветхих стен и башен опустелых.

Очарование старых развалин действовало не только на поэтов. Ему поддавались вполне рациональные особы, например хозяин близлежащего имения Суук-Су, соорудивший в своей усадьбе «башню-руину под древнюю». Кроме византийской крепости, в окрестностях Гурзуфа находилось множество других руин, к большому сожалению поэта оказавшихся нагромождениями древних камней. В пяти верстах выше города, в селении Кизил-Таш, лежал гигантский обломок известняково-мраморной породы желто-красного цвета. На его вершине виднелись остатки древнего укрепления. Более живописным был полуразвалившийся храм, венчавший голову Медведь-горы (Аюдаг). В Античности здесь располагался крупный торговый центр Парфенион.

В нижней части восточного склона когда-то стоял Партенит – легендарная столица амазонок. Созданный воительницами храм богини Девы остался в преданиях, а подлинная история представляла в виде руин византийской базилики, почти скрытых высокой травой. Поблизости рос тысячелетний орех – священное для местных татар дерево, на фоне которого Пушкина изобразил польский художник В. М. Ванькович. Поэт нарисован сидящим около одного из двух знаменитых гурзуфских фонтанов, воспетых в стихотворном наброске:

Сей белокаменный фонтан
Стихов узором испещренный
(Железный ковшик, цепью прикрепленный):
«Кто б ни был ты, пастух,
Рыбак иль странник утомленный,
Приди и пей».

В Гурзуфе пушкинской поры действовало два фонтана. Один из них находился за городской чертой и предназначался для страждущих паломников и жителей окраин. Второй источник располагался в центре поселения и приятно удивлял красивой отделкой в виде мраморной доски. В 1837 году этот фонтан переделали, сменив доску, но надпись оставили прежней: «Путник, остановись и пей...» Спустя 90 лет оба фонтана были разрушены землетрясением, и советские власти не нашли денег для их восстановления. Вместе с журчащими источниками исчезло многое из того, что мог видеть Пушкин: старое кладбище вблизи руин Горзувиты, можжевельный лес по дороге в Ай-Даниль, густые дубравы у подножия холмов.

Пушкин в Крыму. Рисунок В. М. Ваньковича

В начале сентября 1820 года Пушкин с мужчинами семейства Раевских отправился вглубь Южного Крыма, намереваясь верхом добраться до Симферополя через Бахчисарай.

В отсутствие дороги конное путешествие представлялось единственно возможным для визита в города центральной части полуострова. Благополучно миновав «стремнины, ущелья и пропасти», путешественники осмотрели Никитский ботанический сад, руины крепости Палекастро вблизи Верхней Массандры и остановились в Ялте.

Основанное князем Потёмкиным поселение возникло в качестве кордона. Деревенька из 13 домов располагалась в самой красивой долине Крыма. Здесь издавна жили греки, охранявшие прибрежную полосу. Сверху селение, окруженное садами и сосновыми лесами, смотрелось пейзажем в раме из горных вершин. Ютившиеся на склонах развалины деревень Ай-Василь, Дерекой и Аутка издали напоминали трибуны римского амфитеатра.

Ж. Мивиль. «Балаклава», 1818

«Невозможно представить, чтобы столь небольшой поселок был когда-то Ялитой, известной в древности обширною торговлей и многолюдством». Слова Броневского относились к византийскому портовому городу-крепости, исчезнувшему по неизвестной причине и возродившемуся в виде Ялты. В свое время здесь располагался турецкий гарнизон, состоявший из нескольких человек береговой охраны. Пушкину еще довелось увидеть остатки греческого храма, стоявшего на берегу моря. Следуя в направлении Мисхора, он заметил мыс Ай-тодор, место расположения которого греческие историки называли Криуметопон, считая его центральной точкой крымского побережья. Археологические раскопки в этих местах начались в конце столетия, и Пушкин увидел лишь фрагменты циклопической кладки римских оборонительных сооружений и крепости Харакс.

Развалины цитаделей стали живописной декорацией парка в Мисхоре, заложенного в конце XVIII века. С этого рукотворного леса началась крымская мода на пейзажные парки, украсившие дворцы русской аристократии, в большом количестве строившиеся на южном побережье.

Скрывавшаяся в круглой бухте Балаклава стала последним прибрежным пунктом на пути Пушкина. Расквартированный здесь греческий сторожевой батальон располагался на месте древнего города Символон. Возводя стены на скалистых утесах, первые обитатели основали торговый порт, открытый для каждого мореплавателя. В Средние века Символон (Ямболи) захватили генуэзцы. Значительно укрепив оборонительную линию, они превратили город в настоящую цитадель. Переименованный в Чембало, поселок оставался таковым до нашествия турок. Завоеватели нашли на месте прежнего Символона всего 150 обитаемых домов, а место вскоре нарекли Балаклавой. Впрочем, в 1783 году к приходу русских дома опустели, оттого что жителями были только турки. Матушка Екатерина заселила поселок греками, велев им нести прибрежную службу вплоть до Судака.

Греки создали в Балаклаве в прямом смысле процветающую колонию, окруженную широкой полосой плодовых садов. Недалеко от селения находился Георгиевский монастырь. К 1820 году единственный уцелевший памятник христианства в этих местах совершенно утратил средневековый вид. С новыми стенами и церквями он все же почитался как древняя святыня. Пушкин смог увидеть баснословные руины храма Дианы, заметив, что «мифологические предания счастливее воспоминаний исторических» хотя бы потому, что здесь поэта посетило вдохновение:

К чему холодные сомненья?
Я верю, здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья.

Малоизвестные «рифмы» вошли в сочинение «Отрывок...», ставшее литературным

ответом на книгу Муравьева-Апостола «Путешествие в Тавриду». Под словами «холодные сомнения» следует понимать догадки о местонахождении храма Дианы (Девы), возможно существовавшего только в легендах. Пушкин не разделял научного подхода историка, разъезжавшего по Крыму со Страбоном и Геродотом в руках. Собственное, то есть поэтическое, отношение к Тавриде представлялось поэту более справедливым.

Будучи неисправимым романтиком, Пушкин тотчас вдохновлялся красотой южной природы. Творения рук человеческих, особенно в том жалком состоянии, в каком он видел их в Крыму, действовали на него не сразу, часто вспоминаясь через много лет. Один из самых знаменитых городов античного мира, богатый и могущественный Херсонес, вообще не отражен в произведениях Пушкина. В начале XIX столетия на месте города еще не велись раскопки и взору приезжих представляли покрытые пылью, невыразительные обломки, черепки, камни неясного происхождения. Компания Раевского посетила развалины, но смогла увидеть лишь очертания улиц, выдолбленные в скалах погребца, почти разрушенную башню, остатки водопровода, несколько каменных лестниц и уцелевшие части стен, которые не успели растащить местные жители.

Бахчисарай поразил поэта только вначале, когда неожиданно возник из-за поворота длинной степной дороги. Единственным въездом в город служили заросшие мхом полуразвалившиеся ворота со скрипучими железными затворами. Удручающее впечатление производили «гнилые воды» Чурук-Су, растянувшейся на четыре версты. Зато сам Бахчисарай оказался настоящим восточным городом с узкими проулками, зелеными двориками, с двухэтажными домами, прятавшимися за глинобитными стенами. Путешественники полюбовались резными деревянными решетками окон и балконов, отметили гармоничное сочетание пирамидальных тополей и высоких минаретов.

Жизнь города сосредотачивалась на единственной улице. Плотно заставленная лавками и мастерскими, она представляла собой своеобразный базар, где изделия создавались на глазах у публики. Подобно всякому восточному рынку, здесь продавались традиционные вещи из металла, кожи, дерева. Торговцы громко расхваливали свой товар: сабли, ножи, кожаные плети, медные тарелки и кувшины, седла, бурки, сафьяновые сапоги, кушаки, войлоки, чубуки для курительных трубок.

Спутникам Раевского посчастливилось попасть в Бахчисарай к началу осеннего мусульманского праздника Байрам. Русский поэт неожиданно оказался в центре всеобщего веселья, впервые увидев старинные татарские игры, конные состязания, позже отраженные в поэме «Кавказский пленник». Байрам обычно собирал купцов со всего Крыма. Заполнившая базар огромная толпа подкреплялась восточными яствами, которые жарились и пеклись прямо на улице. Пушкин, несомненно, отведал шашлык кебаб, плацинду или сырные лепешки пекыр-борек.

В отличие от заразительного восточного праздника главная достопримечательность города – ханский дворец – не оправдала романтических ожиданий. «В Бахчисарай я приехал совсем больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К*** поэтически описывала мне его, называя *la fontain des larmes* („фонтан слез“). Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан, из заржавленной трубки по каплям капала вода. Я обошел дворец с большой досадой на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. N. N. почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище... Что касается до памятника ханской любовнице, о котором говорит Муравьев, я о нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно воспользовался».

В начале позапрошлого столетия дворец служил пристанищем знатным путешественникам, какими в свое время считали Пушкина и семейство генерала Раевского. Им предоставили для ночлега безвкусо раскрашенные европейские комнаты с каминами и позолоченными потолками. В нарушение мусульманских обычаев на стенах были развешаны картины с изображениями человеческих лиц. Убранные во французском стиле, эти помещения предназначались для августейших особ. В остальных залах на

персидских коврах стояли низкие диваны и столики, инкрустированные перламутром. Огромное количество внутренних помещений хан-сарая требовало проводника. В сопровождении сына Раевского поэт посетил гарем, отметив лишь ветхость некогда роскошного сооружения.

Небрежение Пушкина объяснялось лихорадкой, мучавшей его уже несколько дней. Спустя четыре года на пике михайловского вдохновения поэт мысленно возвратился в Крым и переосмыслил отношение к увиденному в поездке. В частности, «заржавленной трубке» посвящены эмоциональные строки, воплотившие идею вечной печали о погибшей возлюбленной:

Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне боль...

Симферополь стал последним крупным городом, удостоенным визита Пушкина. Путешественники прибыли в новую столицу края 8 сентября и поселились в доме химика Дессера – человека, сумевшего приобщить поэта к атмосфере вольнолюбия, свойственной тогда лишь Петербургу. Построенный на месте Неаполя Скифского Симферополь был основан русскими, но получил греческое название. Старая и новая его части разделялись рекой Салгир.

Ж. Мивилль. «Балаклава», 1818

Исторические кварталы на восточных берегах населяли греки, армяне, татары, цыгане, возводившие жилища и храмы в национальной манере. Самым живописным зданием этого района считалась окрашенная известью мечеть Джума-джами с мусульманской школой медресе. В юго-восточной стороне сохранился дворец Калги-султана. Фонтаны, не прекращавшие действовать в его тенистых садах, служили главными источниками питьевой воды.

К западу от реки раскинулся новый Симферополь – построенный по плану европейский город с широкими прямыми улицами и белыми двухэтажными домами. В 1805 году на месте суворовского редута возник Петропавловский собор. Набережная преобразилась после устройства прекрасного общественного сада в английском стиле. Здесь располагались дом губернатора и многочисленные присутственные места. С 1913 года симферопольские дворяне общались и отдыхали в просторных залах Офицерского собрания. Архитектура и

внутренняя отделка здания выдержаны в классическом стиле. После Октябрьского переворота 1917 года дворец перешел в распоряжение Центрального музея Тавриды, а с 1937 года в нем расположилась художественная галерея.

В залах бывшего Офицерского собрания

В Симферополе Пушкин вновь встретился с Бороздиным и посетил его имение в пригородном поселке Саблы (ныне Каштановка). В 1780-е годы усадьбой владел первый губернатор Тавриды В. В. Каховский, устроивший свои обширные владения по российскому образцу. Двухэтажный дом на пригорке окружали сады, парк, фермы, многочисленные службы, приносившие хозяину немалый доход. Дом Бороздина, подобно дворцу Ришелье, принимал всех гостей Симферополя. По сходству со многими постройками вблизи Бахчисарая главное здание поместья возведено под влиянием восточной архитектуры. Характерными крымскими элементами являлись витражи и застекленная терраса второго этажа с чугунными колоннами. В парке традиционно журчали фонтаны и радовали глаз вековые южные деревья.

Дом Бороздина в имении Саблы

Поэт покидал Крым от Перекопа – крайнего населенного пункта в северной части полуострова. Прощальный путь проходил мимо каменных ворот античной крепости Тафрос, некогда защищавшей единственный сухопутный вход в Тавриду. Пушкин миновал татарский форт Ор-Капа, охранявший перешеек во времена Золотой Орды, затем пересек высокий вал и покинул «полуденную землю», навсегда оставшуюся в его сердце и стихах.

Алупкинский дворцовый ансамбль

Рельеф местности в районе Алушки самой природой предназначен для устройства пейзажного парка. Великолепный естественный амфитеатр образован холмами, морем и горной грядой. Даже мимолетный взгляд позволяет отметить, насколько органично

архитектура местного дворца сочетается с окружающим ландшафтом. Контур высоких декоративных башен с острыми верхушками повторяется в очертаниях гор, живописно взмывающих на горизонте. Если смотреть в сторону моря, то видно, что дугообразная форма террас подчеркнута бескрайней водной чашей.

Дворец Воронцова в Алуке. Литография XVIII века

Фантастическое слияние архитектурных форм с природой вызывает ощущение присутствия в центре Вселенной. Автор проекта, несомненно, обратил внимание на самую высокую точку местности – гору Ай-Петри высотой около 1200 метров. Со стороны города вершина похожа на руины средневекового замка, а связанная со зданиями, она представляет главную идею дворцово-паркового ансамбля.

Резиденция губернатора

Некогда захудалое поселение на Южном берегу Крыма около 100 лет являлось вотчиной князей Воронцовых. Представители старинного дворянского рода, начавшегося с легендарного тысяцкого Ивана Калиты, славились воинской доблестью, умом, богатством и заботой о благоустройстве южных окраин России. Расцвет крымского побережья связан с именем светлейшего князя Михаила Семёновича Воронцова (1782–1856), который обосновался в этих местах вскоре после вступления в должность генерал-губернатора Новороссийского края.

Сын русского посла гвардейский подпоручик Воронцов получил блестящее образование в Англии и прибыл на родину для прохождения военной службы в 1801 году. Спустя семь лет был произведен в полковники за личное мужество в кавказской и французской кампаниях. Звание генерал-майора получено в 1811 году после успешного штурма турецкой крепости Базарджик. В сражении при Бородино Воронцов командовал гренадерской дивизией, стойко оборонявшей Семёновские укрепления. В том бою будущий генерал-лейтенант получил пулевое ранение в ногу, покинул поле боя на носилках, но уже через несколько месяцев вернулся на службу. В 1814 году возглавил отряд в сражении под Краоном, где проявил особую доблесть, отмеченную орденом Святого Георгия.

М. С. Воронцов. С гравюры С. Карделли, 1810-е

Е. К. Воронцова. С рисунка Сальферини

После трехлетнего командования экспедиционным корпусом во Франции Воронцов принял назначение управляющим Новороссийской и Бессарабской губерниями. Очередное повышение звания в 1825 году ознаменовалось скандальными эпиграммами Пушкина, восплававшего страстью к Елизавете Ксавьерьевне Воронцовой (урожденной Браницкой). Поэт посчитал приличным ухаживать за супругой боевого генерала и отпускать колкости в адрес ее мужа. Между тем он находился в ссылке, служил в канцелярии из любезности губернатора и зарабатывал на жизнь выполнением весьма несложных обязанностей.

Русско-турецкая война 1828–1829 годов стала последней крупной кампанией, в которой принимал участие фельдмаршал Воронцов. Получив очередную награду за осаду Варны, он вернулся в Новороссию и вновь приступил к губернаторским обязанностям. Первые десятилетия позапрошлого века в стране бурно развивалось предпринимательство. По Чёрному морю начали ходить первые пароходы. Солнечный Крым служил благодатным местом для развития табаководства, виноградарства и виноделия, но более всего для устройства курортов, призванных затмить знаменитые Кавказские Воды. Воронцову принадлежало более 2000 десятин таврической земли, в том числе участки в Массандре, Ак-Мечети, на мысе Мартьян, в Гурзуфе, Ай-Даниле, Коккозах.

Обширные владения губернатора строили и обслуживали специалисты различных профессий, в основном приглашенные из-за рубежа. Большую часть проекта летней резиденции в Алупке выполнил английский архитектор Эдуард Блор. Зодчий никогда не бывал в Крыму, но хорошо знал особенности местного рельефа. Кроме того, ему пришлось учесть работу предшественника, одесского архитектора Франческо Боффо, с 1825 года занимавшегося изысканиями, устройством фундамента и закладкой порталной ниши главного корпуса. Следование первому проекту ограничилось подготовительными работами. Воронцова мало привлекал классицизм, принципы которого неукоснительно соблюдали русские архитекторы того времени.

Летом 1831 года губернатор находился в Англии, где смог убедиться в изменившихся вкусах европейского общества. Мысль о соединении множества стилей, видимо, подал Блор, хотя эклектика уже наблюдалась в архитектуре загородных имений России. Например, сочетание готики и классицизма имело место в подмосковной усадьбе Паниных. Средневековые детали украшали сооружения в Петергофе и здания в Парголово, построенные по проекту А. П. Брюллова. Брат знаменитого живописца часто использовал стилистику готической архитектуры, в частности применив ее при строительстве Пулковской обсерватории.

Алупинский дворец. Северный фасад центрального корпуса

Англичанин Блор сумел предугадать желания заказчика, предложив проект дворца в готическом стиле с мавританским порталом и павильонами всевозможных исторических и

национальных направлений. Согласно первоначальному замыслу ансамбль включал в себя центральный, библиотечный и гостевой корпуса, романские часовые башни, террасу с мраморными львами, дворцовый дворик, зимний сад, фонтаны. Отдельное здание для гостей позже получило название «шуваловского», оттого что в правой его части были устроены покои дочери владельца Софьи Михайловны Воронцовой, в замужестве графини Шуваловой. Комплекс дополнялся пейзажными парками двух типов. Помимо английского, был создан уникальный сад камней «алупкинский хаос», где использовались природные нагромождения глыб диабаз.

Вместо строгого геометрического классицизма британский архитектор сделал упор на средневековое зодчество. На фоне горной гряды, окруженный рощами кипарисов и магнолий, дворец обрел самобытный художественно-выразительный образ. Зодчий расположил постройки с запада на восток в соответствии с направлением гор, позволив зданиям органично вписаться в окружающий ландшафт. Следуя от главного корпуса к павильонам, можно проследить развитие архитектурных стилей от романского до английской архитектуры Нового времени.

Работы по новому проекту начались в декабре 1832 года. К тому времени была возведена значительная часть столового корпуса, начатого два года назад. Всеми работами руководил прибывший из Англии архитектор Вильям Гунт. С 1831 года почти шесть лет строилось центральное здание. В 1824–1841 годах на территории усадьбы возводились Азиатский павильон, Чайный домик, «индийская мечеть» и православная церковь в «греческом духе». После этого вблизи столовой появилась бильярдная, а спустя два года началось оформление парадного двора и отделка новых построек: дома для гостей, восточных флигелей, хозяйственных сооружений.

Творчество Эдуарда Блора основывалось на увлечении старинными памятниками. Посвятив молодость изучению наследия прошлого, в зрелые годы зодчий редко отступал от принципов английского романтизма. После сотрудничества с Воронцовым он занял место придворного архитектора Георга IV, затем служил королеве Виктории. Ему принадлежат планы перестройки Вестминстерского аббатства, создание части Букингемского дворца. Блор занимался строительством замков и усадебных построек в Англии и Австралии. Все же наиболее полно его талант раскрылся в проекте крымской резиденции князя Воронцова.

Посетившую губернатора путешественницу О. Шишкину поразили «обширный замок из крымского порфира, сооруженный по плану английского архитектора русскими работниками. Достойны удивления и любопытства пространные сады с деревьями и цветами, о которых даже не слышали на севере, которых прелесть нельзя вообразить, а только увидеть». Не менее восторжен отзыв известного русского архитектора Е. Л. Маркина: «Нигде, кроме Алупки, я не видел такого сочетания архитектурного гения с гением пейзажиста, моря с горами, камня с лесом, дикости природы с изяществом цивилизации».

Вид Львиной террасы

Расположенный с запада главный вход во дворец выполнен по типу замков суровой романской архитектуры. Две круглые сторожевые башни замыкают высокие глухие стены с характерными зубцами. Серый камень, грубая кладка, щелевидные окна-бойницы, тесные пространства создают впечатление неприступности. К центральному корпусу ведет узкий проезд, похожий на улицу средневекового города. Чугунный навесной мостик, соединяющий стену и здание, имеет вполне практическое значение. При жизни Воронцовых музыканты проходили по нему на хоры парадной столовой. После сумрачной тесноты прохода просторный парадный двор создает ощущение света и воздуха. Отсюда открывается великолепная панорама гор. По замыслу архитектора, если смотреть со двора, вершина Ай-Петри выглядит «вмонтированной» в своеобразную раму, гранями которой служат часовая башня, восточный флигель и подпорная стена с фонтаном в центре. По мере продвижения в глубь комплекса чувствуется постепенное изменение стилей.

Центральный корпус выстроен в архитектурной манере эпохи Тюдоров. Типичные признаки английского Ренессанса представлены четкими прямоугольниками окон; деталями, расположенными на разных уровнях; узкими многогранными полуколоннами, разбивающими фасад на вертикальные плоскости. Четкий геометризм форм намеренно нарушается выступами парадного входа, эркеров и боковых ризалитов с куполами в форме луковиц. Массивную кладку стен и грубую фактуру камня зрительно облегчают изящные верхушки колонн (пинакли), зубцы и готические дымовые трубы, похожие на минареты мусульманских мечетей.

Алупкинский дворец. Южный фасад центрального корпуса

С переходом на противоположную сторону здания европейское архитектурное направление постепенно обретает восточные черты. Львиная терраса южного входа получила название благодаря скульптурам итальянского ваятеля Винченцо Боннани. В декоративном убранстве дворца обнаруживается подобие стилеобразующих элементов западного и восточного зодчества. Изящно отделанный, освещенный солнцем южный фасад центрального корпуса обращен в сторону моря. Основной мотив декора в виде стрельчатой подковообразной арки повторяется в каменном ограждении крыши и чугунной балюстраде балконов.

Смешение стилей в любом виде искусства традиционно считается признаком дурного вкуса. Будучи истинным британцем, Эдуард Блор сочетал в себе консерватизм и стремление к новаторству. Причудливая игра противоположностей явственно прослеживается в формах Алупкинского дворца, где переходы стилевых направлений созданы фантазией опытного специалиста и служат своеобразным путеводителем по странам и эпохам. Всего лишь обогнув стену дома, из Англии можно попасть в Турцию, перешагнув при этом из Средневековья в Новое время.

Художественный образ дворцового ансамбля создавался под влиянием рыцарских романов Вальтера Скотта и арабских сказок. Именно в 1830-х годах россияне впервые смогли прочесть «Тысячу и одну ночь», «Айвенго» или «Альгамбру» В. Ирвинга на русском языке. Южный фасад центрального корпуса строился из грубо обработанного серого камня, но оформлялся с восточной пышностью. Местный колорит заключен в подковообразной арке и двухъярусном своде. Тонкая резьба по гипсу в нише предусматривает причудливое сочетание двух разноплановых мотивов: тюдоровского цветка и восточного лотоса. Фриз украшает шестикратно повторенная арабская надпись: «И нет победителя кроме Аллаха», заимствованная из символического декора Альгамбры.

При строительстве дворца использовался труд 300 крепостных мастеров из Владимирской и Московской губерний, возглавляемых подрядчиком Гавриилом Полуэктовым. В архивах губернатора сохранились имена одаренных столяров Якима Лапшина, Наума Мухина, Максима Тисленко и лепщика Романа Фуртунова. Неповторимый декор стен и внутренних помещений также исполнен крепостными, работавшими по эскизам художника И. И. Ковшарова. Стараниями русских умельцев дворец, задуманный в качестве демонстрации знатности и богатства, стал памятником таланту зодчих, живописцев, скульпторов и мастеров из народа.

Большая часть построек дворца создавалась из диабазы – магматической горной породы красивого зеленовато-серого тона. Камень брали из естественных россыпей, коих в окрестностях Алупки имелось огромное количество. Из диабазовых скал сооружались основания некоторых корпусов. Эта порода вдвое тверже гранита и плохо поддается обработке. Многодневный труд могло испортить одно неверное движение. Потомственные каменотесы, камнерезы, столяры и паркетчики владели уникальным искусством, которое чаще использовалось в культовых постройках. Секреты обработки поверхностей и создания рельефных изображений при строительстве храмов передавались из поколения в поколение. Мастера превращали большие бесформенные глыбы в прямолинейные блоки, часто с затейливым, сложным узором. Дальнейшая шлифовка, непременно вручную, с помощью примитивного инструмента, применялась при создании гладких плит для отделки внутренних помещений.

Алупкинский дворец. Часовая башня

Алупкинский дворец. «Рычащие львы», скульптура Винченцо Боннани

Колоссальный объем работ осуществили солдаты саперного батальона, которым поручили устройство террас парка перед южным фасадом главного здания. В 1848 году из мастерской Боннани были доставлены каменные львы, установленные на лестнице главного входа. Великолепная скульптура Львиной террасы ознаменовала завершение строительства Алупкинского дворцового ансамбля.

Замечательный парк располагался на вертикальной поверхности, поднимаясь уступами от моря на высоту до полукилометра. По стилистическим признакам он делился на две части. Регулярный сад находился на ближайшем к дворцу участке и южных террасах. Отдаленные земли усадьбы занимал пейзажный парк английского стиля.

Воронцовы отмечали торжественный день завершения строительства дворца без главы семейства. Михаил Семёнович в то время находился далеко от дома, оставаясь на должности наместника и главнокомандующего кавказских войск до 1854 года. Губернатор Новороссии считался одним из самых богатых людей в России. Кроме военных заслуг, его ценили за либеральные взгляды и деятельность по благоустройству городов Крыма и Северного Причерноморья. Последние годы жизни он провел в Одессе, где скончался 7 ноября 1856 года и был похоронен в кафедральном Преображенском соборе.

Дворец в Алушке находился во владении трех поколений Воронцовых до Октябрьского переворота 1917 года. Новая жизнь уникального комплекса связана с историей музея, возникшего вскоре после окончания национализации. Отдавая дань немногим добрым делам большевиков, можно утверждать, что своим спасением дворец обязан Ленину. В одной из телеграмм вождь призвал крымчан к принятию «решительных мер к охране художественных ценностей, картин, фарфора, бронзы, мрамора и т. д., находящихся в ялтинских дворцах и частных зданиях, ныне отводимых под санатории Наркомздрава».

Итогом «решительных мер» стало создание музеев в большинстве дворцов южного побережья Крыма, в число которых одной из первых вошла экспроприированная усадьба Воронцовых. Работами по восстановлению здания и формированием экспозиции руководил А. Г. Корнев, назначенный главным хранителем Алупкинского дворца. Неутомимый энтузиаст музейного дела, знаток западноевропейского искусства, он собрал группу местной интеллигенции, принявшую на себя ответственность по учету ценностей из бывших дворянских усадеб. Внушительное собрание составили произведения живописи, предметы убранства и старинная мебель, доставленная из летних резиденций Романовых, Юсуповых, Строгановых, к тому моменту обращенных в пролетарские санатории.

Во время немецкой оккупации комплекс едва не погиб от запланированного подрыва и сильно пострадал от мародерства захватчиков. Фашисты вывезли многие редкостные предметы, в том числе 537 живописных и графических произведений.

Музей вторично открылся лишь в 1956 году, когда удалось если не восстановить, то

хотя бы приблизиться к довоенной численности экспонатов. В начале нового века Алушкинский дворец-музей может гордиться обширным собранием ценностей, к сожалению уже не принадлежащим России. В коллекции находится более 700 картин, около 6000 гравюр русских и европейских мастеров XVI–XIX веков, собрание карт XVII–XVIII веков, проекты и чертежи Блора, Гунта, зарисовки Ковшарова.

К наибольшему достижению сотрудников музея относится сохранение первоначальных интерьеров, декора стен, деревянной обшивки оконных рам, панелей, дверей и потолков. Весьма редкая для Крыма первозданность убранства позволила выстроить экспозицию в соответствии со вкусами эпохи основателя дворца. Во времена М. С. Воронцова в моду проникала эклектика, постепенно вытеснявшая строгость классического стиля. Художественное соединение несоединимого выразилось в архитектуре корпусов, явивших собой синтез романского стиля, готики, ренессанса и восточного зодчества. В интерьерах господствующим стал тюдоровский стиль, хотя и с включением чужеродных элементов. Блор проявил истинно английский такт, создав единую композицию из ярко индивидуализированных помещений.

Крымские резиденции русской аристократии, в сущности, не являлись дворцами. Буйство красок южной природы, море, пляжи, пышная зелень не располагали к парадности, которой сопутствовало строгое следование одному стилю. При создании удаленных от Петербурга усадеб владельцы не ограничивали свою фантазию рамками принятой манеры. На смену анфиладам и подчеркнуто торжественным залам пришли свободно скомпонованные комнаты, часто небольших размеров. Обособленные по убранству помещения отвечали требованиям уюта и комфорта, а не холодного этикета, как полагалось в столице.

Принципиально новый подход касался расстановки мебели. Легко передвигавшиеся столики, кресла, диваны с пестрой обивкой устанавливали уголками, располагающими к доверительной беседе. Среди форм стала доминировать визуальная и действительная мягкость, округлость линий, часто дополненная сложным декором. В дачном убранстве допускалось разнообразие материалов; приветствовалась экзотика в виде редких вещей, добытых во дворцах татарских владык. Восточные предметы доставлялись в Крым из стран Ближнего Востока и обычно украшали кабинет главы семейства. Для дам устраивались китайские или европейские будуары. Осмотр такого жилища походил на путешествие: из английского парадного зала гости попадали в турецкий кабинет, уютную китайскую гостиную, восхищались спальней с тюдоровской кроватью и завершали турне в классическом зимнем саду.

Парадный вестибюль

Большое помещение, отделяющее вход от внутренних комнат, в любом жилище называется вестибюлем. Однако в монументальных зданиях это место наделено дополнительным содержанием. Просторный вестибюль Алушкинского дворца дает представление о стиле оформления интерьера, одновременно соединяя две зоны различного назначения. Двери с восточной стороны ведут в деловые апартаменты: в парадные кабинеты и библиотеку. С противоположной стороны находятся помещения для отдыха, в том числе несколько гостиных, зимний сад, столовая, бильярдная.

Британские черты отделки можно представить уже по экстерьеру, входя в здание через северный вход. Тюдоровская архитектура корпуса продолжается во внутреннем оформлении, прежде всего в декоративной резьбе деревянных панелей. Готический мотив ощутим в остроконечной форме арок и обрамлении каминов. Тяжеловесный дубовый потолок разделен тягами на геометрические фигуры и напоминает готический свод.

Уподобленный английскому холлу вестибюль лишен традиционной британской лестницы. Проходы на верхний этаж и антресоли (полуэтажи) расположены в отдельном помещении, с тем чтобы не нарушать задуманного ритма. Педантично расставленные кресла

и столики с канделябрами вместе со строго симметричным размещением портретов и бра придают помещению торжественность, переходящую в суровость при слабом вечернем свете.

Парадный вестибюль

Электричество пришло во дворец только в 1915 году, а до того владельцы пользовались свечами. Наряду с бытовым, осветительная арматура имела декоративное значение, повторяя стиль убранства каждого помещения. Украшавшие вестибюль высокие канделябры из патинированной бронзы были доставлены из Франции. Выполненные в форме кариатид, с ответвлениями золотых подсвечников, они превосходно сочетались с бра и цветным фонарем псевдоготической формы, изготовленными российскими мастерами середины XIX века.

Выполняя отделку нижнего этажа, зодчий применил принцип контрастов, в единой мере повлиявший на планировку и цветовое решение интерьера. Свободное пространство вестибюля противопоставляется малым размерам соседних комнат. Антитезой колорита выступает сочетание темного дерева в обшивке со светлыми тонами бумажных обоев. Каминны выполнены из серо-зеленого диабазы. Отшлифованная до блеска, их мерцающая поверхность украшена острыми гранями арок и резным орнаментом.

Вестибюль любого аристократического дома являлся местом представления истории рода. До того как пройти в комнаты, гости знакомились с основателями, покровителями и прославленными членами семейства. В европейских замках портреты прародителей обычно развешивались на лестнице. Герои такой галереи являлись взору в застывших позах, с безучастными лицами, облаченные в тяжелые парадные платья. Внимание зрителя акцентировалось на родовой символической, драгоценностях, на знаках власти и величия.

Воронцовы не стали исключением, повесив изображения своих родоначальников рядом с парадным портретом Екатерины Великой работы Ф. С. Рокотова. Явно стилизованным под Ван Дейка выглядит портрет супруги Воронцова, изображенной в знаменитом малиновом берете. Ковры работы мастера Ага Бозорха из Решта выполнены в старинной технике, которая в настоящее время считается утраченной. Автор искусно соединил кусочки ткани, слюду и острые осколки стекла, применив особый, неизвестный европейцам шов. Картины на персидских вышивках, казалось, не отвечают помпезному духу Парадного вестибюля, но их оригинальность вполне сопоставима с крымскими обычаями. Более того, драпировка тамбура «портретной» вышивкой связала английский стиль прихожей с восточными мотивами южного входа.

Кабинет князя

Небольшая по размерам, уютная, но торжественная по убранству комната вошла в

музейную историю под названием «Парадный кабинет». При жизни губернатора Воронцова здесь устраивались деловые встречи, совещания, давались аудиенции. В отделке служебных помещений традиционно использовалось дерево, которое лишало кабинет холодной официальности. Дубовые панели, оконные рамы, массивные двери, мебель и расписанный под дерево потолок создали безупречный ансамбль.

Удачным архитектурным решением можно считать устройство эркера – освещенного окнами полукруглого выступа в стене, проходящего через все этажи здания. Имея декоративное значение, эркер связал кабинет с природой: из окон открывается восхитительный вид на горы и парк. Деловая атмосфера комнаты определяется неуклонным соблюдением симметрии, касающейся размещения дверей, расстановки столиков, кресел. Единый стиль поддерживается строгими линиями и цветом камина, выполненного из светло-коричневого уральского мрамора. Вместе с тем создатель интерьера не отказался от принципа контрастов, оклеив стены светлыми английскими обоями. Наследники графа Воронцова не позаботились о сохранении старинной обивки стен. После учреждения музея сотрудники сумели восстановить ранние обои, изготовив новые по первоначальным образцам.

Кабинет князя Воронцова

Убранство кабинета отвечает строгому британскому вкусу, хотя не лишено легкого налета романтики. Классический диван темного орехового дерева богато инкрустирован бронзой. Его боковые шкафчики удачно оттеняют обивку, одновременно являясь подставкой для бронзовых канделябров. Простая конструкция кресел и стульев дополнена сложным декором в сочетании трех стилей: готики, ренессанса и барокко. Массивный стол с круглой крышкой и мастерски подобранной текстурой дерева для удобства общения подвинут вплотную к дивану.

По желанию владельца вся кабинетная мебель покупалась в Лондоне, но некоторые антикварные вещи были изготовлены во Франции. Старинный шкаф черного дерева представлял модную манеру буль, уже давно снискавшую признание в России. Этот стиль обрел популярность в конце XVIII века благодаря парижскому мастеру Андре Шарлю Булю, прославившемуся в области изготовления художественной мебели. Придерживаясь принципов классицизма, он использовал необычные приемы, дополнял строгие формы, например, мозаичной резьбой по металлу или кости. В кабинетном шкафу воплотилось наиболее известное его изобретение – техника маркетри, или мозаика из фигурных, различных по цвету и текстуре пластинок фанеры, наклеенных на деревянную основу.

По мотивам работ французского мебельщика изготовлены консольные полки в эркере и письменный стол. Большая библиотека занимала отдельный корпус, и князь держал в кабинете книги, необходимые для повседневной работы. Находившиеся в этой комнате предметы искусства по большей части относились к Отечественной войне 1812 года.

Блестящая победа над армией Наполеона вызвала необычайный подъем национального самосознания. Вещи патриотического содержания украшали кабинет каждого русского дворянина. Во дворце Воронцова военные события отражены в портретах героев Бородинской битвы. Семейной реликвией считалось изображение фельдмаршала М. И. Кутузова, исполненное по образцу известной работы Р. М. Волкова. Портреты боевых генералов Ф. П. Уварова и Л. А. Нарышкина скопированы с полотен Джорджа Доу, выставленных в Петербургской галерее 1812 года. Английский живописец работал в Санкт-Петербурге почти десятилетие, с помощью местных живописцев выполнив около 300 портретов участников Отечественной войны. Творчеству Доу присущи динамика и романтическая возвышенность образов, что по заказу губернатора воспроизвели русские мастера. Уваров и Нарышкин показаны на фоне грозного неба, в сиянии огненных тонов одежды.

Похожая манера отличала портрет самого князя, созданный английским мастером Т. Лоуренсом в 1821 году. Губернатор позировал тотчас после возвращения из парижского похода, уже сняв с себя обязанности командующего русским корпусом в Европе. Тридцать лет спустя Воронцовы заказали копию этого полотна художнице Луизе Дессеме, кисти которой принадлежало множество картин Алупкинского дворца.

Согласно романтическому настрою 1820–1830-х годов женские портреты представляли героинь в духе модной одухотворенности, выраженной мягкими округлыми мазками и теплым колоритом. Размещенное в кабинете князя изображение Елизаветы Ксаверьевны не отличалось своеобразием, но вполне реально представляло женщину, воспетую в стихах Пушкина. Живописный образ супруги губернатора привлекал сосредоточенным взглядом, выдававшим в героине чувственную натуру. Хозяйка дворца позировала в красивом венецианском платье. Неправильные черты ее лица несколько не умаляли трогательной красоты, которую она сумела сохранить до глубокой старости.

Подобно большинству картин, миниатюрная скульптура кабинета отражала события русско-французской кампании. Уменьшенная модель конного памятника фельдмаршалу Артуру Веллингтону являлась отливкой с работы англичанина Котера. Скульптурное изображение прусского военачальника Гебхарда Блюхера, особо отличившегося в сражении при Ватерлоо, скопировано с творения немецкого зодчего Х. Рауха.

Монументальные часы с композицией, уподобленной памятнику Минину и Пожарскому работы И. Мартоса, изготавливались в Париже. Заказ князя Воронцова в начале 1820-х годов исполнял бронзовщик Пьер Филипп Томир. Скульптурная группа располагалась на прямоугольном пьедестале с рельефными фигурами «россиян, жертвующих свое имущество ради спасения Отечества». Французский мастер сделал часы в нескольких экземплярах вместе с канделябрами, на рельефе которых изображены русские военные трофеи. В настоящее время великолепные работы Томира украшают залы Эрмитажа, Петергофского дворца и Екатерининского дворца в Алупке.

Ситцевая приемная

Комната между двумя кабинетами дворца получила название по обивке стен, затянутых ситцевой тканью теплого тона. Модный в эпоху второго рококо материал изготавливался на европейских мануфактурах и пользовался необычайным спросом в России. Мелкий затейливый узор на светлом фоне прекрасно сочетался с деревянными панелями, которыми часто обрамляли нижнюю часть стены. В отличие от бумажных обоев ситец долго сохранял первоначальные свойства, не выцветал на солнце, придавая деловому помещению домашний характер.

Создатель интерьера принял во внимание небольшие размеры комнаты и визуально уменьшил ее высоту хрустальной люстрой, низко свисающей наподобие корзины. Благодаря подвескам создавался эффект преломления света, и лучи играли на ситцевых обоях голубовато-розовыми бликами. Уникальный светильник выполнен русскими мастерами

1840–1850-х годов. Помимо очаровательной обивки стен, Ситцевая комната привлекает собранием пейзажей русских и зарубежных художников. Одним из самых ценных предметов считается полотно «Вид Сорренто» С. Ф. Щедрина. Сентиментальное произведение русского живописца прибыло из Рима, где княгиня Воронцова выиграла его в лотерею.

При жизни губернатора в приемной появилась картина «Юреев Подольский», созданная братьями Никанором и Григорием Чернецовыми. В 1860–1870-х годах по приглашению Воронцовых в Алушке часто бывал классик русского морского пейзажа И. К. Айвазовский. Художник писал окрестные виды и оставлял хозяевам большую часть своих работ, некогда украшавших залы дворца, но пропавших в хаосе Второй мировой войны. В Ситцевой комнате вешены четыре сохранившиеся марины, наполненные ощущением свободы и поэтической дикости природы Крыма.

Если для русских мастеров самым привлекательным объектом пейзажа была Италия, то европейские художники устремлялись в Тавриду, порой оставаясь здесь на несколько лет. Швейцарец Ж. К. Мивилль жил и работал на «загадочном полуострове» в 1809–1816 годах. Зарубежная живопись комнаты представлена его картиной «Вид Гурзуфа», где прибрежный город показан в том виде, в каком он увековечен в стихотворении Пушкина.

Ситцевая комната

Поэтическая атмосфера Ситцевой приемной не нарушена тяжеловесной мебелью. Единственным броским элементом декора служит мозаичный паркет. Простой формы стулья окружают стол с крышкой, отделанной смальтовыми видами архитектурных памятников Рима. Стол изготовлен в студии итальянского художника Микеланджело Барбери, но фактически является совместным творением итальянских и русских мастеров. Картины на крышке сделаны из смальты – цветного непрозрачного стекла в виде кубиков или пластинок, издавна употреблявшегося вместе с цветным мрамором для изготовления мозаик.

Китайский кабинет

Появлению восточной комнаты в русском дворце способствовала мода на экзотику, но в большей мере близость азиатских стран, откуда в Крым доставлялись уникальные вещи. В середине XIX века почти в каждом дворянском доме имелся китайский кабинет. Собственно, это название весьма условно и определялось сутью помещения, где традиционно собирались редкие вещи из разных стран Востока.

Семья Воронцовых устроила своеобразный музей в малой гостиной. Позже комнату назвали Китайским кабинетом только из-за циновки, сплетенной из тонкой рисовой соломы крепостными мастерицами. Вышитый узор на ковриках напоминал восточный орнамент лишь по содержанию: шелково-бисерные листья, цветы, фрукты.

Утонченная отделка гостиной соответствовала английскому стилю других комнат.

Четкий ритм вертикальных и горизонтальных линий стен повторялся в симметричном расположении окон и дверей. Элементы декоративного оформления совмещали подлинные фрагменты итальянской резьбы эпохи Возрождения и схожие работы русских резчиков. Почерк нескольких крепостных мастеров угадывается при внимательном взгляде на панели, рамы зеркал, дверцы стенного шкафа. Искусно имитирующая резьбу лепнина на потолке исполнена крестьянином Романом Фуртуновым.

Рукоделие с незапамятных времен составляло важную часть усадебного быта. Судя по назначению мебели Китайского кабинета, дамы семейства Воронцовых увлекались вышиванием. Один из двух изящных столиков карельской березы дополнен ящиком, куда когда-то складывались иглы, пяльцы, канва и нитки. Оставшаяся от прежних владельцев льняная скатерть могла быть вышита супругой губернатора.

Отголоском далекой восточной страны воспринимается встроенный шкаф для хранения драгоценностей. Китайский сюжет росписи на дверцах все же не позволяет усомниться в его английском происхождении. Использованную здесь технику лакировки изобрели лондонские мастера примерно в середине XVIII века. Процесс отделки поверхности представлял собой многоэтапное нанесение жидкой древесной смолы с последующим высушиванием и полированием. Затем мебель дополнялась золочеными латунными петлями, угольниками, замочками, которые сочетались с рисунком как цветом, так и формой. Столь безупречная фурнитура в то время производилась только в Англии.

На многочисленных открытых полках комнаты расставлены фарфоровые шкатулки, статуэтки и эмалевые вазы, выполненные дальневосточными гончарами в европейской технике клуазоне.

Супруги Воронцовы питали особое пристрастие к угловому шкафчику в манере буль в форме черепахи. Наряду с бесспорной художественной ценностью, этот предмет имел историческое значение, потому что был подарен императрицей Александрой Фёдоровной, посетившей Алупку в 1837 году.

Великолепный трон изумлял редкостной ювелирной отделкой. Согласно надписи, кресло предназначалось для иранского шаха, но посидеть на нем разрешалось любому смелому человеку. Затейливый узор создавала тонкая проволока разнообразных оттенков. Вбитые в дерево металлические нити переплетались вокруг инкрустации из смальты, кусочков черного дерева, мелких пластинок перламутра и слоновой кости.

В годы существования музея сотрудники регулярно восполняли экспозицию, замещая некоторые утраченные вещи. В Китайском кабинете новым предметом стала бронзовая люстра в виде цветочного букета. Эффектная форма с завитками рококо, а также искусное золочение светильника указывали на тонкий художественный вкус русских бронзовщиков.

Артистические гостиные

Вечера в аристократических салонах середины XIX столетия не обходились без музицирования или театральных представлений. В богатых домах устраивались специальные помещения с музыкальными инструментами, небольшим подиумом и местами для зрителей. Сообразно моде того времени одна из комнат дворца была оборудована под домашний театр, значение которого постепенно вышло за рамки одной семьи. Летом 1863 года на сцене Голубой гостиной дал последнее в своей жизни представление великий российский актер Михаил Семёнович Щепкин. Спустя 20 лет актеры Мамонтовской оперы ставили здесь фрагменты «Бориса Годунова», а в августе 1898 года для гостей Воронцовых пел молодой Фёдор Шаляпин, выступавший под аккомпанемент Сергея Рахманинова.

Нежно-голубая окраска стен определялась стремлением к контрасту с парадной строгостью вестибюля. Просторный зал заливал солнечный свет, свободно проникавший через огромные окна, служившие выходом на террасу южного фасада. После того как выдвигался деревянный занавес, комната превращалась в настоящий театр со сценой и миниатюрным зрительным залом.

Наиболее удачным решением интерьера этой гостиной можно считать изумительный лепной орнамент, объединивший вокруг себя все остальные предметы. Уподобленный небесной лазури мерцающий голубой цвет стал великолепным фоном для белой лепнины на стенах. Около 200 деталей редкой штамповки являются творением группы мастеров под руководством Романа Фортунова. Незамысловатый по форме рисунок талантом художника обратился в феерическую картину сплетения стеблей, листьев и цветов. Узор составляют всего несколько видов растений. Неповторяющаяся композиция создается различием их форм и расположения, множеством сочетаний, разнообразием движений стеблей. Белоснежный узор покрывает потолок и стены комнаты, делая ее похожей на садовую беседку.

Декоративная форма аканфа, повторяющая рисунок листьев одноименной травы, широко применялась в античном искусстве. Капители коринфских колонн украшала лепнина в виде крупных резных листьев и стеблей этого растения. В отделке Голубой комнаты очертания аканфа использованы дважды: в лепных узорах стен и камина. Популярный мотив тюльпанов и лилий повторяется в подсвечниках. Светлый колорит помещения оттеняет неяркая позолота мебели. Особую торжественность придают бронзовые позолоченные канделябры, необычной формы люстры и мягко мерцающий узор на больших фарфоровых вазах. Каминные часы со скульптурной группой «Диана и Аполлон» являются точной копией работы мастеров фирмы Томира, исполненной по заказу Жозефины Бонапарт в 1807 году.

Зодчий продумал каждую деталь интерьера. Стараясь не допустить тесноты, он создал гармоничную композицию, оставив в комнате поистине музейные вещи. Белый концертный рояль фирмы «Беккер» стал центром мебельной композиции с левкашенными (от греч. *leukoion* – «белый») стульями и креслами, украшенными накладным позолоченным узором. Елизавета Воронцова была незаурядной пианисткой. Вместе с документами семейного архива сохранилась коллекция нот, доставлявшихся из Москвы, Петербурга и европейских столиц специально для хозяйки дома.

Каминные часы в Голубой гостиной

Богато декорированные стены не требовали украшения, поэтому в Голубой комнате немного картин. Роль традиционных холстов сыграли морские виды на посуде, созданные художниками императорского фарфорового завода. Живописная тема продолжена в голландских пейзажах, удачно помещенных в овальные медальоны. Помимо мелкой скульптуры, оформление комнаты составляют парные напольные вазы с лазурным покрытием, изготовленные в виртуозной технике Севрской мануфактуры.

Небольшой будуар рядом с Голубой гостиной получил название «артистической» только по расположению. После своеобразия соседней комнаты несколько удивляет его скромный вид, но именно в этом состоит архитектурный прием контрастов. Здесь царит строгая классика: светлые стены, неброский рисунок паркета, привычное обилие дерева,

настенные зеркала в резных рамах, бронзовые канделябры и удобные кресла с золочеными накладками.

Убранство артистической представляет вниманию возможности крепостных мебельщиков, портретистов, столяров, трудом которых создавался типичный облик русской усадьбы начала XIX века. В архивы губернатора заносились далеко не все имена талантливых самородков, хотя многие из них виртуозно владели мебельным ремеслом, секретами отливки бронзы, писали картины и создавали статуи.

Интерьер артистической

Портрет юного Александра Романовича Воронцова исполнен крепостным живописцем Иваном Кузьминым. Из-за отсутствия академического образования художник не избежал погрешностей в технике. Однако, несмотря на плоские формы или стремление к ярким локальным тонам, его полотна подкупают эмоциональностью и непривычной в классике духовностью персонажей. Таковым на картине в артистической предстает дядя князя Воронцова, изображенный до того, как он стал опытным дипломатом, которого боялись министры и чье мнение определяло решения Коммерц-коллегии. Являясь автором первых печатных переводов Вольтера, с 1761 года А. Р. Воронцов исполнял обязанности поверенного в делах России в Вене, а позже был послом в Лондоне и Гааге.

Остался неизвестным автор многозначительного «Портрета старика». Также не подписано полотно, где запечатлена знаменитая родственница хозяев дома – президент Российской академии наук княгиня Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова. Работа крепостного мастера считается наиболее близким к оригиналу изображением этой умной и образованной женщины, получившей прозвище Екатерины Малой за долгую дружбу с императрицей.

Столовый корпус

Интерьер Парадной столовой не только соответствует принципам английского стиля, но и воссоздает отдельные этапы его развития. Влияние готических традиций проявляется в общей конструкции комнаты, как будто устремленной ввысь благодаря преобладанию вертикальных линий. Самое большое по площади (150 квадратных метров) помещение дворца тем не менее не выглядит слишком просторным. Восьмиметровый потолок зрительно уменьшает горизонтальные размеры и создает парадоксальное впечатление торжественного уюта.

В 1830–1840-х годах мировая архитектура перестала подчиняться академическим нормам. Допускалось, даже приветствовалось, смешение стилей. Зодчие разрабатывали новые конструкции, часто прилагая их к классическим образцам. Начало строительства дворца в Алушке совпало с увлечением готикой, объединившим князя Воронцова и

талантливого зодчего Блора в успешный творческий союз.

Помимо правильно рассчитанных пропорций, удачей архитектора является устройство массивного свода со свисающими замками, который воспринимается как главное украшение комнаты. Цвет и резной рисунок дубового потолка повторяются в мебели, панелях, оконных переплетах и навершиях дверей. Стрельчатая арка создает форму диабазового камина и основу деревянного узора ограждения хоров. Готическая тема завершается в обрамлении декоративных панно «Обелиск» и «Терраса». Монументальные полотна помещены в рамы с рельефным изображением виноградной лозы. Они принадлежат кисти французского живописца Юбера Робера, известного создателя безупречно красивых пейзажей с античными руинами. На глухих стенах Парадной столовой его творения выглядят окнами в природу, вполне уместными в помещении, где реальные окна отсутствуют.

Почти до XIX века английские дома оправдывали известное выражение: «Мой дом – моя крепость», походя на крепости тяжелыми формами и полной изоляцией внутреннего пространства. При создании интерьера столовой Блор не отошел от старинной британской манеры, но применил неоготический прием соединения жилища с природой. Вместо окон появилось большое застекленное пространство – эркер – в центре и прозрачные двери – портфенетры – по бокам. Таким образом, стало возможным пройти из комнаты на террасу с одной стороны и в цветники регулярного сада с другой.

Дулкинский дворец. Столовый корпус

Расположенный под хорами фонтан создан под влиянием татарской культуры, хотя его стрельчатая форма выдает неоготические пристрастия. Ниша комнатного источника отделана майоликовой плиткой нежного серо-голубого тона. Рельефный узор облицовки создается повторными изображениями фантастических птиц и драконов.

Декоративные элементы и убранство комнаты повторяют оформление замков тюдоровской эпохи. Очередное творение английских мебельщиков является взору в виде превосходной столовой группы: четыре сдвинутых стола, стулья и сервант полированного красного дерева. Столешницы из цельных кусков опираются на массивные тумбы с ножками в виде звериных лап. Такие же основания у доски серванта, расположенного в проеме эркера. С 1851 года его мощные формы и торжественное содержание поддерживал буфет с четким растительно-геометрическим узором работы французского мастера Гийома. Он предназначался специально для хранения двух фамильных столовых сервизов, заказанных в Дрездене и на парижской фабрике Даготи.

Помпезный дух столовой подчеркивают предметы из хрусталя, фарфора, уральского камня и бронзы. Коллекция произведений Томира в этой комнате представлена хрустальными вазами на бронзовых подставках и большой декоративной чашей. Ее ножка-колонна окружена аллегорическими фигурами Победы, Славы, Изобилия, воина с копьем.

Буфет в Парадной столовой

Малахитовые канделябры изготовили русские мастера. Судя по сложности узора, они прекрасно владели техникой набора орнамента из отдельных кусков камня. В эпоху классицизма полудрагоценный уральский камень зеленого цвета ценился довольно высоко. Его употребляли для украшения осветительной арматуры либо для отделки мебели или стен. Малахит необычайно красив в сочетании с позолотой, что особенно заметно в декоре канделябров. Отполированная поверхность камня превосходно сочетается с мягким блеском позолоченной бронзы и золота рельефных накладок на постаменте.

Зимний сад

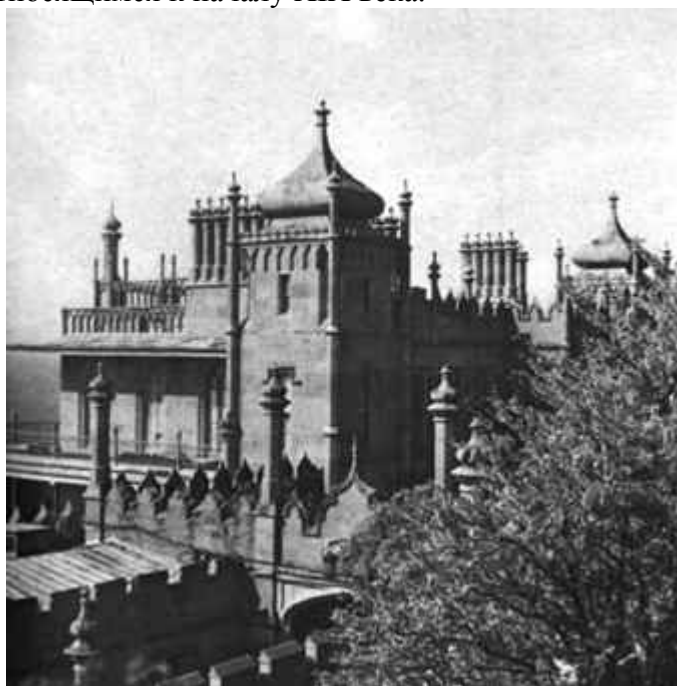
Начиная с екатерининской эпохи зимний сад являлся обязательной принадлежностью каждого дворцового комплекса. Коллекции тропических растений отводилось специальное, хорошо освещенное помещение, оборудованное дорожками, бассейнами и фонтанами. Редкий по красоте и утонченности интерьер создавался посредством соединения природы и произведений искусства. Если последние сохранились в музейных экспозициях, то основа подобных помещений – сами растения – осталась только в виде эскизов и записей в семейных архивах.

Алупкинский дворец. Фонтан перед южным фасадом

Одним из немногих уцелевших зимних садов является галерея Алупкинского дворца. В проекте Блора здесь планировалось устроить открытую бильярдную. Однако в 1838 году длинный балкон застеклили, вдоль стен посадили выющийся фикус-репенс, поставили кадки с деревьями, таким образом устроив живописный проход из главного корпуса в столовый. После существенного обустройства галерея превратилась в уютный садик, где хозяева и гости дома отдыхали, читали, вели беседы, наслаждаясь видом экзотических растений. Среди множества редких видов самыми интересными были араукарии австралийские, доставленные с тихоокеанского острова-вулкана Норфолк. Саговик поникающий и финиковая пальма прибыли из Африки, а манстеру деликатесную привезли из Южной Америки.

Помимо растений, сад украшала мраморная скульптура, установленная на пьедесталах вдоль застекленной стены и вблизи фонтана. Источник окружали копии древнегреческих статуй: «Аполлон Бельведерский» (Леонард, IV век до н. э.), «Купающаяся Афродита» (Дойдалс, III век до н. э.), «Муза астрономии Урания» безвестного автора. Пластический этюд «Первые шаги» (середина XIX века) является оригинальной работой французского скульптора Лорана Маркеста. Его итальянский коллега Квинтилиан Корбеллини представлен изваянием «Девочка», относящимся к началу XIX века.

Алупкинский дворец. Центральный корпус

Вереницу бюстов у стеклянной стены можно назвать мраморным повторением галереи из вестибюля. Самое почетное место традиционно отводилось изображению императрицы. По мнению специалистов, в трактовке немецкого скульптора Иоганна Эстеррейха образ Екатерины II более реалистичен, чем в живописном варианте Ф. С. Рокотова. Мраморные бюсты с изображением двух поколений Воронцовых принадлежат резцу французского скульптора Дени Фуатье. Отец владельца замка, граф Семён Романович Воронцов, более 20 лет возглавлял дипломатическую миссию в Лондоне, снискав славу дальновидного политика. Фуатье удалось передать тонкий ум, ироничность и особую мудрость немолодого человека – истинного представителя просвещенной эпохи. Скульптурные портреты супругов Воронцовых решены в помпезной манере, характерной для парадного бюста эпохи поздней Римской империи.

Ласточкино гнездо

Приютившийся на скале небольшой замок Ласточкино гнездо рискованно нависает над волнами, оправдывая свое романтическое название. Для первых владельцев он представлялся сказочным приютом любви, а сегодня стал своеобразным символом Крыма. Некогда в этих местах обитали тавры, их сменили греческие колонисты, затем пришли римские легионеры, основавшие крепость на западном отроге скалистого мыса Ай-тодор. Плоская площадка восточной оконечности мыса Лимен-бурун («мыс гавани») именуется капитанским мостиком. С нее, словно с верхней палубы океанского лайнера, открывается прекрасный вид крымского побережья, царство солнца, воды и камня, влекущее неповторимым очарованием морского пейзажа.

В древности небольшую ай-тодорскую бухту часто навещали корабли Равеннской эскадры. Прошли века, сменилась картина побережья, и сегодня к причалу подходят лишь прогулочные суда. В 1960 году здесь снимались эпизоды известной киноленты «Человек-амфибия». Логово «морского дьявола» Ихтиандра располагалось под скалой, с которой 15 лет спустя падали герои «Десяти негрят» режиссера Станислава Говорухина. Безусловно, с обрыва в холодное ноябрьское море прыгали не актеры, предоставившие эту честь ялтинскому каскадеру В. Будишевскому. Недалеко от знаменитой скалы высится маяк, хорошо знакомый каждому черноморскому штурману.

Дворцы южного побережья можно считать каменными страницами истории. По ним прослеживается биография неповторимого уголка крымской земли. Все таврические памятники, относящиеся к глубокой древности или созданные современными зодчими, привлекают на полуостров многочисленных гостей. Многие из приезжих интересуются не тонкостями архитектуры, а таинственной историей, желая погрузиться в неповторимую атмосферу прошлого.

Сложенный из серого камня дворец с изящными готическими башенками хорошо виден с южнобережного шоссе и с катеров, курсирующих между Ялтой и Симеизом. Его зубчатые формы четырьмя ступенями взмывают вверх, неожиданно обрываясь на краю скалы, получившей имя Авроры – римской богини утренней зари. Здание венчает круглая башня, перехваченная в центре и снизу легкими балконами.

Вид на замок Ласточкино гнездо

Суженные по воле создателя стрельчатые окна выглядят сощурившимися от ослепительного солнца и точно вглядываются в бесконечную морскую даль. Вероятно, так же внимательно смотрел первый русский обитатель этого места, старый одинокий генерал, познавший тяготы турецких походов. Решение поселиться на самом краю скалы пришло от

вида дерева, поднимавшегося прямо из каменного монолита. Упрямое растение продолжало существовать, не уступая в твердости камню. Солнце и зной иссушили ствол, но крона радовала глаз ярко-зелеными листьями, являя пример стойкости и неукротимого стремления к жизни.

Через некоторое время на Аврориной скале застучали топоры: старому воину строили деревянный домик, позже названный «Генералиф». После смерти хозяина дачу приобрела московская купчиха Рахманова, наскоро перестроив ветхое здание без учета ландшафта и местных традиций. Не лишенная романтичности, дама прозвала неказистое строение Ласточкиным гнездом, видимо представив себя птицей. В 1911 году «купеческое гнездышко» перешло во владение к немецкому нефтепромышленнику Штейнгелю. Барон приказал сломать деревянную постройку и возвести на ее месте каменный дворец.

Разработка проекта была поручена известному русскому архитектору А. В. Шервуду. Уже в 1912 году на тесной площадке Лимен-бурун стоял оригинальный готический замок. Задуманная зодчим ступенчатая композиция исходила из малых размеров участка. Здание 12-метровой высоты располагалось на фундаменте шириной 10 и длиной 20 метров. «Птичьим» объемам соответствовало внутреннее устройство: прихожая, гостиная, лестница и две спальни последовательно располагались в двухэтажной башне.

На взгляд специалиста неверные пропорции соединены столь же неудачно; комбинация двух кубов и плоской призмы зрительно давит на цилиндр башни, не уравновешивая композицию, а «пытаясь столкнуть ее в бездну». Вопреки архитектурным нормам, объемы не исходят один из другого и потому не выглядят единым целым. Части здания сопряжены механически, но с полярной нагрузкой, то есть не притягивая, а подталкивая друг друга. Некоторым элементам, например башне с провисшим балконом, явно недостает визуальной тяжести. Со стороны весь дворцовый комплекс кажется шаткой конструкцией, готовой в любой момент рухнуть в морскую бездну.

Возможно, конструктивная неустойчивость задумывалась изначально. Шервуд мог запланировать такую постройку по просьбе заказчика. Однако другим архитектурным несообразностям объяснения найти невозможно. Объемы возрастают в соответствии с высотой унылой лесенки, высоким концом направляющейся к обрыву. Проводя аналогию с арифметической прогрессией, каждый последующий элемент здания высится над предыдущим. Особого внимания не уделено ни одной из частей; все они выглядят в равной степени полновесными, напоминая группу сановников одного ранга, выстроившихся по росту.

В то же время некоторая значительность сообщена деталями. Зубчатый венец увеличивается по мере уменьшения высоты блока. В средней части ансамбля расположена гостиная, выделенная широкими окнами, балконами и высокими остроконечными шпилями конусообразной формы, соединенными с рядом небольших арок. Рустика цоколя выражена в облицовке этой части камнями с грубо отесанной, выступающей лицевой поверхностью.

К архитектурным недостаткам здания можно прибавить несоответствие размеров оконных и дверных проемов, а также крайний лаконизм внутренней отделки. Украшения парадного зала служат массивный камин, бронзовые бра, старинная инкрустация, резные детали потолка с выпуклыми изображениями драконов. Атмосферу ушедших эпох создают 11 средневековых гербов. Все же сказочный образ нарушен темными деревянными балками с излишне выдающимися деталями крепления.

Если в архитектурном отношении Ласточкино гнездо отнюдь не шедевр, то его художественный образ вызывает восхищение. Трогательное одиночество дворца, стойко противостоящего морской стихии, исходит от эффектного расположения. Идея устройства замка на самом краю отвесной скалы, безусловно, не является заслугой архитектора. Живописное место выбрал первый владелец, который невольно увековечил свои грезы и преподнес потомкам сказку в камне.

В 1914 году хрупкая обитель на скале Авроры вновь сменила владельца, перейдя в собственность московского коммерсанта Шалапутина. Человеку с такой фамилией не

оставалось ничего иного, как открыть ресторан. В советские годы в здании находилась туристская база, затем отдельные помещения дворца заняла библиотека санатория «Жемчужина». В 1927 году Ласточкино гнездо едва не погибло во время сильного землетрясения. Часть опорной скалы обрушилась в море, и видовая площадка угрожающе нависла над пропастью. Само здание почти не пострадало, если не считать сорванных спицей и оторванного куска скалы под нижним балконом. Однако в стенах появились трещины, поэтому состояние дворца признали аварийным, закрыв доступ в него на неопределенный срок.

Оставаясь безлюдным десятки лет, замок медленно разрушался. Начавшиеся в 1968 году восстановительные работы касались укрепления фундамента, частичного видоизменения фасада и внутренних помещений. Автор проекта реставрации, ялтинский конструктор В. Н. Тимофеев посадил крайний блок здания на консольную железобетонную плиту, заведенную под центральный объем. Таким образом была надежно закреплена крайняя часть дома, оставшаяся висеть над обрушенной скалой. Помимо монолитной плиты, всю постройку обнесли антисейсмическими поясами.

После реконструкции Ласточкино гнездо словно возродилось к жизни. Увеличенная в высоту башня обрела декоративность благодаря четырем спицам. Правильный архитектурный прием нарушил унылое возрастание объемов, сделав акцент на крайней части дворца. Сегодня восстановленный замок официально признан памятником архитектуры прошлого столетия.

Ливадия для царей и народа

Достопримечательности Ливадии начинаются с вершины Могаби (804 метра), живописные склоны которой спускаются в долину «водопадной» речки Учан-Су. Узкая кромка берега от Ялты до мыса Ай-тодор наделена редчайшим скальным ландшафтом и прекрасными пляжами, способными удовлетворить самый изысканный вкус. Знаменитый поселок с царскими дворцами расположился на юго-восточном склоне горы, там, где в древности росли густые леса. Картина залитых солнцем полей на фоне бескрайних морских далей поразила первых поселенцев и навсегда осталась в названии местности – Ливадион (от греч. «луг»).

По иным данным, термин «Ливадия» появился в Средневековье, то есть во времена функционирования Великого шелкового пути, проходившего через Крым и соединявшего Средиземноморье с Китаем. Академик Паллас, написавший «Путешествие по Крыму...», в 1790-х годах назвал это место по-татарски Панас-чаир («священный сад»).

Первобытная история ливадийской земли представлена остатками поселений эпохи халколита, а также каменными ящиками тавров, обитавших здесь в I тысячелетии до н. э. Античные следы заключены в эллинских наскальных знаках и продукции средневековой гончарной мастерской, производившей керамику по греческим образцам. В XVIII столетии на пологом склоне Могаби располагалось греческое поселение Ай-Ян («святой Иоанн») с одноименным храмом и несколькими жилыми домами. Переселенческая кампания 1778 года вынудила население покинуть обжитые, но опасные места: вместе с остальными крымскими христианами поклонники святого Иоанна переселились в Азовскую губернию.

Эллинскую историю Ливадии продолжил грек Ламброс Кацонис, воевавший с турками на борту русского корабля. Осознав себя освободителем родины, юноша записался добровольцем в русскую эскадру, вскоре обнаружив отменные командирские качества. В 1774 году поселился в Балаклаве, где по приказу Потёмкина принял командование греческим батальоном, охранявшим морские рубежи России. С 1788 года Кацонис возглавлял флотилию, собранную из греков-добровольцев, а в 1790 году удостоился чина полковника русской армии и почетного ордена Святого Георгия. Несмотря на воинский опыт, руководимое им антиосманское движение потерпело неудачу, и храбрый командир вынужден был вернуться в Россию. Тем не менее царское правительство не посчитало

проигрыш просчетом. Император Павел I вознаградил преданных греков солидной суммой, которую Кацонис разделил между соратниками. Оставшихся денег хватило на приобретение участка под Ялтой, обустроенного по типу античных усадеб.

Дворцово-парковый ансамбль в Ливадии

Владелец назвал свою вотчину Ливадией, имея в виду старинное наименование этих мест и родной греческий город, расположенный в 120 км к северо-западу от Афин. Ламброс Кацонис скончался в 1805 году, так и не увидев родины. После его смерти усадьба принадлежала командиру Балаклавского греческого батальона полковнику Феодосию Ревелиоти. Спустя десятилетие боевой товарищ Кацониса стал богатым землевладельцем, имевшим в собственности значительную часть ялтинского побережья.

В 1830-х годах Ялту, Симферополь и Севастополь соединило шоссе, обусловившее резкий подъем цен на близлежащие земли. Ревелиоти не замедлил воспользоваться ситуацией, продав Ливадию польскому аристократу Льву Потоцкому. Дворец нового владельца возводился по проекту ялтинского архитектора К. И. Эшлимана. В комплекс вошли два господских дома, церковь, флигеля и хозяйственные помещения. Будучи большим поклонником античного искусства, граф Потоцкий собирал старинные предметы, порой приобретая их в обход закона. Например, бесценный мраморный саркофаг был куплен в Помпее, распилен на куски и тайно вывезен в Россию. В графские времена фонтан перед южным фасадом украшала античная статуя с фигурой лежащей нимфы и аллегорическим изображением Гименя. К сожалению, она не сохранилась до наших дней.

В 1937 году трудом садовников Кебаха и Делингера к имевшимся строениям присоединился парк с магнолиями, лаврами, миртами, кедрами, пиниями и крымскими соснами. Более 40 десятин земли заняли декоративные и садовые субтропические растения, посаженные на открытом воздухе и в оранжереях. Для хозяйственных нужд провели водопровод, а для души установили фонтаны и статуи итальянских мастеров. Позже 19 десятин пустоши занял виноградник; началось производство вин, хранившихся в прекрасно оборудованных подвалах. Из архивов Потоцкого известно, что в 1853 году выход готовой продукции составлял 4 тысячи ведер вина.

Расцвет Ливадии начался в 1860 году, после того как местность перешла в управление Удельного ведомства дома Романовых. Формально усадьбой владела супруга Александра II, императрица Мария Александровна. К тому времени в поселке насчитывалось 30 дворов, где проживало 140 человек. Поместье перестраивалось по проекту придворного зодчего Ипполита Монигетти. На месте обветшалого дома Потоцкого появились бассейны, оранжереи, конюшни, каретный сарай и свитский корпус, эффектно обращенный к морю. Два благоустроенных дворца предназначались для государей (Большой) и наследника Александра (Малый). К южному фасаду главного корпуса примкнула широкая терраса, сплошь увитая виноградными лозами. На одной из ее стен сохранились живописная карта Крыма и макет усадьбы, выполненный И. К. Айвазовским. Татарско-мавританская архитектура Малого дворца повторяла стиль бахчисарайских построек ханской эпохи.

Малый дворец в Ливадии

Значительные изменения претерпела центральная часть парка, украшенная декоративными экзотическими растениями, которые постоянно доставлялись из-за границы. На сегодняшний день от тех построек остались только некоторые службы и дворцовая церковь. При Александре III никаких работ по благоустройству не проводилось, но царские владения неуклонно расширялись за счет приобретения окрестных земель. К началу царствования Николая II территория летней резиденции в Ливадии достигла 350 десятин.

Завершающий этап развития ливадийского комплекса относится к 1909 году, когда было принято решение о сносе полуразвалившегося Большого дворца. Разработкой проекта и организацией строительных работ вновь занялся ялтинский зодчий.

Ко времени получения царского заказа выпускник Петербургской академии художеств Н. П. Краснов успел обрести известность, построив несколько оригинальных зданий в Ялте. Самой ранней его работой была помощь в постройке христианской церкви в псевдорусском стиле. Воплощением собственного проекта стал мавританский дворец Дюльбер в Мисхоре. Готические фантазии выразились в архитектуре католического храма. Форма небольшого дворца-шалы в имении Харакс повторяла традиции швейцарского сельского строительства. В дальнейшем Краснов успешно применял смешение различных стилей, проявляя тонкий вкус, весьма редкий в эклектичных работах той эпохи. В 1913 году ялтинский зодчий получил звание академика архитектуры, в чем немалую роль сыграл удачный проект ливадийского дворца.

Крымская резиденция последнего русского императора создавалась быстро и с большим размахом. Семнадцать месяцев более двух тысяч строителей трудились круглые сутки, работая ночью при свете факелов. Одновременно с возведением корпусов благоустраивалась территория: прокладывались дороги, проводились коммуникации, в том числе дренажная система в виде сети водосборных коллекторов. Сообразно новейшей методике опорой фундаменту послужила железобетонная подушка, которую укладывали на сваи. Для защиты от выветривания наружную поверхность каменных стен покрывали кеслерским флюатом. Отдельные детали внутреннего декора создавались в московских мастерских и доставлялись на место в готовом виде.

По приблизительным подсчетам, строительство Большого дворца обошлось казне в 2 миллиона рублей. Почти столько же было затрачено на остальные работы, в том числе реконструкцию парка. Приступая к созданию Ливадийского дворца, Краснов не задумывался о выборе материала: белый инкерманский камень прекрасно подходил для построек в стиле ренессанса. В 1911 году недалеко от Большого дворца выросли свитские корпуса, дом для министра Фредерикса, казармы и различные службы. Одновременно в путеводителях появились весьма противоречивые отзывы о мастерстве архитектора и вкусах заказчиков. Восхваление и критика относились преимущественно к разностильности, впрочем, отличавшей многие богатые постройки начала прошлого века.

Ливадийский ансамбль располагался на высоте 150 метров над уровнем моря. Четко

выделенное цветом белоснежное здание Большого дворца сверкало на сине-зеленом фоне крымской природы. Черты прошедших эпох проявлялись в оформлении окон и дверей, фонтанов, в конфигурации кованых фонарей и мраморных скамеек. Сложный по компоновке и декору главный корпус представлял собой трехэтажное сооружение с системой внутренних дворов, лоджий, террас. Соединенные переходами и лестницами помещения изумляли роскошной отделкой.

Мраморная аркада придает главному входу Большого дворца удивительную легкость. В рисунке дверей и мраморных диванов можно различить мотивы творчества Рафаэля Санти. Итальянской изысканностью отличалась внутренняя отделка дворца: тонкая резьба по мрамору и дереву, уникальная мебель, высокохудожественная мозаика.

Изначально планировалось сделать дворец квадратным в плане, с входом в восточной стене. Однако в процессе строительства линии восточного фасада удлинились, образовав асимметричные формы, повторявшие очертания горных склонов. Слева на углу возникла лестница с галереями, с противоположной стороны – башня. По замыслу архитектора, эти детали поддерживали каскадное решение северного фасада с типично крымскими перепадами объемов. Здесь же находился главный вход, оформленный в виде портика, завершенного тремя изящными арками. Дугообразные перекрытия опирались на спаренные колонны коринфского ордера с прорезанными желобками каннелюрами и пышным украшением капители, отразившим помпезный дух того периода. Экзотика обращенного к морю южного фасада выражалась в скульптуре декоративного колодца: зловещая химера с пастью льва, туловищем козы и змеиным хвостом, по преданию, отгоняла от дома злых духов.

Расположенная с западной стороны небольшая домашняя церковь в византийском стиле гораздо старше самого дворца. Она возникла в качестве католической часовни Потоцких, была перестроена Монигетти в 1866 году, а затем удачно вписана Красновым в архитектурный ансамбль. Напротив храма расположены звонница и мраморная колонна с надписями на арабском и турецком языках. Затеяливая вязь представляет идею и происхождение памятника, доставленного с Балкан в честь победы русских над турками в сражении 1878 года. Долгое время колонну считали подарком персидского шаха. После исследования оказалось, что из 14 полустиший только одно написано на арабском языке. В остальных воспеваются «его величество, шах, султан, победитель, как Александр (Македонский), совершивший путешествие в эти места, счастливо и благоденственно по возвращении из города Рущука...». Исполнители текста, «бедные Ясари-заде и Мустафа Иззат, с прощением Аллаха», имели в виду султана Махмуда II, захватившего крепость на правом берегу Дуная.

Восточный мотив колонны перекликается с изящным оформлением фонтана с бронзовой головой барана и словом «Ливадия», вырезанным на мраморе знаками арабского орнаментального письма.

Архитектор уделил особое внимание внутренним дворам, арабскому и итальянскому, выдержанному в позднесредневековой флорентийской манере. Интимный характер этого места исходит из замкнутости пространства. Окруженный аркадой полуциркульных арок с дорическими колоннами, выложенный мраморными плитами дворик являет собой воплощение неземного покоя. Чувство нереальной гармонии создают четкий ритм арок и колонн, флорентийские фонари, резная балюстрада, кружевной узор железных деталей. Позади галереи, под крестовыми сводами располагается лоджия, оборудованная мраморными диванами. Тяжеловесная форма мебели с высокими спинками и подлокотниками в виде грифонов подчеркивает древнеримскую атмосферу двора. В центре его устроен фонтан, к которому сходятся восемь радиальных дорожек. Строгая композиция оживляется цветочными газонами и вечнозелеными растениями: пальмами, лавром, тропическими хвойными деревьями.

Внутренний дворик в Ливадийском дворце

Вход со стороны храма закрывают металлические ворота ручной ковки. Работа уральских мастеров изумляет тонкостью исполнения растительного орнамента. Ажурные решетки соответствуют архитектуре дворца, а их черный цвет подчеркивает белизну стен и колонн.

В убранстве 58 комнат дворца ярче проявились пристрастия заказчиков. Вопреки крымским традициям чрезмерная роскошь была рассчитана только на внешний эффект. Богатым декором отмечены все помещения, но более всего выделялись парадная столовая с замысловатой лепниной, бильярдная, «римский вестибюль» и приемная, выполненная по образцу зала Совета пятисот в венецианском Дворце дождей. Кабинет Николая II украшала мебель жакоб из красного дерева, с наклеенными полосками латуни. Модный в конце XIX века стиль получил название по имени создателя – французского мастера Жоржа Альфонса Жакоба, ставшего последним представителем семейства, прославившегося созданием художественной мебели.

По желанию царской семьи первоначальный проект внешнего оформления изменился в соответствии с суеверными взглядами последних Романовых. Помимо химеры, призванной отводить беду от дома, в залах и коридорах были развешаны «счастливые» подковы, а также более 700 икон, картин с религиозными сюжетами и даже дешевых гравюр. В советское время часть наиболее ценных предметов перешла на хранение в музеи Москвы и Петербурга.

В революционных документах подробно описаны события 1917–1930-х годов, когда национализированная Ливадия стала первым рабоче-крестьянским курортом. Санаторий на 300 мест размещался в Большом и Малом дворцах, где гости не только отдыхали и лечились, но и постигали грамоту. Иронией судьбы роскошные залы наводнили представители народа: слушали политические лекции, учились сельскому хозяйству и агрономии. «...В бывших царских дворцах сидят бывшие мужики посконные, поглядывают в окошко. Хорошо! Очень хорошо!», – выразил свои впечатления Максим Горький. Более восторженно о новых порядках отзывался Владимир Маяковский, посетивший Крым в 1927 году. Встреча с отдыхающими санатория «Ливадия» описана в стихотворении «Чудеса»:

Как днище бочки,
правильным диском
стояла
луна
над дворцом Ливадийским...
...где можно
еще
читать во дворце —
что?
Стихи!

Кому?
Крестьянам!

Первые сотрудники санатория, в частности врач Л. М. Брагилевский, с недоумением взирали на необычных курортников «в армяках и полушубках, в косоворотках и пиджаках, бородатых и стриженных в скобку, прибывших в Ливадию из центральных губерний России. У многих с собой сухари, сало: им не верилось, что их могут кормить бесплатно. Их стригли, мыли, выдавали белье, белые костюмы и платья, головные уборы, сандалии. Они удивлялись морю, пышной южной природе, дворцам. Впечатление довершал обед в парадной столовой, в которой они сидели молчаливые и сосредоточенные».

Во время Второй мировой войны Ливадийский дворец понес значительный ущерб. Помимо медицинского и хозяйственного оборудования, оккупанты вывезли почти все ценности, разграбили Большой дворец, уничтожили Малый, сожгли свитский корпус.

В начале февраля 1945 года в Ливадию прибыли участники Крымской конференции глав правительств союзных держав – Советского Союза, США и Великобритании. Выбор места встречи Большой тройки определил мягкий климат Крыма, благоприятно действовавший на здоровье американского президента. По воспоминаниям советского дипломата И. М. Майского, «Сталин не хотел покидать страну, и конференцию нужно было устраивать где-то в Советском Союзе. О Крыме многие знали только по рассказам Льва Толстого, но там мягкая зима, а здоровье Рузвельта требовало серьезного внимания».

После долгих дебатов американцы все же согласились «приехать на край света». Совещания проходили в сохранившемся Большом дворце, но президентам не довелось увидеть мрачных развалин. Тотчас после того, как Ялту утвердили в качестве места проведения форума, в Ливадии начались восстановительные работы. На полуостров прибыли 1500 вагонов оборудования, строительных материалов, мебели. Титанические усилия завершились успешными переговорами и, несомненно, спасли уникальный памятник от послевоенной разрухи.

В настоящее время санаторий «Ливадия» остается здравницей общетерапевтического и кардиологического профиля. С 1974 года Большой дворец получил статус памятника старины и стал недоступен для проживания. В его залах начали проводиться выставки русских художников, а посетителям музея представилась возможность осмотреть превосходный архитектурно-парковый ансамбль.

Массандровский дворец

Дворец императора Александра III в Массандре часто называют архитектурным чудом. Расположенное среди живописных скал трехэтажное здание поражает фантастическими формами, при этом удачно вписываясь в окружающий ландшафт. Его неповторимую красоту составляют пирамидальная крыша, романтично оформленная мансарда, сложный профиль каминных и вентиляционных труб, ажурные решетки. Следуя модным эклектичным тенденциям, архитектор использовал элементы различных стилей, отдав предпочтение готике и раннему французскому ренессансу. Романтичный образ создают мифологические статуи, а две круглые башни сообщают сходство со средневековым сооружением. Их стреловидные завершения вместе с высокими трубами создают впечатление устремленности ввысь, оттого дворец смотрится изящным и сказочно легким.

Массандровский дворец проектировался как место для пикников и охоты царской семьи. Его возведение началось в 1881 году по распоряжению князя С. М. Воронцова. Наследник губернатора Новороссии запланировал постройку недалеко от церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи, в краю, славившемся источниками и таинственными гротами. Французский архитектор Бушар намеревался оформить дворец в стиле зрелого барокко. Однако большая часть планов осталась на бумаге. Спустя год Воронцов умер, и участок опустел до 1889 года, когда усадьбу вместе с заброшенным строением для

Александра III приобрело Удельное ведомство.

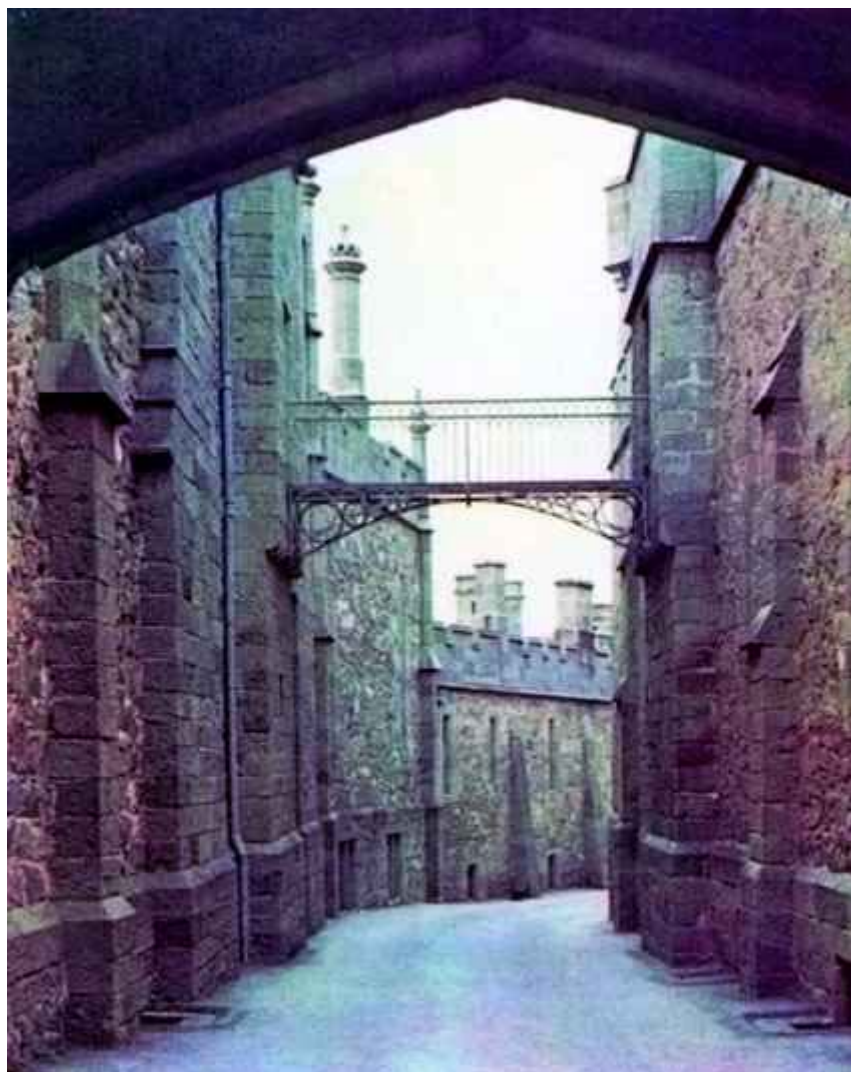
В 1892–1900 годах сооружение дворцового ансамбля велось по проекту профессора М. Е. Месмахера. Новый архитектор развил первоначальный замысел в сторону большей декоративности. Сохранив средневековые детали старой постройки, он ввел много барочных и модернистских элементов. Кроме того, были внесены изменения в оформление фасада, а также задуманы оригинальный интерьер и совершенно иная планировка парка.

Долгое время строительными работами руководил немецкий зодчий О. Э. Вегенер. Все же трагический случай вновь лишил усадьбу владельца: осенью 1894 года император скончался, не успев насладиться красотой и комфортом нового жилища. Дворцом никто не интересовался до окончания Гражданской войны. При большевиках он использовался в качестве государственной дачи, причем в известные годы именовался Сталинским.

Можно надеяться, что завтрашний день Массандровского дворца будет гораздо счастливее прошлого. В 1990 году его передали музейному объединению «Дворцы и парки южного берега Крыма» для восстановления интерьера-экспозиции эпохи Александра III. Через два года открылся музей, и красота царских покоев стала доступна каждому желающему. Сегодня Массандровский дворец считается лучшим архитектурным памятником крымского побережья.

Дворец изначально был задуман как место отдыха, поэтому в нем не предусмотрены парадные апартаменты. Высокий художественный уровень внутреннего убранства определяет атмосферу уюта и комфорта. Миниатюрные жилые комнаты с низкими потолками оборудованы каминами из крымского мраморного известняка. Превосходный парк площадью около шести гектаров органично вписывается в композицию здания, создавая уникальный по красоте дворцово-парковый ансамбль.

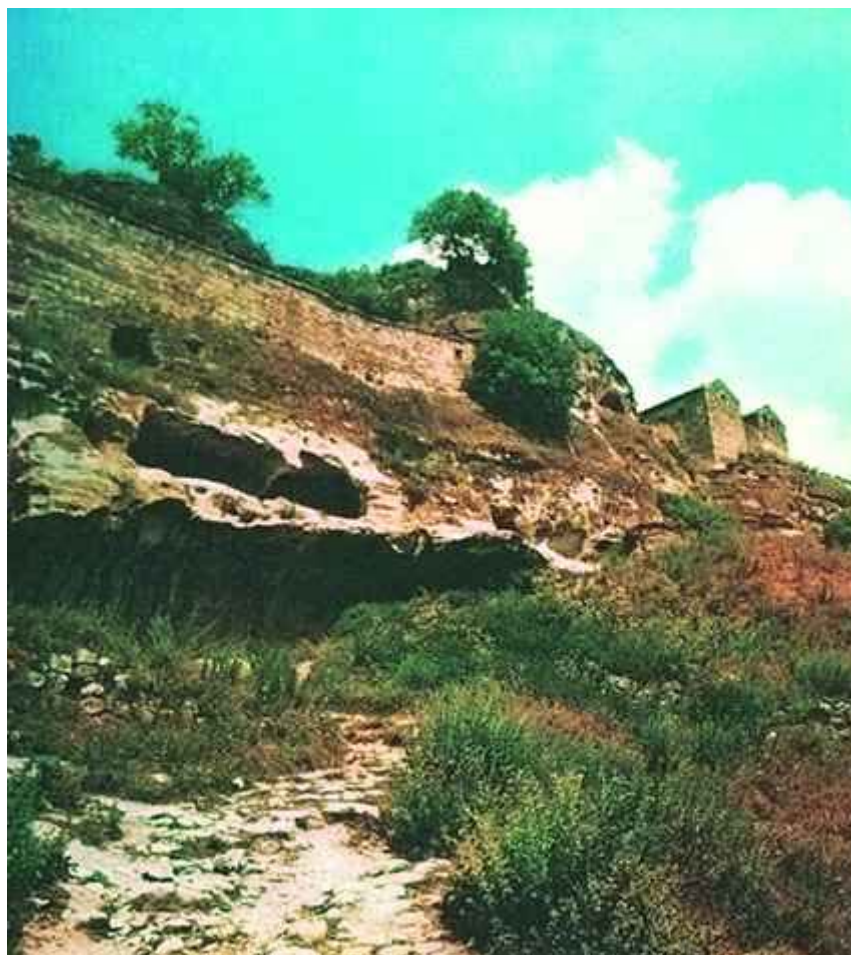
Иллюстрации с цветной вкладки

Дворец Воронцова. Средневековый проезд

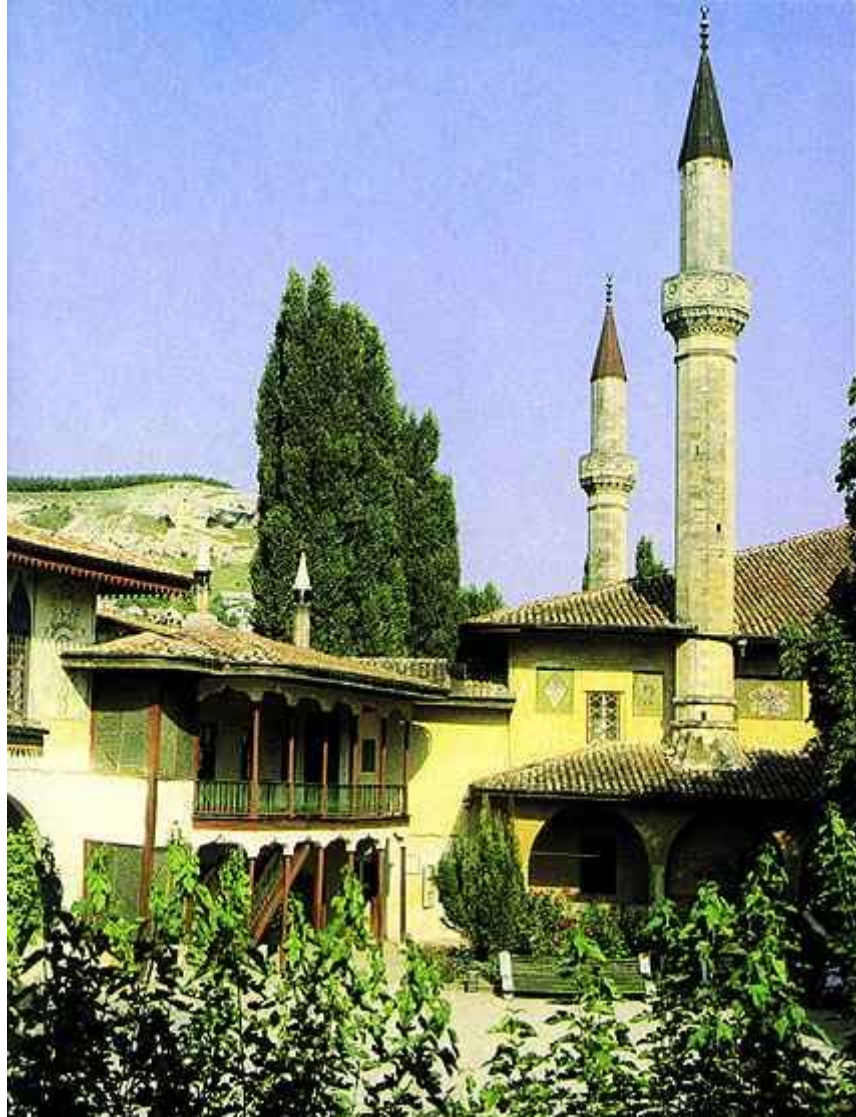
Генуэзская крепость в Судак

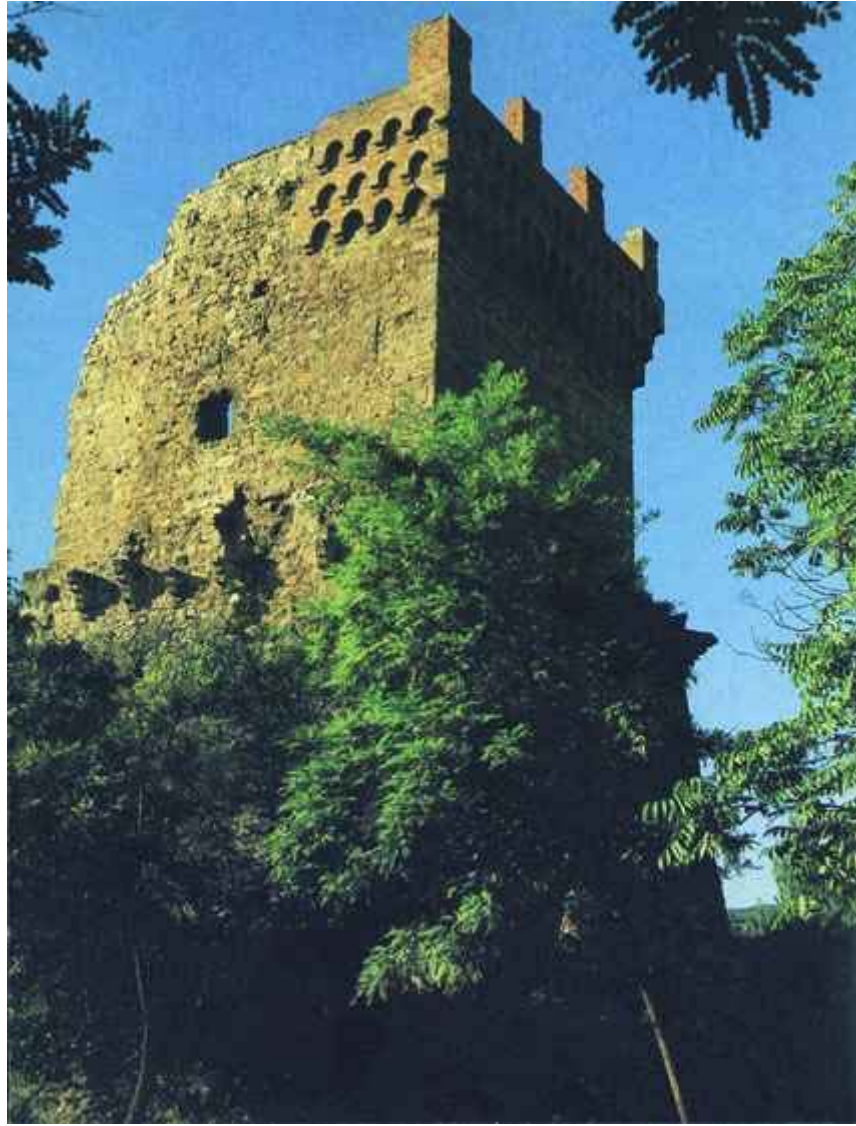
Чуфут-Кале. Вид на крепостную стену

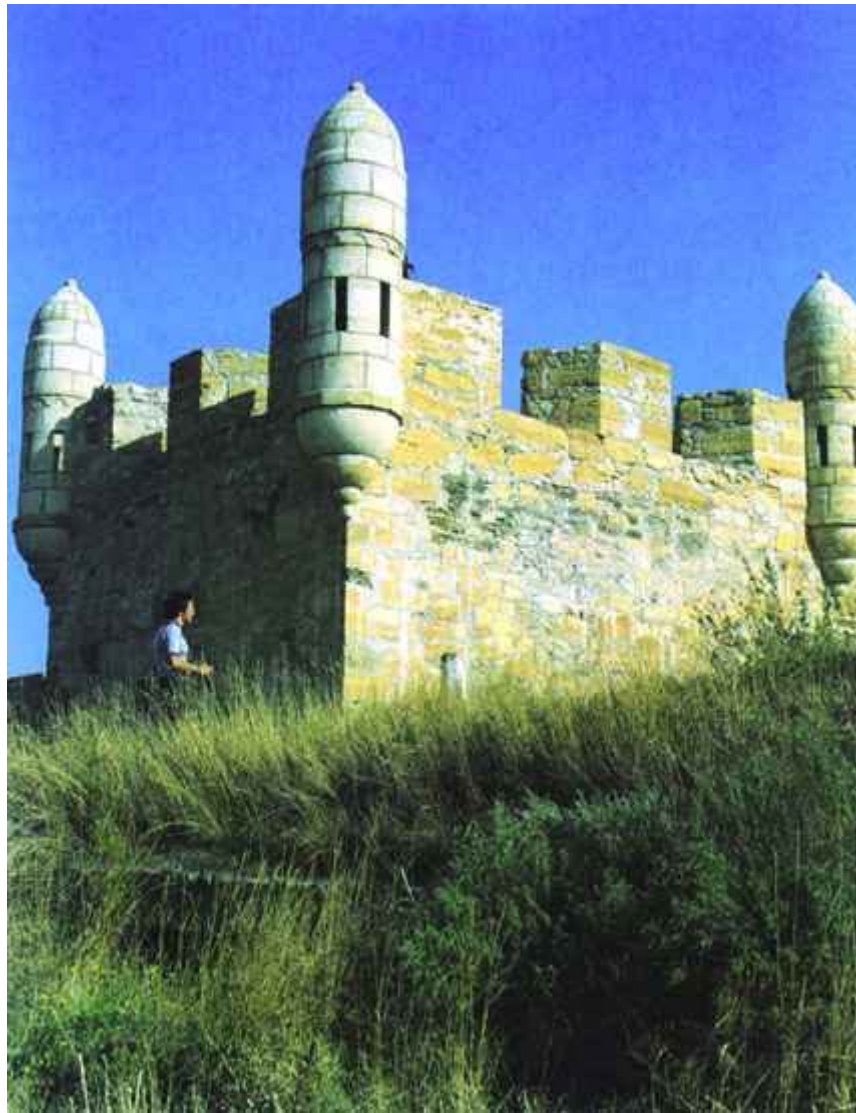
Пещерный город в окрестностях Бахчисарая. Дозорная башня

Старые кварталы Бахчисаря

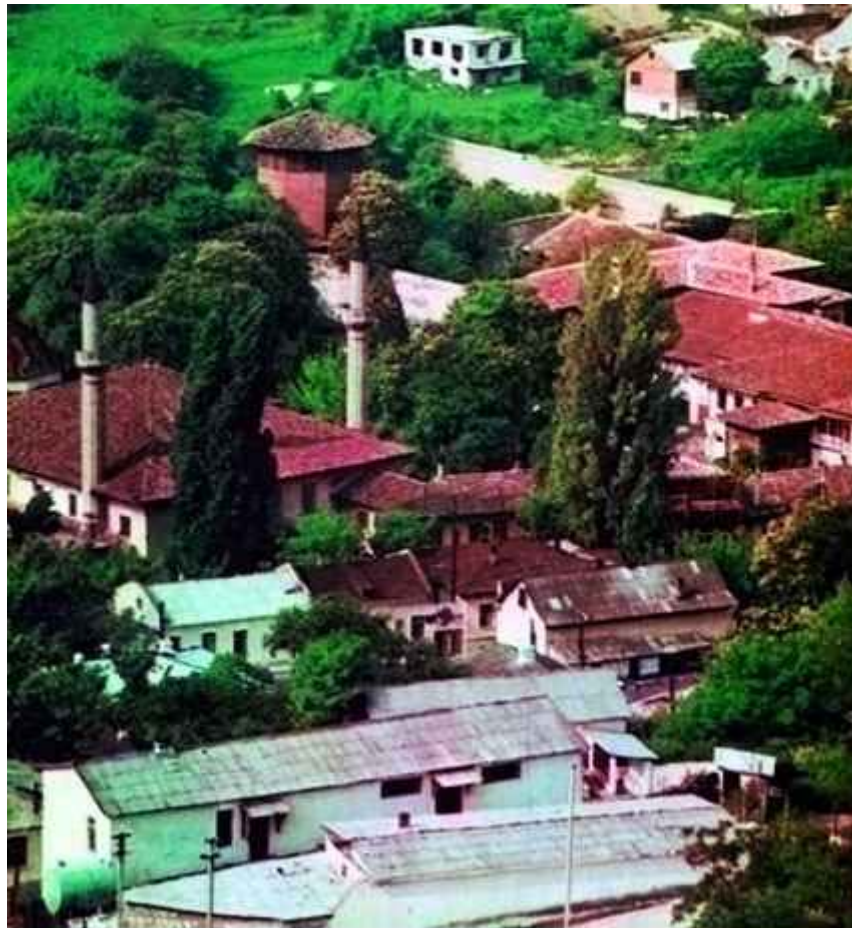
Феодосия. Башня Святого Климента

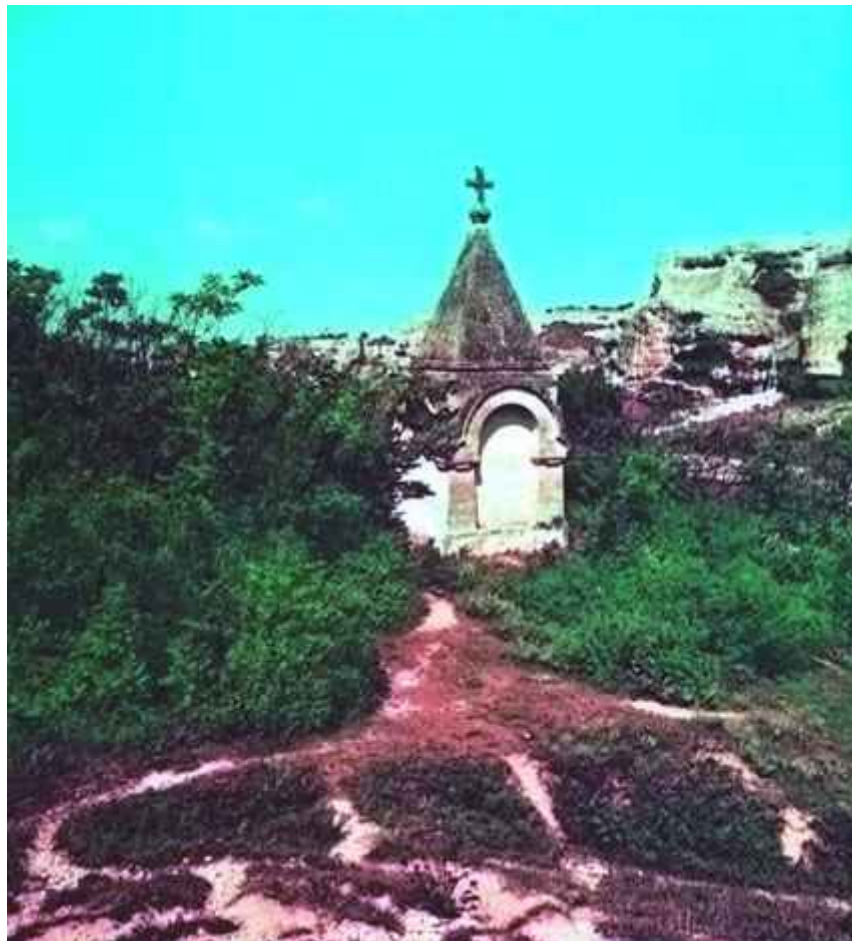
Керчь. Крепость Еникале

Бакла. Вид на террасу

Бахчисарай. Панорама ханского дворца

Окрестности Бахчисарая. Часовня, сооруженная в честь присоединения Крыма к России

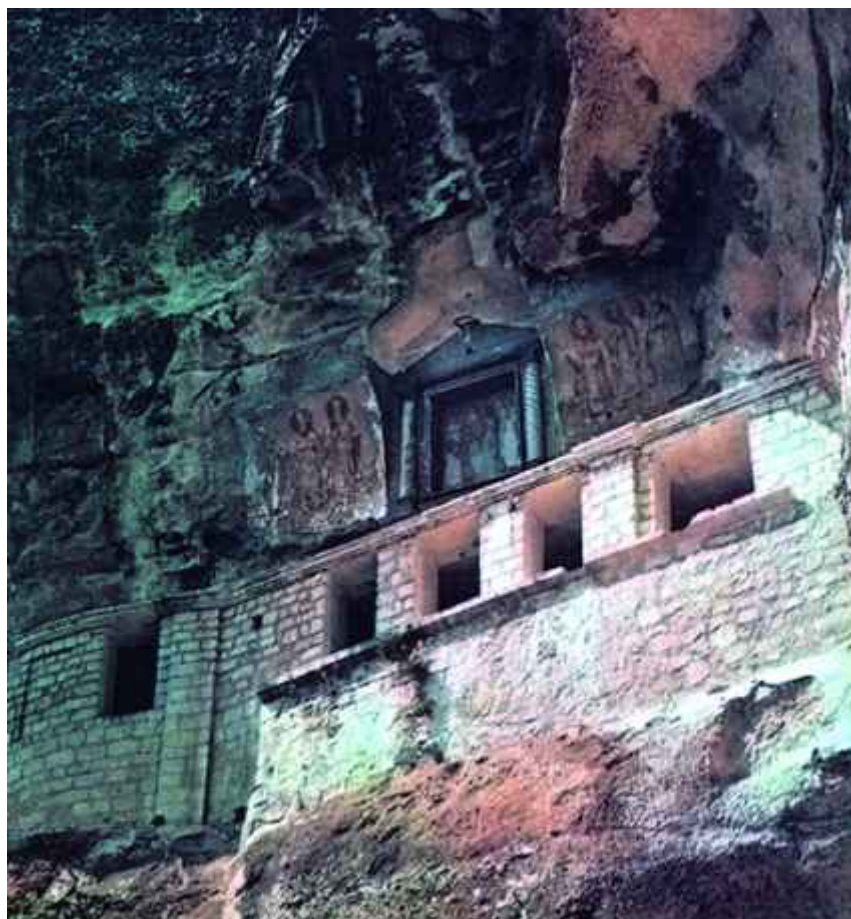
Пещерный город в окрестностях Бахчисарая. Развалины крепостной стены

«Базлика в базилике». Археологический заповедник Херсонес Таврический

Дворец Воронцова. Главный подъезд со сторожевыми башнями

Успенский пещерный монастырь

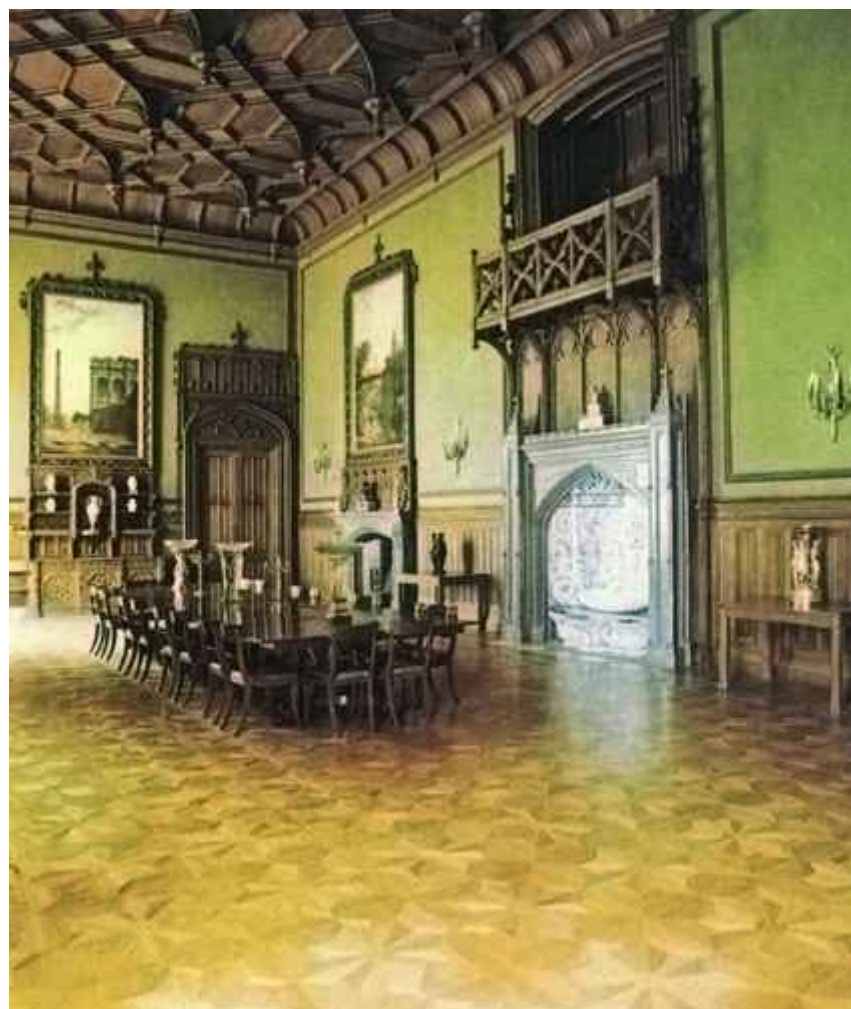
К. Ф. Богаевский. «Крымский пейзаж», 1930

Дворец Воронцова. Шкафчики в китайском кабинете

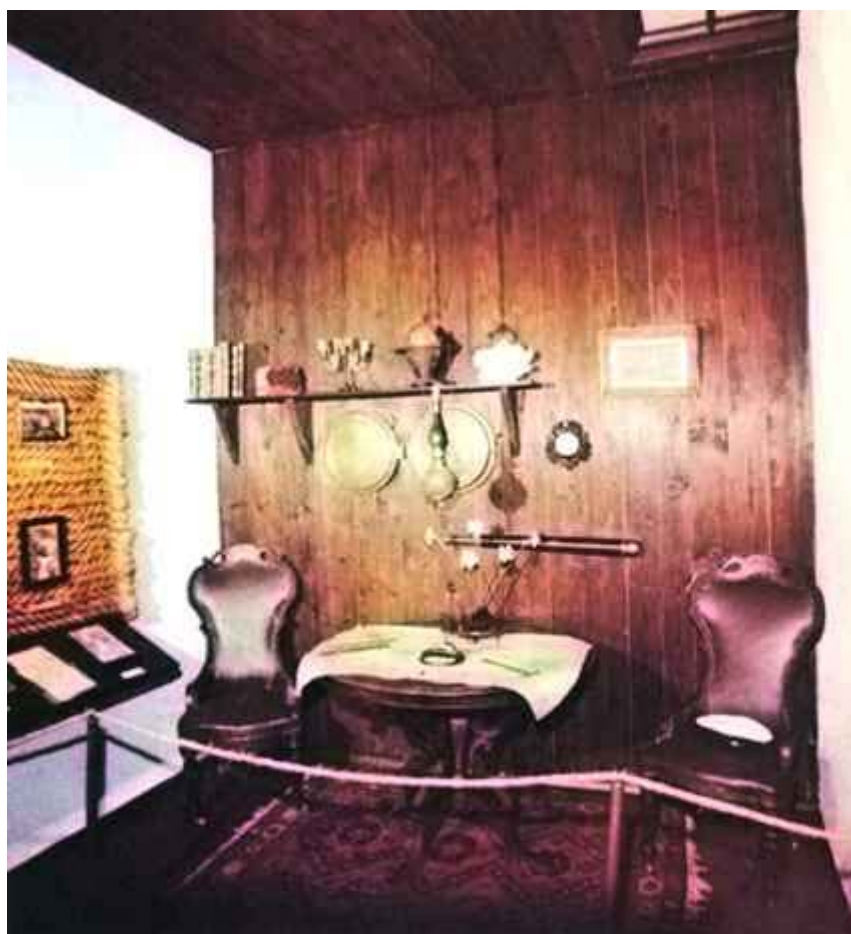
Дворец Воронцова. Китайский кабинет

Дворец Воронцова. Парадная столовая

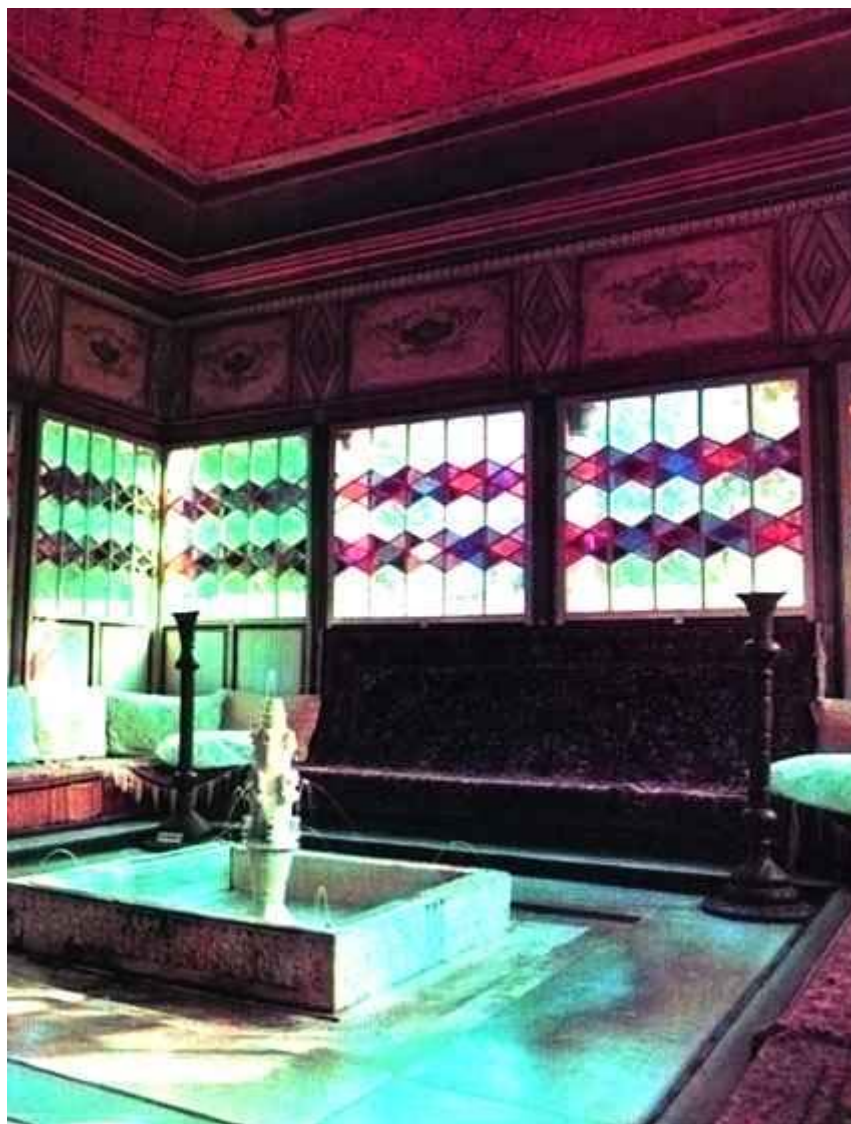
Бахчисарайский дворец. Детали европейского убранства

Каюта капитана Гёза в доме-музее Александра Грина

Зал заседаний санатория «Ливадия»

Бахчисарайский дворец. Интерьер летней беседки

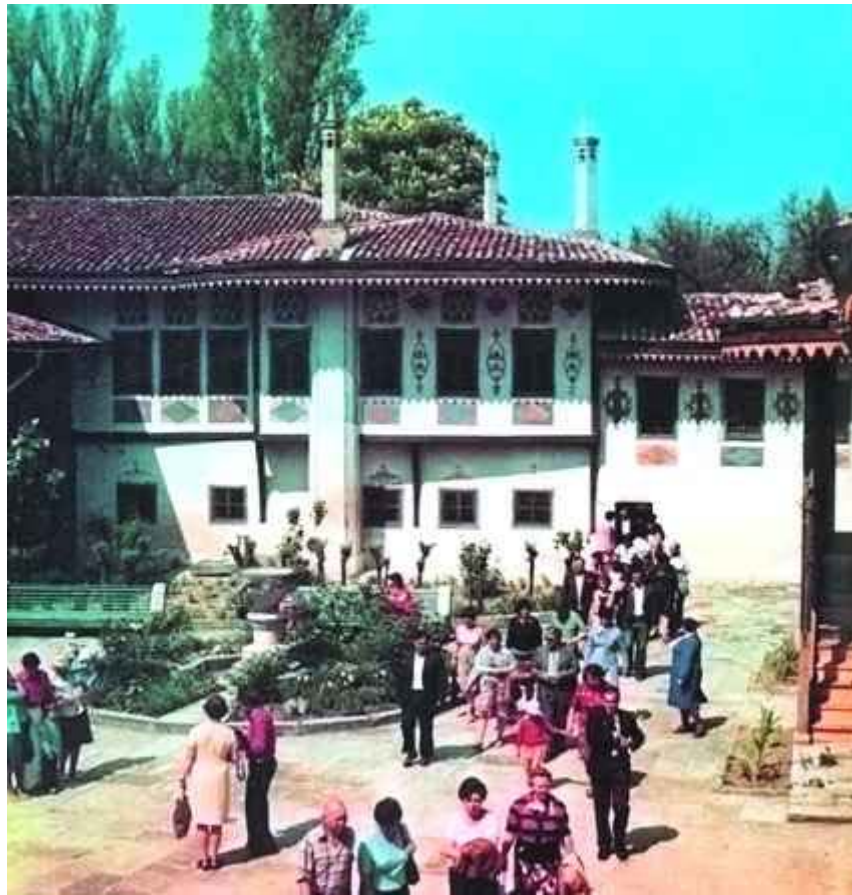
Дворец Воронцова. Фонтан в зимнем саду

Дворец Воронцова. Фонтан «Грильби»

Дворец Воронцова. Вид из парка

Бахчисарайский дворец. Главный двор

Здание панорамы обороны Севастополя

Беседка в Никитском ботаническом саду

Здание картинной галереи в Феодосии

Золотой скифский гребень